

**АЛЕКСАНДР
СТЕПАНОВ**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Александр Степанов родился в 1949 году в селе Серебрянка Новосибирской области. Окончил медицинское училище, сельскохозяйственный институт, служил в Армии, работал фельдшером, зоотехником, преподавал в школе. В 1997 году вышла его первая книга стихов «Строго между нами». А.Степанов член Союза писателей России с 2002 года. В настоящее время живёт в городе Волгодонске Ростовской области.

**АЛЕКСАНДР
СТЕПАНОВ**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Моя энциклопедия

Волгодонск
2021

84 Рос 6
С 79

Степанов А.В.

Моя энциклопедия / Александр Владимирович Степанов. – Волгодонск: Самиздат, 2021. 325 с.

Книга «Моя энциклопедия» представляет собой сборник рассказов и анекдотов из жизни автора и его родственников, друзей и знакомых, связанных с ним одной судьбой.

**КАЗАКОВА
ЛЮБОВЬ
СТЕПАНОВНА,**

заведующая библиотекой
Куйбышевского
медицинского училища в
годы, когда я учился в нём.

* * *

Любовь Степановна – полная, но расторопная женщина, как большинство полных людей добрая и радушная. Она любила всех учащихся, которые любят читать, в том числе и меня. Я перечитал все книги по народной медицине, особенно, что касалось лечения травами. Мало того, я начал вести картотеку лекарственных растений. Иногда она сетовала на то, что в библиотеке училища мало нужных мне книг. Используя свои связи, она иногда приносила, выпрошенные у кого-нибудь из знакомых новые книги. Таким образом, она поддерживала моё увлечение, не давала ему затухнуть.

Однажды она позвала меня на

перемене в библиотеку.

– Саша, смотри, вот каталог книг, которые будут издаваться в этом году и которые можно заказать для нашей библиотеки. Там есть учебники, другие книги по медицине, но есть и одна, которая должна заинтересовать тебя. Если захочешь, я её для тебя закажу.

Книга называлась «*Мировые ресурсы полезных растений*». Как мог я отказаться от такого предложения.

Прошло много времени. Однажды к нам в аудиторию зашла Любовь Степановна.

– Саша, пришла книга, но не знаю, понравится ли она тебе? Я-то считала, что в ней будут описания растений, способы их применения, а там..., впрочем посмотри сам. К сожалению и цена не маленькая – 3 рубля 94 копейки.

Я помчался в библиотеку. Любовь Степановна с постным выражением лица подала толстую большого формата в красивом зелёном переплёте книгу. Я только приоткрыл её и сразу понял: это то, что мне надо, о чём я мечтал. Я чуть не расцеловал эту добрейшую женщину, не раз

и не два благодарил её за такой роскошный подарок. С той поры эта книга стала у меня настольной. Она проехала со мной весь Советский Союз и в течение пятидесяти лет не потеряла для меня своей ценности.

**КАРТАВЫЙ
ПЁТР
ИГНАТЬЕВИЧ,**

терапевт Куйбышевской
районной больницы,
преподаватель
медицинского училища
по специальности
«Внутренние болезни»,
классный руководитель

группы №33, в которой я и оканчивал учёбу. Терапия – довольно-таки сложная дисциплина, но он умел находить слова, которые побуждали нас браться за трудных больных. Благодаря ему мы научились собирать анамнез, дотошно копаться в мельчайших деталях проявления болезней, осматривать больных, выслушивать, разбираться в анализах и почти всегда правильно ставить диагноз.

**КАРАСЁВ
АЛЕКСАНДР
МИХАЙЛОВИЧ,**

сват, тесть брата Евгения
(*Ионин Евгений*
Борисович), отец
Карасёвой Светланы
Александровны.

* * *

Когда требовалось что-нибудь построить, я бегом бежал к свату, точно знал, что отказа не будет. Первый раз обратился к нему, когда надумал поставить баню. Он сразу же согласился, помог заготовить лес, а потом возглавил стройку. Сам я до этого ничем подобным не занимался, но глядя на него старался во всём помогать. Так мало-помалу я получал кое-какие навыки строителя. Потом мы строили, стайку для коровы и других животных, гараж. Когда я завёл пчёл, он сделал несколько ульев из самого бросового материала. Пчёлы этого не заметили и успешно плодились в них, заливая мёдом соты.

Когда я начал работать на стройке сам, то каждый день с благодарностью вспоминал свата. Он научил меня держать в руках топор, пилу, молоток, что очень помогло мне при освоении специальности плотника-бетонщика.

Карасёва Светлана Александровна –
с.м. **ИОНИНА** **СВЕТЛАНА**
АЛЕКСАНДРОВНА

«КОЛДУН»,

сказка в стихах, написана в 2002 году. Впервые опубликована в журнале «День и ночь» в №7-8 2002. Этот журнал я в руках не держал, видел только интернетовскую версию.

В сказке рассказывается о скитаниях женщины крестьянки в поисках избавления от проклятия, которое наложил на её семью злой колдун.

Отдельной книгой не выходила.

**КОНЫШЕВ
БОРИС
ВАСИЛЬЕВИЧ,**

коллега по Чулымскому райкому партии. Заведовал отделом пропаганды и агитации. Всегда был в добром расположении духа, любил шутить, никогда не жаловался на судьбу.

* * *

Однажды зашёл в мой кабинет:

– Чем занимаешься?

– Ничем.

– Пойдём тогда в Орсовский буфет.

– За каким лядом?

– Раиса (Черненко в то время была первым секретарём) просила купить баночку красной икры.

– Пойдём, вдвоём поди дотащим.

Посмеялись. В буфете он спросил меня:

– Себе не хочешь купить, коли случай подвернулся?

– А сколько стоит?

– Шестьдесят рублей.

Я аж чуть не поперхнулся. Это треть моей зарплаты:

– Нет, нет. Мы икру не любим.

– А я возьму. У нас с женой сегодня...

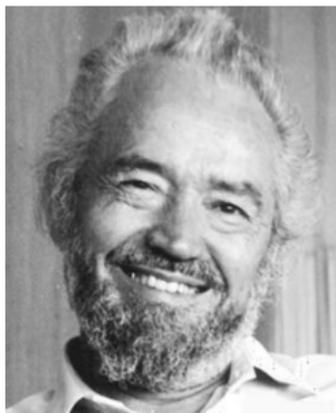
И он назвал важную причину, чтобы вечером съесть этот деликатес.

Назавтра он снова зашёл ко мне. Без всякого повода, просто поболтать.

– Ну и как икра? – полубопытился я.

– А чёрт её знает. Я даже не попробовал. Только мы с Галей уселись за стол, раздался стук в дверь. Зашла малознакомая бабка из Ужанихи и попросилась переночевать. Не выгонишь ведь старого человека, пригласили войти, посадили за стол. «А что это у вас такое?» – спросила она, хищно поглядывая на икру. «Икра, бабушка», – ответила Галя. – «О, я такую ещё не ела, – разулыбалась старуха. – Надо попробовать. – Она завернула ложкой, зацепила всю икру и не жуя проглотила. – Ничего вкусного нет, как селёдка», – сказала она и принялась за сервилат, который я тоже с трудом достал специально для этого дня.

«КОРОТКИЙ РАЗГОВОР», книга стихотворений, особенностью которых является краткость содержания: в каждом стихотворении не более восьми строк. Тематика их различна: от юмористической до философской. Издана в 2016 году. В книге 146 стихотворений на 98 страницах. Фактически является продолжением сборника *«Стишата»*

**КРЕЩИК
ВИКТОР
АЛЕКСАНДРОВИЧ,
(Крещик-Зернов),**

старейший писатель Новосибирска, поэт, в 2002 году он дал мне рекомендацию для вступления в Союз писателей России.

Крещику-Зернову В.А.

Жил Крещик с именем от Бога,
достать зерна он где-то смог,
его даёт всем понемногу,
а мне, спасибо, дал мешок.

КУЙБЫШЕВСКОЕ МЕДИЦИНСКОЕ УЧИЛИЩЕ

В восьмом классе я мечтал о геологоразведке, хотя совершенно не представлял себе этой работы. Считал, что геологи ходят по горам, собирают камешки и делают открытие самых разных полезных ископаемых, в основном драгоценных камней, золота и платины. И вообще эта работа полезна тем, что много двигаешься, дышишь свежим воздухом и, кроме всего, любишь природой. Курорт да и только.

Маме (*Степанова Нина Павловна*) эта идея совсем не понравилась, и когда

подоспело время сдавать документы в техникум, она спрятала мой паспорт и таким образом золотая мечта рухнула и рассыпалась в пух и прах. В том году я учился в девятом классе. Но в образовательный процесс вмешался случай, я заболел, долгое время провалялся в больнице, оставил школу и на следующий год поступил в Куйбышевское медицинское училище на фельдшерское отделение. Там я проучился два года и перевёлся в Новосибирское училище №1. Но и там проучился недолго. Только после службы в армии вернулся в училище и всё-таки окончил его. Классным руководителем вначале был *Ненша Пётр Павлович*, потом *Картавый Пётр Игнатьевич*.

**ЛАЗАРЧУК
ЕВГЕНИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ,**
мой товарищ и ровесник. Вместе жили в Куйбышеве. Я учился в медучилище, он в десятом классе школы. Увлекались поэзией,

много читали, писали. Вместе бегали к *Балачану Владимиру Фёдоровичу* на занятия литературного объединения «Тропинка». Затем тропинки наши разошлись, но позже они не один раз пересекались самым неожиданным образом.

Женя окончил филологический факультет Новосибирского педагогического института, работал в редакции Куйбышевской газеты «Трудовая жизнь». Там он дослужился до должности редактора. В это время я, как-то приехав в Куйбышев, забежал на минутку в редакцию. Там мы с ним и встретились в первый раз через много, много лет. Затем он из Куйбышева уехал и всплыл на поверхность уже будучи работником облисполкома на должности заведующего отделом по делам печати, издательств и книготорговли.

Как-то я попал к нему в кабинет, имея одну меркантильную цель, надеялся, что он поможет мне издать или опубликовать в каком-либо журнале моих «Богатырей». Он, как старый добрый приятель, не отказал, даже дал кому-то какое-то поручение. Но всё это оказалось пустыми хлопотами. Через некоторое время он и вообще

перешёл на другую работу. Стал директором Новосибирского филиала книжного издательства «Наука».

В 2002 году меня принимали в Союз писателей России, собрание было назначено на 18-00, я же приехал рано и был вынужден бродить по городу без определённой цели. Неожиданно набрёл на здание с вывеской «Новосибирский филиал издательства «Наука» и решил заглянуть на «огонёк» к его руководителю. Женя принял тепло, а когда узнал, что сегодня меня будут принимать или не принимать в Союз писателей, сказал:

– Ты этим щелкопёрам сразу скажи, если не примут, я им головы поотрываю.

Конечно, никому ничего подобного я не говорил. Но когда меня приняли, и все проголосовавшие за меня подошли, чтобы поздравить новодобавленного писателя, я им сказал, что жизнь большинства из них висела на волоске. Если бы они прокатили меня, то Женя Лазарчук поотрывал бы им головы.

– Так ты знаешь Лазарчука? – удивились они.

– С детства.

– А что же ты молчал? Сказал бы сразу. Мы бы тебя и не мучили.

– Да вы и так меня не замучили, жив остался.

* * *

Не знаю почему, но все его товарищи по вузу стали профессиональными писателями, были приняты в Союз писателей России. Они подарили мне сборник «Гнездо поэтов», в котором публиковались их ранние стихи. Разное отношение к авторам возникло у меня после его прочтения. Кто-то писал лучше, кто-то хуже. Но выделялся среди них поэтическим мастерством именно Женя. Он должен был стать первым, но вот почему-то не стал.

**ЛАПИЦКАЯ
МАРИЯ
НИКИТИЧНА,**

мамина подруга.
Нередко бывала у нас в
гостях, старая дева.
Работала продавцом в
дежурном магазине.
Каждый год

торжественно встречала своего «жениха» – лётчика из Москвы, который приезжал в гости к своим родственникам в Кузьминку. Вся деревня тогда стояла на ушах: «Лётчик Лапичихин приехал». Она сама подогревала ажиотаж вокруг этого события, чтобы показать деревенским свою значимость. А ещё и также один раз в год она покупала путёвку на курорт и по случаю своего отъезда устраивала грандиозную гулянку, куда приглашалась и моя родня: мама и дядя Володя. Все гости усаживались по ранжиру: все руководящие работники и образованные сидели за одним столом, кто попроще – за другим. А попроще – это те, кто на время её отъезда оставался на хозяйстве, потому что скотины у неё водилось немереное количество. Им подавалась на стол самогонка, а те, кто повыше рангом пили водку, коньяк и вино.

* * *

Никитична начинала свою трудовую деятельность заведующей сепараторным отделением. В её обязанности входил сбор молока у населения, заключение с ними контрактов на поставку продукции,

сепарирование молока, отправка готовой продукции на маслозавод и много чего ещё. Работа была трудной. Кроме всего она должна была заготовить уйму льда, что по современным понятиям не под силу никакой женщине. В её распоряжении были сепаратор, фляги, чаны для приёма молока, молокомеры, жиरोмеры и много другой посуды и приспособлений. Для ребятишек самой привлекательной вещью был, конечно, парафин. За кусочек этой «жвачки», мы звали «серка», мальчишки безропотно работали на неё: таскали дрова, топили печь, носили воду, кололи лёд.

Как-то раз и я попался на её удочку.

– Саша, сходи на стройку, набери щепок на растопку, я тебе серки дам.

– Нет, тётя Маша, мне серку не надо.

– А что ты хочешь?

– Мне сыру дайте.

– Конечно, конечно дам.

Щепок я натаскал много и уже ждал обещанный сыр.

– Саша, а ты что стоишь? У меня сыра нет. Его ещё (Она говорила еще) надо получить на заводе. Вот когда получу, приходи.

Прошло несколько дней, я пошёл снова.

– Ох, Саша, я сыр получила, но забыла дома.

Назавтра я пришёл опять. Уже все щепки сгорели, уже кто-то из ребят натаскал ещё целую кучу, а я всё ходил и ходил за честно заработанным сыром. Наконец, нервы у неё не выдержали, и она принесла малюсенький кусочек, размером меньше спичечного коробка. Я за раз запищал его в рот и проглотил почти не жуя. Это был мой первый заработок на стороне, о котором не знали ни мама, ни бабушка, даже старшему брату ничего не сказал.

* * *

Новый год – праздник всех праздников. Мама постаралась, сделала для меня из пресс-папье маску деревянного человечка Буратино. Было мне лет 8-10 и веселился я в этой маске с удовольствием. Правда, когда толкался в очереди за подарком, кто-то из ребяташек-шалунов сломал мой бумажный нос. Но меня это не очень огорчило, поскольку праздник уже закончился, а для будущего эта маска мне

была не нужна. Я её, правда, не выкинул, но забросил на шифоньер и уже собирался про неё забыть. Детская ёлка проводилась до Нового года, а в ночь на 31 декабря должен был состояться бал-маскарад для взрослых. Многие засобирались в клуб, в том числе и Мария Никитична. Однако некоторых останавливала одна маленькая приписка внизу объявления: «Вход в карнавальных костюмах». Хорошо у кого были дети. Они мигом перекроили их костюмы, подогнали под себя. А вот у Никитичны детей не было, поэтому она и прибежала к нам:

– Саша, у тебя есть какая-нибудь маска, а то без костюма в клуб не пустят?

– Есть, но она сломана.

– А ты её быстренько подремонтируй.

– Да у неё нос отломался и вообще это мужская маска. Буратино ведь мальчишкой был, и нос у него длинный.

– Сашенька, – взмолилась она, – а ты ему коротенький приклей, женский.

* * *

Жадности она была необыкновенной. Ради наживы торговала в своём дежурном магазинчике и день, и ночь. Всё гребла к

себе, при каждом удобном случае старалась обмануть покупателя хотя бы на одну копейку. Однажды она жаловалась маме:

– Сварила вчера два яичка, хотела поужинать. А тут откуда ни возьмись кошка, запрыгнула на стол, схватила одно яйцо и потащила в дырку. Я кинулась за ней да запнулась, упала, разбила коленку, но кошку всё-таки догнала. А ты знаешь, Нина, как гидко есть после кошки?

После этого рассказа выражение «гидко есть» стало крылатым в нашей семье.

* * *

Ночью купить водку можно было только у неё на дому. Час ночи роли не играл, нужно было только постучать в окно, подать в форточку деньги и через минуту получить в ту же форточку бутылку. Прodelать эту процедуру мог любой, надо было только знать одну маленькую хитрость. Я, придя с Армии, её не знал, поэтому когда меня однажды попросили сходить за бутылкой, я согласился. Тем более, мужики мотивировали свою просьбу тем, что мне она даст, как хорошему знакомому, а им нет. Я взял деньги (водка

тогда стоила 2 руб. 87 коп) и смело зашагал к Лапичихе. Постучал в окно, подал в форточку деньги. Через некоторое время в форточку высунулась рука, которая высыпала в мои ладони деньги.

– У меня нет водки, – раздался вслед за этим хмурый заспанный голос.

Я вернулся к мужикам, объяснил, что водки у Лапицкой нет. Вот тут-то они вдоволь посмеялись, а уж потом рассказали о той самой маленькой хитрости. Бутылка из форточки появлялась только при уплате трёх рублей ровно, А те 13 копеек, что переплачивали соискатели бутылки. являлись её законным наваром. Ради этих 13 копеек она проводила, порой, бессонные ночи. Мужики нашли недостающие копейки, и новый гонец уже через несколько минут вернулся отоваренным.

* * *

В магазин привезли арбузы. Событие для деревни знаменательное, привозили их всего один-два раза в год. Сразу же возникла очередь. Торговля шла бойко. Однако произошло непредвиденное. Первые покупатели разрезали дома арбузы и увидели, что они совершенно белые.

Кто-то, конечно, просто выбросил их пороссятам, но многие возмущённые беспределом советской торговли ринулись в магазин, искать правду.

– Не волнуйтесь, бабоньки, – успокаивала их Лапицкая, – арбузы хорошие, не вздумайте выбрасывать. Вы их просто посыпьте сахаром и ешьте на здоровье – пальчики оближите.

* * *

Пришла как-то в гости немного расстроенная.

– Вот ведь эти кладовщики, бессовестные, как не знаю кто.

– Да что случилось, Никитична?

– Вчера товар прислали, всё хорошо, а вот одна пара сапог не пара, оба сапога на правую ногу.

– А ты зачем расстраиваешься, отошли их обратно.

– Нельзя. Начальство не любит, когда мы товар возвращаем.

И ведь не вернула. Нашла в соседней деревне мужика, у которого не было левой ноги и впарила ему оба.

– Бери, бери, тебе на всю жизнь

хватит, товар качественный.

Тот подумал, подумал да и взял.

* * *

Осень, каждый день идут дожди, в деревне непролазная грязь. Простой человек в такую погоду из дома и носа не высунет: и пешком не пойдёт, и на машине не поедет. Но, как говорится «человека человек послал», и какой-то молоденький городской шофёр попал в нашу деревню и забуксовал как раз возле усадьбы Марии Никитичны. Он пробовал выбраться и «в натяг» и «в раскачку», копал лопатой – ничего из этого не вышло. Мотор визжал, колёса крутились, разбрызгивая грязь во все стороны, но машина оставалась на месте. Наконец, измучившись, парнишка поднял жердь, которая валялась возле ограды Лапицкой и сунул её под колесо. И надо же, именно в этот момент на арену выскочила сама хозяйка.

Жерди эти уже давно отслужили свой срок и никому не были нужны, а тем более ей. Но как не поругать чужого уставшего и ещё толком не оперившегося молодца. Шофёр, конечно, не ожидал такого напора,

начал извиняться, попытался отшутиться, пообещал ей сделать новый забор. Мария Никитична от предвкушения такой перспективы стала успокаиваться и уже почти махнула рукой на эту жердь. И всё бы могло свестись к взаимному их согласию, если бы не промашка шофёра.

– Спасибо, бабушка, – от души поблагодарил он. И его можно было бы понять и простить, поскольку он не знал, что в свои 50 лет она считала себя молодой девушкой. Много нелестных слов о себе и своей родне услышал этот несчастный парень. Не дай бог никому на земле слышать подобное.

**ЛЕБЕДЕВ
ИВАН
ИВАНОВИЧ,**

муж *Лебедевой Татьяны Петровны*, отец *Лебедева Юрия Ивановича*. Моя судьба в полной мере не пересекалась с его судьбой. Когда я был

маленьким, его направили в Серебрянку председателем сельского Совета. С жильём в те времена было не просто, и он поселился у нас. Правда, в этой должности оставался не долго. На основании чего он уехал из деревни, не знаю. Но только оказались Лебедевы в Кабинетном.

Как-то бабушка Анисья (*Бунеева Анисья Сергеевна*) собралась к ним в гости, чтобы не скучать в дороге, взяла с собой меня. Тогда я в первый раз прокатился на электричке. Лебедевы приняли нас очень хорошо, но на беду я заболел. Поднялась температура, все родные крутились возле меня. Когда же мне стало легче, я попросил книжку. Мне принесли «Китайские народные сказки». С тех пор я питаю болезненную страсть ко всем сказкам: с удовольствием читаю и по мере своих способностей пишу.

В последний день мы с мальчишками сходили в кино. Показывали «Идиота» по Достоевскому. Понятно, что этот фильм не вдохновил меня. С той поры встречаться с Иваном Ивановичем мне не довелось, хотя наши родные нередко вспоминали его в своих разговорах.

**ЛЕБЕДЕВ
ЮРИЙ
ИВАНОВИЧ,**

сын *Лебедевых Ивана Ивановича* и *Татьяны Петровны*. Жена *Галина Викторовна* – сестра *Поляковой Нины Викторовны*, сын *Вячеслав*. Работал в прокуратуре, в последнее время перед выходом на пенсию был заместителем прокурора по Новосибирской области.

* * *

Общались мы с Юрием Ивановичем до обидного мало, хотя он человек умный и интересный. Просто тогда каждый из нас был занят своими делами, решал свои проблемы. Редко когда пересекались у тётки *Тани (Лебедева Татьяна Петровна)*, когда я зачем-либо заезжал к ней.

Но однажды ко мне нагрянула беда. В магазин пришла милиция и нашла в нём «левую» водку. Немного, но и этого хватило, чтобы составить протокол,

зарегистрировать его и, дабы неповадно было другим, объявить меня чуть ли не государственным преступником. Обратился за помощью к Филимоненкову Николаю, бывшему тогда заместителю начальника РОВД. Он попробовал повлиять на ход моего дела, но подполковничьи погоны не подвинули полковничьи. Начальник милиции упёрся и ни в какую. Дело должно было решаться в суде. Запахло штрафом в 60 тысяч рублей. Для того, чтобы его выплатить, мне надо было продать весь товар вместе с магазином, а самому пойти по миру.

Не надеясь ни на что, поехал всё-таки к Юрию Ивановичу. Тот выслушал меня и пообещал сделать всё возможное.

Прошёл день, другой – всё было тихо. На третий день приехал тот самый капитан Селивёрстов, который составлял протокол. Сунул мне какие-то бумаги, сказал мрачным голосом:

– Подписывай. Там из-за тебя полковники перегрызлись. Ты под амнистию попал. Сколько бумаг пришлось переписывать, больше я в твой магазин ни разу не зайду.

И правда, больше меня стражи порядка не беспокоили, словно надо мной Юрий Иванович возвёл защитное силовое поле.

* * *

Иду по Волгодонску. И вдруг звонок, мужской голос:

– Здравствуй, Саша.

– Здравствуйте. А кто это?

– Не узнал? Это Юра Лебедев, поздравляю...

И он поздравил меня с каким-то праздником. Чуть сквозь землю не провалился от стыда. Прошло уже больше десяти лет, когда мы в последний раз виделись с ним. А он не забыл, не чета мне.

**ЛЕБЕДЕВА
ТАТЬЯНА
ПЕТРОВНА,**

урождённая Залипукина
(тётя Таня), жена
Лебедева *Ивана*
Ивановича, мать *Лебедева*
Юрия *Ивановича*,
двоюродная сестра

бабушки Анисьи (Бунеева Анисья Сергеевна), мамина (Степанова Нина Павловна) тётя и подруга.

Татьяна Петровна часто приезжала в Серебрянку, подолгу разговаривала с мамой, поскольку у них было общее детство, множество общих интересов. Очень жалею, что не принимал участие в этих посиделках, наверное, считал, что успею ещё и сам поговорить. Однако не успел, тётя Таня умерла скоропостижно, оставив о себе добрую память и несколько фотографий в альбоме.

**«ЛЕКАРСТВА
ВОКРУГ НАС»**
(Лекарственные
растения Нижнего Дона)
Справочник.

Книга, в создании
которой я выступил как
автор-составитель.

Представляет она собой справочное пособие по применению растений, растущих на территории Ростовской области в медицинских целях. В ней

приведены научные названия на русском и латинском языках, сведения об их ядовитости, синонимы и народные названия, географическое распространение в других регионах страны, фармакологическое действие растений и показания к их применению, способы приготовления лекарственных препаратов из растений, дозировку и методы лечения. В качестве приложения дан список использованной литературы и глоссарий – словарь специальных и медицинских терминов.

**МАЛАХОВ
СЕРГЕЙ**

МСТИСЛАВОВИЧ,

мой закадычный товарищ по медучилищу. Вместе жили на одной квартире, вместе ели и пили, даже спать приходилось на одной

кровати. Учился он на пятёрки, голову имел светлую, память отличную. После обеда мы обычно садились за уроки. Я устраивался за столом или на кровати, он – напротив, на

хозяйкином сундуке. Слева от себя укладывал стопкой учебники, в правой руке была сигарета.

– Так, – говорил он, листая левой рукой страницы первого учебника, одновременно затягиваясь сигаретой, – это знаю, и это знаю. – Откладывал учебник и брал второй. – Это знаю, это знаю.

Докурив сигарету, он вставал с сундука, укладывал учебники в папку. Всё, подготовка к завтрашним занятиям для него закончилась.

После окончания училища наши пути-дороги разошлись. Он поступил в медицинский институт, а я в это время служил в армии, работал на заводе, учился в училище и работал газетчиком. Однажды мы встретились в Новосибирске в Доме книги, что на Красном проспекте. По-моему, он первым увидел меня, но обрадовались встрече оба в равной степени.

– Ну где ещё можно встретить Степанова, – загремел во весь голос Сергей, – как не в книжном магазине.

Кстати, однажды он ехал домой до станции Клубничная с пересадкой в Чульме. Ни адреса, ни моего телефона он не знал, а

встретиться хотелось. Где искать Степанова? Конечно же, в книжном магазине. Продавцы мигом выдали ему всю необходимую информацию, и благодаря такому подходу к сыску мы встретились снова.

Не знаю, каким образом он попал на работу в Африку, провёл там несколько лет. По возвращении, по-моему, больше не практиковал, а занимался охраной природы где-то в Кемерово. Я недавно поинтересовался его судьбой, полазил в интернете и нашёл небольшую статью о друге. Чтобы не пересказывать её, решил вставить сюда без изменения.

«18 мая 2009 г.

Сегодня в администрации области принимал поздравления руководитель Управления Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Кемеровской области. С. М. Малахов (Сергей Мстиславович)

За заслуги в охране окружающей среды и природных ресурсов Указом Президента РФ ему присвоено звание «Заслуженный эколог РФ».

С.М.Малахов занимается вопросами окружающей среды с 1991 года. При его непосредственном участии в Кемерово был создан Западно-Сибирский Центр экологических и медико-биологических исследований Академии наук СССР, разработан проект целевой программы «Оздоровление окружающей среды и населения Кемеровской области». Он был одним из разработчиков концепции экологической политики Кемеровской области, являющейся основой Плана действий по улучшению качества окружающей среды в Кузбассе».

* * *

Сергей пришёл домой поздно.

– Ты где пропадал?

– Не спрашивай. Познакомился с девчонкой. Сидели, болтали.

– И всё?

– Ну и целовались.

Через день выясняется, что девчонка больна туберкулёзом и в настоящее время лечится в туберкулёзном отделении.

– Ты что, Серёжка, с ума сошёл, сам заразишься, родных заразишь.

– Не бойся. Сейчас туберкулёз лечится без всяких проблем.

* * *

Спорили мы с ним по всякому поводу отчаянно, не выбирая времени и места.

Однажды нас пригласили в учительскую медучилища. Мы пошли туда, не чувствуя за собой никакой вины. С учёбой у нас был полный порядок, с дисциплиной тоже. Завуч, *Галина Константиновна Непша*, встретила нас приветливо:

– Здравствуйте, ребята, проходите, не стесняйтесь.

– Здравствуйте, Галина Николаевна.

– У вас никаких проблем нет?

– Спасибо, нет.

– Молодцы, что тут скажешь. А вот люди обижаются на вас.

Я молчал, а Сергей, как старший товарищ, возмутился от имени обоих.

– Ерунда это, мы ничем непотребным не занимались.

– Точно?

– Да.

– А что вы вчера вечером в центре

делали.

– В баню ходили.

– А на остановке?

– Автобус ждали.

Мы никак не могли понять, что же мы там натворили. И даже в голову не могли принять, что во время какого-то спора на тему высоких материй, выдавали такие нецензурные тирады, что святые на небесах содрогались. Конечно, мы тут же повинились, пообещали впредь подобного не допускать.

Когда вышли из учительской, Серёжка, подняв вверх указательный палец, обратился ко мне:

– Язык надо укрощать!

* * *

Сергей учился на четвёртом курсе, я на втором. Он уже кое-что петрил в медицине, я – ничего. Во время дежурства по отделению его учителя Заквана Махмудовича Гизатулина Сергей собирался и на всю ночь уходил в больницу. Однажды он позвал с собой меня. С тех пор я тоже с удовольствием уходил на всю ночь в больницу. Закван Махмудович был ещё

молод, холост, без предрассудков и с удовольствием общался с нами.

Однажды мы заспорили с ним об искусстве, в частности о социалистическом реализме. Сергей сразу же взял быка за рога и громогласно заявил, что не только социалистического, но и вообще никакого реализма в искусстве не было и нет.

– Как нет? – возразил Закван, – вся наша русская живопись реалистичная.

Серёжку трудно было убить одной фразой.

– Я прошу примеры. – Не дав Заквану вставить слово, он ещё яростнее пошёл в атаку. – Возьмите картины Васнецова: «Три богатыря», «После Игорева побоища» и все остальные. В чём тут реалистичность? Богатыри – это символы защитников Родины, погибшие воины на поле брани – символы апофеоза любой войны, мало того, над полем можно увидеть двух дерущихся коршунов, которые символизируют две непримиримые ипостаси – светлую и тёмную. Вы, думаете, что художники старались сделать фотографии, нет, они вкладывали в работу мысль, идею и таким образом выражали свою сущность, своё Я.

Мы уже почти убедили Заквана в своей правоте, как в ординаторскую забежала какая-то девчонка-первокурсница. Они в то время проходили практику по уходу за больными. Послушав минуты две наш разговор, она наивно спросила Сергея:

– А вот в картине «Алёнушка» что является символом?

Серёжка ещё только собирался с мыслями, но Закван уже засмеялся:

– А ведь я почти поверил в ваше учение, но простенький вопрос всё расставил по своим местам.

– Вот зараза, выскочила, – уже позже высказывал мне Сергей, – я даже рта не успел раскрыть. Что тут не ясного, сама Алёнушка и является символом горя, страдания, печали.

* * *

Серёжка любил рассказывать о себе истории, в которых всегда выступал как опытный, повидавший виды человек.

– Ночь, иду по улице, встречают меня двое, начинают базар. Вижу дело без драки не обойдётся. Достаяю нож, показываю им: «Ну что, приравняем козыри?» Один из них

достаёт из кармана пушку, показывает мне: «Приравняем!». Я гляжу, развожу руками: «Да ваш козырь выше. Может, разойдёмся?» Разошлись.

У него вообще было немало таких рассказов, в которых он попадал во всякие криминальные ситуации, но из которых выходил, если не победителем, то с честью.

**МАРТЫНОВ
АНАТОЛИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ,**
мой коллега и
руководитель по
Чулымскому райкому
партии. Бюрократ до
мозга костей.

* * *

Седьмое ноября, как и обычно в Сибири, на улице непогода, слякоть, время от времени срывается с неба мелкий колючий осенний дождь. Тем не менее в этот день на улице должен состояться митинг, посвящённый годовщине Великой октябрьской революции. Это традиция и

наказ вышестоящих органов власти.

Сотрудники райкома по долгу службы обязаны участвовать в этом мероприятии. В конце концов, в том числе и за это им платили зарплату.

А вот мне повезло. Я остался в приёмной райкома в качестве дежурного сотрудника – в тепле и покое. Так что сидел и радовался.

На площади силами городской строительной организации была возведена временная трибуна, на которой «по умолчанию» должны были располагаться секретари райкома, председатель райисполкома со своими заместителями, члены бюро РК КПСС. А вся мелкота вроде заведующих отделами райкома, райисполкома и инструкторов стояли на двух подмостках, пристроенных к трибуне с двух сторон. А тут из-за непогоды, недостаточной явки высших руководителей заведующих отделами тоже пригласили на трибуну для крупного начальства.

Толя Мартынов после окончания митинга первым примчался в тепло райкомовского помещения. Зашёл в приёмную бодрячком, передёрнул плечами

от холода, но радостная улыбка не сошла с его раскрасневшегося от холода лица:

– Ух, и замёрз же я. Ветер до костей пробрал. На трибуне стоял.

Он опустился на рядом стоящий стул, тепло проникало во все поры его тела, но мыслями он оставался там, на трибуне, рядом с секретарями и другими руководителями района.

* * *

Толя пришёл от первого секретаря возбуждённый, решительный.

– Сейчас я начальника управления сельского хозяйства (он же заместитель председателя райисполкома, член бюро РК КПСС) долбать буду.

Видимо, из разговора с первым секретарём он вынес что-то важное для себя.

Он подтянул поближе телефонный аппарат и смело набрал нужный номер.

– Сейчас я его сделаю. – Это он мне, а потом в трубку:

– Николай Фёдорович?

Видно, тот ответил: «Да».

– Вы почему не выполняете

распоряжение райкома партии по увеличению надоев молока?

А был уже сентябрь. Природа животных, кормовая база не позволяли увеличивать надои. По-видимому, это самое начальник управления и попытался объяснить ему. Но тот, подзуженный первым секретарём, не успокаивался.

А дальше их разговор принял другой оборот. Начальник управления, обычно уравновешенный человек, не выдержал и сорвался. Что уж он говорил своему обидчику, не знаю, слышны были только обрывки этого разговора. Но и из них я понял, что Николай Фёдорович спросил его: «Кто ты такой? Я член бюро райкома партии, а потому не ты должен контролировать меня, а я тебя».

Что он ещё объяснял зарвавшемуся бездельнику, не знаю. Но только через каждую секунду он кивал головой и поникшим голосом говорил:

– Да, да, я понял, я понимаю, да, да.

При этом он постепенно отрывал свою пятую точку от стула и уже в последние секунды разговора стоял за столом навтыжку.

С этого момента он ни разу не пытался нападать на начальника управления.

**МЕЙСНЕР
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ,**

мой учитель по трудовому обучению в 6-7-х классах. Из числа депортированных немцев, один из немногих, оставшихся в *Серебрянке* после разрешения вернуться на родину, в Поволжье. Дети Александра Александровича тоже остались в Сибири. Старшие Эдуард и Александр работали в слесарями в ремонтной мастерской совхоза «Суминский».

* * *

Я учился в пятом или шестом классе, когда наша школа вдруг оказалась без учителя трудового обучения, как мы говорили, трудовика. Найти человека, который мог бы не только молотить языком, но и делать что-то полезное руками, в

деревне было не просто. Ни институты, ни училища обеспечить такими кадрами все сельские школы не могли. Стали искать в своём селе и остановились на Александре Александровиче. Он тогда работал в совхозе столяром. Специалист он был отменный, уж если изготовит вещь своими руками, то она будет не только красивой, но и прослужит хозяину, заказавшему её, верой и правдой не один десяток лет, а то ещё и детям останется в наследство. Кроме столярного дела, он знал и умел ещё немало того, что, к сожалению, не могли деревенские мужики. Он классно валял валенки. Все деревенские знали, если валенки скатает Мейснер, то им сносу не будет. А ещё он был лучшим парикмахером на селе. Многие мужики ходили к нему, как в салон, и ни одному из них он не отказал.

Так вот, в один прекрасный день в класс вошла завуч Раиса Ивановна с Александром Александровичем.

– Здравствуйте, дети, – как всегда сказала она, – познакомьтесь, это наш новый преподаватель трудового обучения.

Не успела она вымолвить эти слова, как мы в один голос закричали:

– Ура, дядя Саша будет трудовиком.

Раиса Ивановна поморщилась и развела руками:

– Успокойтесь, ребята, вашего учителя зовут Александр Александрович. Ясно?

– Конечно, ясно.

С приходом Александра Александровича в школу уроки труда в корне изменились. Он сам умел всё и учил мастерству нас, мы, мальчишки, стали заниматься серьёзным мужским делом. Звали мы его по имени отчеству, как полагается, но когда в пылу ученического рвения кто-нибудь, обращаясь к нему говорил: «Дядя Саша», он только улыбался. По-моему, он не притворялся, будто ничего не произошло, а на самом деле не обращал внимания на такие мелочи.

* * *

Александр Александрович говорил, как истинный немец, с акцентом. Вообще-то это никому не мешало: ни ему, ни нам. За исключением одного случая, который коснулся меня.

Однажды мы изготавливали

табуретку. Преподаватель показал чертёж и стал рассказывать порядок изготовления и сборки изделия.

– Каждый из вас должен в течение трёх уроков сделать табуретку. Для этого на первых двух нужно заготовить четыре ножки, четыре проножки и четыре царги. Собирать будем на третьем уроке, а сиденье сделаем позже, как только подвезут тёс. Всем понятно?

Все закричали:

– Понятно!

Я тоже кричал со всеми, хотя сам не понял, что такое царга и больше того, не уловил, как эта деталь называется правильно – царга или сарга, а переспросить Александра Александровича постеснялся, а, может, и побоялся, что одноклассники примут за дурака. Так и работал. И табуретку сделал, и пятёрку получил, а вот название этой самой проклятой табуреткиной детали так и не узнал.

* * *

Всякий трудовик в школе одновременно являлся и рабочим, который оперативно устранял все возникающие в

ходе учебного процесса недоразумения, как-то: чинил сломанные стулья и парты, вставлял выбитые стёкла и вообще помогал завхозу.

Однажды на перемене в коридоре выбили стекло. Через выбитую створку в помещение хлынула зима. Учителя забегали, засуетились, разыскали завхоза *Бирюля Афанасия Андреевича*. Тот рысью побежал в склад, схватил стекло и так же рысью рванул в мастерскую к Александру Александровичу. А у того, пока суть да дело, уже начался урок.

– Сан Саныч, – с порога закричал завхоз, – бросай всё, надо срочно в коридоре стекло вставить. А то там уже все учителя в сосульки превратились.

– Но у меня, кажется урок, – спокойно ответил Александр Александрович. Он взглянул на часы, – ещё двадцать минут, и я освобожусь.

– Да что тебе урок, урок подождёт.

– И окно подождёт, – всё так же невозмутимо проговорил Александр Александрович. – И вообще, не торопись, Афонька, сделеем. Это крылатое выражение сопровождает меня всю жизнь.

«МЕДВЕЖЬЯ НЕВЕСТА»,

сборник, состоящий из двух разделов: «Рассказы деда Базлая» и «Фантастические рассказы». В каждом из них по три рассказа. Название сборнику дал одноимённый рассказ. Вышел в свет в 2016 году. Это мой первый опыт работы в прозе. Все рассказы написаны до 2005 года

«МЕЛОДИИ ВЕТРА»,

книга стихотворений, в которую вошли стихи ранее публиковавшиеся в журнале «Новосибирск», а также новые стихи. Издана в 2015 году. В сборнике 46 стихотворений на 77-ми страницах.

**МЕЛЬНИКОВ
СЕРГЕЙ
ПАВЛОВИЧ,**

второй секретарь
Чулымского райкома
партии, впоследствии
секретарь парткома
железнодорожного узла
станции Чулымская.

* * *

Поздно вечером вернулся из командировки, как всегда пьяным. Шофёр затащил его домой, уложил в прихожей на пол, затем занёс большущий кусок мяса. Деревенские блюдолизы не могли отправить домой такого ценного кадра без подарка. Жена встречать его не вышла, потому что они уже несколько дней не разговаривали. Утром Сергей Павлович встал пораньше, когда жена ещё нежилась в постели, и тихонько, незаметненько слинял на работу. Работать было нелегко, поэтому он вновь укатил в какой-то совхоз. Вечером история повторилась, правда на этот раз обошлось без мяса. Через несколько дней терпение у жены лопнуло и она позвонила

первому секретарю, попросила его помощи.

– Надо помочь, – сказала она, – мясо из дома вынести на помойку. Да, да Сергей привёз целую заднюю ляжку, она лежит посреди коридора и уже пахнет чёрт знает чем. Мне кажется, из неё уже черви выползают.

После товарищеской беседы с первым секретарём Сергей Павлович вернулся к исполнению обязанностей хозяина дома. Ночью незаметно от соседей вытащил мясо на помойку.

* * *

Сергей Павлович плотно дружил с редактором газеты Тамарой Григорьевной Зубаревой, настолько плотно, что в конце концов они сошлись и стали жить вместе. Прожили они не долго, после его смерти Тамара Григорьевна собрала вместе все его выступления в газете, очерки, зарисовки, воспоминания и издала книгу «Родина», подзаголовок «Чулым глазами старожила». Для каждого жителя города и района эта книга представляет несомненную ценность, в первую очередь тем, что в ней можно найти интересные рассказы о знакомых, родных, близких людях, те факты о которых

мало кто знает.

Вот несколько строк из этой книги:
«Сергей Павлович Родился 19 августа 1926 года в Сарыкамышке – большом сибирском селе с крытыми соломой пятистенниками. Ему всю жизнь казалось, что нет на всей земле другого живописного местечка, которое по красоте своей могло бы сравниться с этой милой деревней».

У меня тоже есть эта книга, время от времени я беру её и погружаюсь в чтение. Это называется возвращением на родину.

**МИЁВА
ДАРЬЯ
ВАСИЛЬЕВНА,**

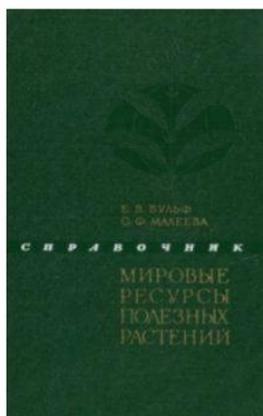
(тётя Даша) дочь
Бунеевых *Василия*
Ивановича и *Марии*
Ивановны, мать
Быдановой *Лидии,*
бабушкина (*Бунеева*
Анисья Сергеевна) золовка,

сестра дедушки Павла (*Бунеев Павел Васильевич*), тётя мамы (*Степанова Нина Павловна*).

* * *

Всю жизнь прожила в Новосибирске. Вся наша деревенская родня постоянно останавливалась у неё на ночёвку, а то и на продолжительное время. Она принимала всех, искренне радовалась приезду родственников. Её родители доживали свой век у неё. Но однажды произошла трагедия. Кто-то по недосмотру прикрыл не до конца прогоревшую печь, и все трое угорели. Дедушка и бабушка умерли сразу, тётя Даша выжила, но до конца её дней чувствовалась эта травма.

Миёва Лидия - см. **БЫДАНОВА**
ЛИДИЯ

**«МИРОВЫЕ
РЕСУРСЫ ПОЛЕЗНЫХ
РАСТЕНИЙ»:**
пищевые, кормовые,
технические,
лекарственные и др.
Справочник. Издательство
«Наука» Ленинградское
отделение. Л. 1969. Авторы
Е.В. ВУЛЬФ и **О.Ф**

МАЛЕЕВА. Книга, которая сыграла в моём творчестве важную роль (см. *Казакова Любовь Степановна*). Именно благодаря ей я пришёл к мысли написать книгу *«Лекарства вокруг нас. Лекарственные растения Нижнего Дона»*.

**НАГОРНЫЙ
ВИКТОР ИВАНОВИЧ,**

бригадир строительной бригады, мой непосредственный начальник.

* * *

Как-то он сказал мне:

– А ты зайдёшь с обратной стороны «Комсомольца», посмотри, там есть памятная доска о том, что на строительстве кинотеатра работала бригада В. И. Нагорного. Я посмотрел, и правда есть такая доска. Честно говоря, мы, его современная бригада, думали, что Нагорный немного преувеличивает своё значение в строительстве города Волгодонска. А я, узнав, что заслуги Виктора Ивановича действительно ощутимы, посвятил ему даже стихотворение, которое было опубликовано

в одном коллективном сборнике стихов о городе Волгодонске. К сожалению, у меня этого сборника нет.

* * *

В пятницу ближе к концу рабочего дня он попросил меня:

– А давай завтра поработаем. Хозяин обещает заплатить по тысяче рублей каждому.

– Я бы рад, но у меня столько проблем накопилось: надо огород полить, забор упал, надо поставить, виноград обработать, жука колорадского собрать. Никак не могу.

– А зачем тебе эти хлопоты? Сколько тебе денег надо, чтобы картошки на зиму купить? Две тысячи хватит?

– За глаза.

– А на лук, морковку, свёклу? Я думаю, тоже не больше двух тысяч.

– Не больше.

– Так вот наплюй ты на свой огород. Две субботы и картошкой ты обеспечен. Ещё суббота и на овощи хватит. Так здесь ты будешь делать дело, которое ты знаешь, а там... – он махнул рукой.

НЕПША ГАЛИНА

КОНСТАНТИНОВНА,

завуч училища и преподаватель истории, простая душевная женщина и в то же время строгая и требовательная. По характеру она была противоположностью

мужу – *Непше Петру Павловичу*. Тот мог поболтать с учениками, посмеяться, рассказать анекдот, покурить. Однажды он пригласил нас, парней из группы, домой и попросил помочь выкорчевать малину. Дело было в воскресный день, мы были рады размяться, поработать физически. Работали споро, с огоньком, а когда завершили дело, Галина Константиновна пригласила всех на обед. Честно говоря, мы её немного побаивались, поэтому стали отнекиваться, но вмешался Пётр Павлович и отмёл все наши сомнения по поводу, заслужили мы право на обед или нет.

За столом был борщ с мясом, пирожки и ещё много чего. Пётр Павлович достал из шкафа бутылку водки, принёс

рюмки, наполнил их, поднял свою:

– Спасибо, ребята, за помощь. Мы бы с Галиной за неделю не управились.

Мы снова заскромничали, стали поглядывать на Галину Павловну.

– Ой, – спохватилась она, – я на кухню, как бы пирожки не пригорели.

**НЕПША
ПЁТР ПАВЛОВИЧ,**
преподаватель физики и
математики медицинского
училища, ветеран Великой
отечественной войны, мой
классный руководитель.

* * *

Если не выучил урок или просто не хочется отвечать у доски, надо вызвать Петра Павловича на разговор. А для этого достаточно задать какой-нибудь нелепый вопрос. Он сам прекрасно понимал, что в будущем ни математика в том объёме, что мы изучали по программе, ни физика нам не пригодятся, поэтому разговаривал с нами всегда охотно. Обычно перед уроком мы распределяли роли, кто будет задавать

вопрос первым, кто вторым. Однажды такая задача легла на мои плечи. Вопросы я не придумал, но материал, который он задавал на дом, я изложил стихами.

– Кто хочет рассказать об ускорении?
Спрашиваю по желанию.

Всем на удивление руку поднял я.

– Давай, давай, Саша, – подбодрил он меня.

– Я буду отвечать с места.

– Хорошо, отвечай, – легко согласился Пётр Павлович.

– Я буду время от времени заглядывать в тетрадку.

Он засмеялся:

– Ну что ж, попробуй.

Я встал и начал читать стихи о скорости, об ускорении. Это продолжалось минут 15-20. Понятно, стихи были кое-какие, но главное по теме и в рифму.

Пётр Павлович слушал, улыбаясь, по окончании уже серьёзно сказал:

– Всё правильно, ставлю пятёрку. А ещё попрошу Анну Павловну (*Богдановская Анна Павловна*), чтобы и по литературе тебе поставила пятёрку.

Не знаю, он пошутил или Анна

Павловна заартачилась, но по литературе пятёрку я не получил.

* * *

Как-то мы с Валея оказались в Куйбышеве в гостях у Пети (*Феденков Пётр Иванович*). Вечером я позвонил Петру Павловичу и договорился о встрече на следующий день утром, потому что после обеда мы собрались уезжать.

Утром я пошёл к медучилищу минут на десять раньше намеченного срока. Побродил по территории больницы, вспомнил прошлое, поскучал о нём, поглядел на часы – самое время идти к месту встречи. Шагаю бодро, скоро, вижу со спины впереди меня идёт и тоже бодрым шагом мужчина с военной выправкой. «Это не Пётр Павлович, – подумал я, – он уже в почтенном возрасте, так бегать не сможет». И всё же кое-какие сомнения в душе моей закопошились. Решил догнать и точно узнать, он или нет. И тут этот мужчина, по-видимому услышав мой топот, оглянулся.

– Пётр Павлович, – обрадовался я, – а я бегу за вами и догнать не могу.

Мы обнялись, расцеловались и вместе пошли на экскурсию по медицинскому училищу. Пётр Павлович рассказывал мне о переменах в жизни училища, больницы. Я слушал его, а сам удивлялся тому, что в 80 лет он сохранил память, бодрость, интерес к жизни.

После экскурсии мы зашли в его гараж, разлили по рюмкам коньяк и несколько часов предавались воспоминаниям. Воспоминания были радужными, а был чёрная. Он мне рассказал о судьбах мальчишек, выпускников училища. К тому времени они почти все уже оказались в другом мире. И всё же я улучил момент и попросил его раскрыть секрет такого психического, физического и эмоционального здоровья.

– Да никакого секрета тут нет. Таблетки я не пью, не потому что они не помогают, а потому что не нужны. А пью настойку одуванчиков. Хочешь расскажу, как её готовлю.

– Конечно, хочу.

– Тогда слушай. Беру трёхлитровую банку, заполняю её доверху корзинками одуванчиков, немножко приминая, и

заливаю водкой, сколько войдёт. Закрываю крышкой и ставлю в тёмное место. На зиму готовлю несколько банок. А уж зимой лечусь.

– И как пьёте?

– Наливаю рюмку и пью. Больше двух рюмок в день не рекомендую. Я поблагодарил учителя, и мы расстались. Я уезжал домой с твёрдым намерением со следующего года тоже наготовить драгоценную настойку – эликсир здоровья и молодости. Но, как известно, благими намерениями вымощена дорога в ад.

С момента той встречи прошло больше 20 лет. Всё время я храню в памяти тот рецепт от Петра Павловича, но сделать настойку и применить её так и не получилось.

**НЕУМЫВАКИН
АЛЕКСАНДР
ЛЕОНТЬЕВИЧ,**

художник, поэт, писатель,
философ, почётный
житель г. Волгодонска.
Человек с необычным
апломбом: считал себя

гением, посланником Бога, кандидатом на Нобелевскую премию и прочее. Говорить любил только себе, о своей значимости.

* * *

Однажды на глаза попалась статья, в которой объявлялся поэтический конкурс «Стихи-детям». Победителю полагался приз семь тысяч рублей. Возглавлял жюри Неумывакин. Я тоже принял участие в нём и впервые в жизни победил. а при подведении итогов и вручении призов мне отдали конверт, который я с тайным трепетом привёз домой. Радуюсь, показал жене, вскрыл при ней и обнаружил, что вместо семи тысяч так покоилась одна тысяча. Я конечно потом поинтересовался у Неумывакина, отчего произошло такое кидалово. Он что-то мямлил в ответ, мол, спонсоры подкачали, что вообще кризис по стране и ещё что-то невразумительное. А на самом деле он эти деньги потратил на организацию своей персональной выставки. Ещё позже, когда он начал распространяться о своей честности, я напомнил ему этот случай. Так я оказался у него в немилости.

ОВЧАРЕНКО АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

* * *

Три друга я, Шурик и Вовка Драчиков пошли в первый класс. Мы ждали этого события и часто разговаривали на школьные темы. Однако накануне первого сентября произошло событие, глубоко потрясшее нас. Драчикова не допустили до занятий, поскольку на эту дату ему не исполнилось полных семь лет.

После того, как высохли слёзы, были утёрты носы, мы вновь собрались вместе, и Шурик начал разглагольствовать на эту болезную тему:

– Вот мы с Сашкой окончим первый класс и пойдём во второй, а Драчик только в первый пойдёт. Мы окончим второй класс, а Драчик только первый; мы – третий, а Драчик – второй... – Так он дошёл до десятого класса. – Мы окончим десятый, а Драчик – девятый. Мы уже в конститут поступим, а Драчик будет в десятом классе сидеть.

Логика у Шурика была железная, однако уже в первом классе она дала

трещину, и просидел он в первом классе три года. За семь лет он едва-едва получил полное начальное образование. Никакой «конститут» ему, конечно, не улыбался.

Однако годы шли, Шурик работал на стройке, одновременно учился в вечерней школе, окончил восьмилетку, отслужил в армии, вернувшись домой, поступил в школу милиции. Конечно, это не «конститут», но всё-таки.

* * *

Однажды Шурик позвал меня:

– Пойдём, что-то покажу. Вот, смотри, – он указал на печурку.

Я заглянул и аж присвистнул. В ней лежала целая гора спичечных коробков.

– Вот это да! – вырвалось у меня.

– Бери, если хочешь, – радушно предложил Шурик, – у нас их на сто лет хватит.

Мы взяли по коробку и стали поджигать всё ненужное вокруг. Смотреть на огонь всегда интересно, пока он обуздан, а когда вырывается на простор, когда пожирает всё вокруг – страшно.

– Пойдём на улицу, костёр разведём.

– Вот здорово, пойдём.

А на улице зима. Вся земля, дома, сараи надёжно укрыты снежным одеялом настолько толстым, что даже место для костра найти трудно.

– А давай, – предложил Шурик, – костёр вон там разведём, – он указал на верхушку стога сена, также укрытую толстым слоем снега.

– А вдруг стог загорится? – засомневался я.

– Не загорится, – убедил меня Шурик, – там вон сколько снега, зато красиво будет, как будто вулкан.

Я согласился. Мы набрали щепок, палочек, залезли на стог и разожгли небольшой костерок.

На счастье кто-то из прохожих увидел извержение вулкана, согнал нас со стога, затушил костёр и отобрал спички. С того случая спички из печурки исчезли.

* * *

Сидим с Шуриком и горюем. По всей деревне идёт повальное обворовывание огородов, а мы за всё лето ни разу никуда не слазили. То родители раньше времени

домой загонят, то, что ни говори, боязно. Не дай Бог поймают. Мало того, что крапивой задницу надерут, так ещё и от родителей достанется. Думали мы, думали и решили: сегодня уж точно к кому-нибудь в огород залезем. Не нужны нам их огурцы или подсолнечники, у нас этого барахла и своего хватает, просто надо характер показать. Что мы хуже других что ли. Весь день только об этом и вели разговоры, долго выбирали жертву. Я предлагал одних, Шурик других, спорили до хрипоты, наконец, сошлись во мнении: надо очистить огород у *Кондрата Вальтера* – Шуркиного соседа, потому что он Шурке не нравился.

Когда немного стемнело, пыл наш немного умерился.

– А знаешь, – сказал Шурка, – если Кондрат поймает, худо будет. Он же дурак, может и палкой ударить, и из ружья бабахнуть.

– А что же ты весь день думал, ты что не знал, что Кондрат может палкой садануть и из ружья стрельнуть? Что же ты мне голову морочил. Я ведь предлагал тебе к Гобрусевым залезть, так ты к Кондрату, к Кондрату.

– Ладно, не шуми, у Гобрусевых тоже мужики есть, Шурка вон какой здоровый, голову отвернёт и не поморщится.

– Я тебя понял, ничего, значит, у нас не выйдет. Будем, как бабы, сидеть да облизываться.

– Не бойсь, – прервал меня Шурка, – всё равно к кому-нибудь залезем.

– Думай к кому.

– А что тут думать, полезем к нам. Если поймают, так пусть, никто ругать не будет. Только в калитку не пойдём, полезем через забор.

Карабкались долго, боялись порвать штаны, а когда очутились в огороде, сорвали по огурцу, съели тут же возле грядки и довольные совершённым подвигом разошлись по домам. Вот так мы выступили в роли налётчиков.

* * *

Шурик прибежал ко мне рано утром.

– Сашка, я машину сделал. На ней кататься можно.

Я ещё спал, тем не менее, возбуждённый Шуркиным сообщением стал собираться. А тот торопил:

– Пойдём скорей, ты такую машину ещё не видел.

Честно говоря, я вообще никакую самодельную машину не видел, поэтому даже умываться не стал, протёр глаза кулаком и побежал вслед за Шуркой.

Машина у него была интересной: внизу три колеса, над ними тяжёлая доска, в которой выпилены два отверстия для ног. Чтобы машина поехала, надо было вставить в эти отверстия ноги и, нажимая на педали, перемещаться как на трёхколёсном велосипеде.

– Я ещё, – похвастался Шурик, – сделаю кабину, и тогда это будет настоящая машина. Вот смотри.

Он гордо сел на сиденье, просунул ноги в отверстия и нажал на педали. Кошмар это или нет, но педаль при первой же нагрузке отлетело в сторону, колесо завалилось набок, и Шуркины ноги попали в западню. Конечно, это горе можно было бы пережить, если бы не трижды проклятая толстая доска, которая давила ему на ноги.

Я не смеялся. Я старался помочь другу, но у меня не хватало сил поднять его вместе с машиной. Слава богу, Шуркины

ноги остались целыми и то только потому, что в самую необходимую минуту домой случайно вернулся его отец.

* * *

Шуркина семья жила трудно, как и большинство моих земляков. Даже такую малость, как построить сарай, мы не могли, не было ни леса, ни досок. А скотину держать приходилось, потому что без неё выжить было нельзя. Вот Шуркин отец и вырыл землянку для кур. Хорошо ли плохо ли, но пережить лютую сибирскую зиму они в ней могли.

Как-то Шурик мне радостно сообщил:

– Всё, я штаб сделал, теперь мы будем в нём заниматься своими делами.

– А где ты его сделал?

– В землянке, я взял и прокопал ход, а там сделаю целую комнату. Пойдём, покажу.

Ну как не пойти. Это же интересно и в то же время полезно. Теперь у нас будет свой угол, где можно спрятаться от взрослых и решать в тишине интересные для нас вопросы, о которых взрослым знать было не обязательно. Казалось бы, всё шло

в правильном направлении, но и тут нам не повезло. Шуркин подкоп нарушил равновесие земляного сооружения. Сначала обвалился подкоп, а вслед за ним и вся землянка. Слава богу, хоть куры остались целы.

Варенье

Клубники в те годы в наших краях было немереное количество. Женщины домохозяйки собирали в день до десяти вёдер. Вся ягода шла на сушку, потому что сахара в тех же краях, увы, не было. А если когда и появлялся на прилавках сельских магазинов, так в мизерных объёмах. Да и тот выкупить могли очень немногие семьи, потому что и денег не хватало.

Каждое лето в разгар ягодной страды к Очаренкам приезжала дочь, которая жила в Новосибирске и которая имела доступ к сахарным богатствам. Она всегда привозила сахар родителям и сама же варила варенье. У нас дома не было и сахаринки, поэтому мама и бабушка сушили ягоды, из которой зимой пекли вкусные пирожки и варили кисель.

Однажды Шуркина мать и сестра (он звал её нянькой) ушли в лес. Чтобы Шурка

не умер с голода, ему оставили еду: стакан простокваши, кусок хлеба и целое блюдце варенья. Всё это стояло на подоконнике, а в раме была выставлена нижняя шибочка,

Она была такой маленькой, что пропускала внутрь только Шуркину руку. Забраться через неё внутрь дома было нельзя, войти в дом через дверь тоже было нельзя, потому что перед уходом взрослые закрывали дверь на замок. По их версии Шурка должен поиграть на улице, а проголодавшись, достать с подоконника приготовленный обед, съесть его и спокойно дожидаться ягольников.

Однако на самом деле события пошли по другому сценарию. Шурка позвал меня, и мы вдвоём быстренько съели его обед, вылизали блюдечко из-под варенья. Естественно, этого нам не хватило. Да и где могло хватить одного блюдечка клубничного варенья на двоих. Нам так захотелось добавки, что даже терпенье лопалось. Тем более, что в окно хорошо виделись банки с вареньем. Они стояли у противоположной окну стене. Если бы нашлась возможность каким-то образом придвинуть их к окну, то, поскольку окна в

их доме располагались низко по отношению к полу, то банку можно было бы достать рукой. Шурик думал недолго. Сбежал куда-то и притащил длинную толстую проволоку. Он сделал на конце её крючок, протолкнул в форточку и начал выуживать вожделенное варенье. С первого раза зацепить банку не удалось, зато во второй раз всё сложилось удачно. Шурик аккуратно потихонечку начал подтягивать банку, однако она не подумала полностью подчиниться ему. На полпути зауросила, как необъезженная лошадь, и повалилась на бок. Варенье густой струёй пролилось на пол.

– Вот чёрт, – проворчал Шурик, – наверное, дёрнул сильно. Сейчас я вторую попробую.

– Шурик, – закричал я, – не трогай вторую и её прольёшь.

– Ерунда, не пролью, я пониже зацеплю.

Не успел он договорить эту фразу до конца, как и эта банка завалилась на бок.

Тут уж и Шурик струсил, вытащил проволоку, смотал её и закинул куда-то на хозяйственный двор.

А тётя Дуня, Шурикова мать, когда я в следующий раз пришёл к ним в гости, рассказала мне про то, как кошка залезла в дом и перевернула две банки с вареньем. Мы с Шуриком слушали, краснели, но молчали, хотя и мне и ему, наверное, было стыдно за такой поступок.

* * *

Пришёл Шурик:

– Я тебя с утра хотел увидеть.

– Взял бы и пришёл.

– Мамка не пустила, заставила щир (Щирица – сорняк, который использовали в качестве корма для скота) рвать. А ты что, не мог ко мне прийти?

– Мог, конечно. Меня с утра не припахали.

– Ты знаешь, что я придумал?

– Откуда? У тебя в голове разные тараканы бегают.

Шурик пропустил моё ехидное замечание мимо ушей.

– Давай, телефон проведём.

Я рассмеялся:

– Ты, Шурик, явно спятил. Какой телефон? У нас во всей деревне один

телефон и тот на почте стоит.

– А мы другой сделаем. Не такой, как на почте. Пойдём, я тебе всё расскажу и покажу.

Через минуту бы были уже на совхозном хозяйственном дворе. Он находился неподалёку, прямо за Шуркиным огородом. Двор этот никем не охранялся, поэтому нам никто не помешал. Мы подошли к штабелю труб, которые обычно используются для прокладки водопроводов.

– Вот тебе и телефон, – Шурка указал на трубы. – Иди к тому концу трубы, а я к этому. Приложи к нему ухо и слушай, что я скажу.

Я приложил ухо к просвету трубы, а он с другого конца закричал:

– Здравствуй, Сашка, ты слышишь меня?

Я, конечно же, ответил на его дурацкий вопрос:

– Слышу, хорошо слышу.

Несколько минут мы с ним переговаривались, а потом он мне и рассказал о своей задумке. Надо просто-напросто растянуть эти трубы между нашими дворами и разговаривать

друг с другом, не выходя со своей ограды.

– Захочу я поговорить с тобой или ты со мной, дёрнем за специальный провод, к концам которого подвесим колокольчики, они зазвонят, ты или я подойдём к трубе и будем сколько надо разговаривать.

Проект мне понравился, тем более труб хватало с избытком. Мы с Шуркой посчитали, между нашими домами было всего триста с небольшим шагов.

Конечно, в реализации нашего суперпроекта были свои трудности, но нас они не останавливали, а наоборот вдохновляли на подвиги.

Первая трудность – перетаскать трубы с совхозного двора. По самым поверхностному подсчёту их надо было не менее тридцати. Шурка по этому поводу убеждённо сказал:

– Лишние не помешают. А оставшиеся можно вернуть на место.

Эту сложную задачу мы решили без особых проволочек. Однажды, когда с вечера зарядил противный предосенний дождь и когда на улицу добрый хозяин не выгоняет даже собаку, мы на свих горбах перетаскали эти трубы к Шурику на огород,

сложили их под забором и укрыли травой и картофельной ботвой. Вторая трудность: трубы надо было зарыть в землю, чтобы никто и никогда не хватился их. Но основная сложность заключалась в том, что тянуть эти трубы, и прятать их в землю надо было большей частью на чужих огородах. А на них в это время росла картошка, которой каждый сельчанин необычайно дорожил, потому что она кормила и его с семьёй, и его скотину.

Но и эти трудности нас не остановили. Уже на следующий день мы взяли лопаты и начали рыть траншею прямо через чужие огороды, не обращая никакого внимания на картофельные кусты.

А вот на третий день к нам пришло возмездие: прибежали соседи, которым мы попортили огороды, а вслед за ними совхозный инженер. Он сразу и не поверил, что такие мальцы сами без помощи взрослых перетаскали трубы.

А потом нас ругали, что-то требовали, мы стояли и молчали, как партизаны. Так никто и не узнал, для чего же мы таскали трубы и укладывали их в землю. Тайна нашего желания послужить техническому

прогрессу навсегда осталась неразгаданной.

* * *

Шурик работает участковым милиционером в селе Кабинетное. Как-то браконьеры убили барсучиху, сельчане нашли возле норы двух барсучат. Они принесли их в деревню и отдали в качестве вещдока участковому. Не знаю, нашли браконьеров или нет, но барсучата остались жить у Шурика. Он и кормил их, и поил, и ухаживал за ними не хуже мамыши.

Через месяц другой жители Кабинетного могли наблюдать такую картину: по улице идёт участковый милиционер, одетый по форме с папкой в руках, а за ним, не отставая ни на шаг, бегут два барсучонка. Если он заходил к кому-нибудь в дом или в какое-нибудь учреждение, барсучата садились возле дверей или ворот и терпеливо поджидали его. Как только хозяин появлялся на улице, они радостно кидались к нему и опять семенили за ним, как преданные собачонки.

* * *

Выперли Шурика из милиции,

уволители из совхоза, пришлось ему вернуться назад в Новосибирск. Как-то он приехал в *Серебрянку*, проведать отца. Встретились мы неожиданно, потому что и я оказался в деревне случайно.

Поздоровались, похлопали друг друга по плечам и спинам, разговорились.

– Ты чем занимаешься? – спросил я.

– Работаю.

– А кем?

– Мастером погрузо-разгрузочных работ.

– Грузчиком, что ли?

– Ну, вроде того.

* * *

Кто из советских сибирских пацанов не ел паслён. Каждый наверное, потому что осенью никакой другой ягоды нет, а этого добра хоть ложкой хлебай на каждом поле и на каждом огороде. Правда до поля надо было ещё дойти, а на огороды шушеру чужую не каждая хозяйка пускала. Приходилось забираться к соседям (на своих объедали в первую очередь) тайком, порой по-пластунски.

Мы с Шуриком не являлись

исключением: то же время от времени ныряли в картошку на чужих огородах. Как-то нашему нашествию подвергся огород Карпицких. Мы упали в междурядья и под прикрытием развесистых кустов картошки стали со скоростью саранчи поедать паслён.

Вдруг слышу Шуркин шёпот:

– Сашка, а ты как ешь бзднику?

Бздника – это народное название паслёна, так называют эту ягоду все. Многие люди только в школе узнают правду, что бздника – это паслён чёрный. Правда Августа Николаевна (*Августа Николаевна Бунеева*) называла эту ягоду поздника, от того, видишь ли, что она созревает поздно. Мы же с Шуркой так не считали.

– Как, как? А так, как все, кладу в рот и жую.

– А я не так. Я беру три чёрных ягодки и одну зелёную.

А это для чего?

– А так больше наисись.

– Значит, дурак. Мама говорила, что зелёные ягоды ядовиты.

– Ерунда, ни один ещё бзником не

отравился.

На этом диалог прекратился, потому что в огороде появился хозяин, и нам пришлось дать дёру в разные стороны.

Вечером я пошёл к Шурке. Его мать ходила во дворе, видно было, что она сердита и не могла скрыть этого.

– Тётя Дуня, – вежливо спросил я, – а где Шурик?

– Шурик, Шурик, – заворчала она, – вон третий час твой Шурик из туалета не вылезит: блюёт да дрищет. Наверное, бздники обожрался, потому что она из него целиком выскакивает.

* * *

Дядя Володя (*Бунеев Владимир Павлович*) вернулся с семинара для киномехаников. Он много чего рассказывал. Но особенно интересно о том документальном фильме, в котором рассказывалось о загнивающем американском империализме. Я как-то не придал услышанному особого значения, но Шурика дяди Володин рассказ задел за живое. Особенно поразили его воображение так называемые «спортивные»

соревнования, например, кто дальше плюнет, кто дальше укатит носом горошину, кто больше съест сосисок, кто дольше просидит голым задом на льду.

Однажды я пришёл к Шурику в гости. Не успел переступить порог, как он сразу же подступил ко мне с предложением:

– Давай будем соревноваться.

– Давай, а что будем делать: бороться, прыгать или бегать? Можно на руках силу мерить.

– Глупости всё это. Так любой может соревноваться. Надо что-то новое придумать.

– Тогда ты и думай. Я предложил, тебе не понравилось.

Шурка долго не думал, видно он уже давно приготовил предложение.

– Давай носом горох катать.

Я согласился, потому что знал, от Шурика не отговоришься.

Шурик обрадовался тому, что я согласился, и полез в шкаф, где у них хранились разные крупы. Через некоторое время он разочарованно сообщил:

– Не повезло, у нас горох половинками. Что же тогда катать будем?

– Ничего не будем, придумывай что-нибудь ещё.

– Ладно давай, кто быстрее буханку хлеба съест.

– Это не интересно, это любой дурак сможет. Ты бы ещё предложил: кто вперёд килограмм конфет слопает.

– Да нет у нас конфет. Какие были, я и без соревнования умял и пряники тоже.

– Но ведь что-то у тебя есть?

– Есть, конечно. Да вон хотя бы лук. – Он указал на огромную вязанку лука, висящую на стене. – Давай, кто больше лука съест без соли и хлеба.

Да, это было воистину героическое испытание. Надо знать, что наш сибирский лук – это не южный плод, при поедании которого ощущается сладкий вкус. Наш фиолетовый – ядовито-жгучий, есть его сырым практически невозможно.

Что ж, предложение я принял. Мы выбрали по крупной луковице примерно одной величины, очистили их и по Шуркиной команде вонзили в твёрдую мякоть острые детские зубы. Что тут началось. Мы жевали эти полужадовитые луковицы и горько плакали. Слёзы текли

ручьями, мы тёрли глаза рукавами рубах, но это ничуть не помогало, даже наоборот усугубляло ситуацию. Вместе со слезами захлюпали и носы.

Наконец оба «спортсмена» побросали недоеденные «спортивные снаряды» и с широко разинутыми ртами, внутри которых разгорелся смертельный пожар, выскочили на улицу и уже без команды стали хватать снег и жадно глотать его.

Когда пожар немного утих, Шурик предложил:

– Идём домой, хоть немного хлебом заедим.

А потом я спросил:

– Что, Шурка, будем продолжать соревнование?

– Ты что с ума спятил, я уже думал, что помру от этого лука. Американцы-то вон не дураки, они лук не едят, а сосиски. От них не помрёшь.

Я согласился:

– Верно, от них не помрёшь. По поеданию сосисок мы бы с тобой первое место заняли.

«ОДОЛЕНЬ-ТРАВА»,
вторая книга
стихотворений и поэм,
отпечатанная в
Чулымской типографии в
2000 году тиражом 300
экземпляров с
предисловием Павла
Степанова. В сборнике
опубликовано 37
стихотворений и две

поэмы «Лесная феерия» и «Одолень-трава»
на 58-ми страницах.

«ОТ ЗЕМЛИ - К НЕБЕСАМ»,

третья книга стихов, написанных в период с
2002 по 2016 год. В книге опубликовано 46
стихотворений на 72-х страницах. Тематика
сборника: о жизни, о любви, о Родине.
Названием книги послужила строка из
стихотворения «Помоги себе сам».

«ПАНОПТИКУМ»,
сборник стихотворений, состоящий из семи
частей: Бестиарий (Физиолог), Инсектарий,
Птичник, Гербарий, Картинная галерея,

Вивлиофика (Библиотека), Музей восковых скульптур. Каждое четверостишие этой книги иллюстрируется рисунками и фотографиями из интернета, размещёнными в свободном доступе.

**ПОЛЯКОВ
ВЯЧЕСЛАВ**

АЛЕКСАНДРОВИЧ,

добрый товарищ, сосед,
хирург, заядлый
охотник, книголюб и
вообще серьёзный и
трезвый человек. В то
время он работал
главным врачом

Чулымской районной больницы. Я видел, что эта работа не приносит ему удовлетворения, но он безропотно нёс свой крест. И вообще, по-моему, он был далёк от медицины.

* * *

Как-то я увидел у него книгу Парни «Война богов». Этого автора я знал по биографии Пушкина и очень хотел прочесть. Я знал, что Слава не любит давать свои книги кому бы то ни было, как, впрочем, я

сам. Однако желание прочесть книгу пересилило благоразумие. Правда он без всяких яких достал её из шкафа, протянул мне:

– Бери, читай, – а потом добавил, – я эту книгу дарю тебе, она тебе будет нужнее.

Не думаю, что она мне была нужнее, но как подарок эта книга стала для меня большой ценностью.

* * *

На какой-то праздник собрались наши семьи у Поляковых. Посидели, выпили, поговорили, а потом незаметно перешли на стихи. Слава прочёл стихотворение Есенина, я другое, он ещё одно, я за ним. Как я ни люблю Есенина, угнаться за ним мне не удалось. Он знал его практически всего наизусть.

* * *

Его слова: «Я никогда в жизни не напивался. Учился, встречался с друзьями – никто не мог меня уговорить выпить лишнее, а вот сосед (то есть я) как-то ухитряется это сделать».

**ПОЛЯКОВА
НИНА
ВИКТОРОВНА,**

соседка, коллега, подруга, жена *Полякова Вячеслава Александровича*. Когда я работал в райкоме партии, она была заведующей библиотекой. Благодаря ей я пополнил личную библиотеку массой хороших книг, которые безжалостно заставляли её списывать вышестоящие идеологические работники. Так у меня появились сборники Шевченко, Леси Украинки, Монтескье и многие другие.

* * *

Я бросил курить, но когда приходилось выпивать, меня тянуло к курящим. Но вот беда, таковых по соседству не было. Нина купила пачку сигарет и положила на шкаф. Как-то я побегал в поисках сигареты, не нашёл, спросил у неё, не надеясь ни на что.

– Сейчас, – сказала она, забежала в квартиру и вынесла сигарету.

На другой день я спросил её:

– А для кого ты дома сигареты держишь?

– Для тебя, – ответила она и засмеялась.

* * *

Однажды я изрядно подпил. Весь вечер танцевал с Ниной. А утром, едва продрал глаза, жена с укором говорит:

– Бессовестный же ты человек. Танцевал с соседкой и под юбку к ней лез. Раз да два. Ни стыла, ни совести.

Да, тяжёлый укор. Всё утро боялся выйти на улицу. Но выходить надо, должен же я перед соседкой извиниться. А тут и жена наседает: «Иди, извиняйся, может, простит».

Вышел я на улицу, сел на крыльцо, решил подождать, когда она выйдет. Ждал недолго, она птичкой выпорхнула из двери и побежала мимо.

– Нина, – окликнул её я, – ты уж прости меня.

Она остановилась:

– За что?

– За то, что я вчера приставал к тебе. Валя сказала, что к тебе под юбку лез.

– Нет, не лез, хотя надо было, – засмеялась и побежала дальше.

* * *

Моя жена решила родить дочку. В то же самое время и Нина тоже захотела дочь. Тогда никаких УЗИ не было, что Бог пошлёт, то и появлялось на свет. В Новогодние праздники Нина родила девочку. Я немного расстроился: не может быть, чтобы у двух соседок в одно время родились дочери. Но переживал я недолго. Пятого января моя жена тоже родила и тоже дочь.

**ПРАШКЕВИЧ
ГЕННАДИЙ
МАРТОВИЧ,**

российский писатель, поэт, прозаик, эссеист. Автор книг о Жюлье Верне, Герберте Уэльсе, братьях Стругацких, с которыми он, кстати, был дружен, различных энциклопедий. Самый большой вклад он внёс в развитие отечественной фантастики. Живёт и

работает в Новосибирске. Состоит членом Новосибирского отделения Союза писателей России.

Прашкевичу

Припомнились: поэт Мицкевич,
фантаст Уэллс, творец Гидаш.
Да ну их... В мире есть Прашкевич.
Всё может он. К тому же наш.

* * *

Новосибирские писатели приняли меня в Союз писателей России подавляющим большинством. Была и критика, были и похвалы. Выступал и Прашкевич. Он сразу сказал;

– Принять надо, хотя бы за такие строчки, – и он продекламировал, –
и сосульку для потехи
тянет пальцами за нос.

А после голосования он предложил посодействовать публикации моих стихов в журнале «*День и ночь*», в котором он состоял членом редколлегии. Однако вместо подборки стихов в нём была опубликована моя поэма-сказка «Колдун», что вызвало неоднозначную реакцию

Закусиной Нелли Михайловны, моего доброго гения.

Попытался я позже через него протолкнуть в какой-нибудь журнал свою поэму по мотивам русских былин «Богатыри». Послал её по электронке, но может, он не получил её, тогда я ещё только начал осваивать компьютер, а может, просто не захотел читать. У него и своей работы невпроворот.

«РАДОСТЬ В НЕПОГОДУ»

сборник стихотворений, опубликованный в 2016 году. В нём собраны стихи, написанные мной в разные периоды жизни, ранее не публиковавшиеся. Всего в сборнике 69 стихотворений на 91-й странице.

РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ «ЗА КОММУНИЗМ»

Я работал литсотрудником газеты «Трудовая жизнь» города Куйбышев Новосибирской области. Однажды редактор Чулымской газеты Тамара Григорьевна Зубарева случайно узнала, что в Куйбышеве живёт и работает чулымский житель. Она созвонилась со мной и сумела уговорить переехать в Чулым, пообещав равноценную должность и жильё.

Мне терять было нечего, поэтому согласился сразу. Два или три месяца я проработал литсотрудником, а потом был переведён на должность заведующего сельскохозяйственного отдела. А ещё через два года занял должность заместителя

редактора. Помню, пришёл домой и говорю жене:

– Мне предлагают должность замредактора, не знаю, что делать, соглашаться или нет?

– А зарплата там выше?

– Конечно, спрашиваешь.

– Тогда соглашайся.

– Но тогда надо будет вступать в партию.

– И в партию вступай.

– Так я же свой комсомольский билет в печке сжёл.

– Велика беда. Не докладывай ни кому.

Так я и стал заместителем редактора, заведующим отделом партийной жизни.

Прошло ещё несколько лет и я распрощался с журналистикой.

Зубарева Тамара Григорьевна – редактор. Человек слова, она действительно помогла создать условия для работы и достойного проживания в городе.

Голосов Александр Васильевич – заместитель редактора.

Евсеева Галина Аркадьевна – сотрудник сельскохозяйственного отдела. Как-то пришла на работу и принесла два лотерейных балета.

– Таблицу розыгрыша ещё не видели?

– Нет, она нам не нужна.

– А у меня есть два билета.

– Хорошо, – говорю ей я, – давай проверю. У меня очень лёгкая рука. Я обязательно выиграю автомобиль. Только за это ты будешь должна отдать стоимость колёс. Соглашайся, не прогадаешь.

– Я сама проверю.

Проверила, ничего нет.

– Эх ты, Галина, если бы не твоя жадность, каталась бы на собственной машине.

Горковенко Мария Андреевна – заведующая отделом писем. С утра и до конца рабочего дня сидела за столом, что-то писала, что-то переписывала. Вечером, уходя с работы, брала бумаги на дом и там тоже корпела над ними. И так изо дня в день. Но когда она уходила в отпуск, за неё оставалась корректор Л. Коновалова. Та успевала сделать свою работу и работу

заведующей отделом, кроме того, всегда находила время сбегать в магазин, прикупить что-нибудь для дома.

Макаров Юрий Иванович – фотокорреспондент.

Евстигнеев Борис Васильевич – заведующий сельхозотделом. Опытный журналист, мог из пальца высосать любую информацию. Увы, был до неприличия в дружбе с «зелёным» змием.

Он никогда ни на что не жаловался. Единственное чего ему не хватало – это денег. Дней за пять до получки он начинал активные поиски займов. Женщины редакции и типографии немного прижаливали его, тем более, что он был холостяком, и помаленьку ссужали небольшими суммами. Однажды он сильно загулял и не сумел в получку рассчитаться со всеми. Наша машинистка Мария Евстигнеева Коноплянникова подошла к нему, болеющему после страшной пьянки, и робко спросила:

– Борис Васильевич, а вы не забыли, что должны мне?

Тот взглянул на неё мутными глазами, достал записную книжку, долго листал листы и наконец, увидев то, что искал, вымолвил:

– Вот записано: Коноплянникова – пять рублей.

– А когда вы отдадите?

– Маша, не мешай работать, а будешь приставать – вычеркну.

– Что вы, что вы, Борис Васильевич, я же просто для порядка.

Егор *Владимир Андреевич* – ответственный секретарь.

Коновалова Любовь Александровна - корректор. Как-то я ехал по улице и вижу: она идёт сыном через дорогу, держа того за руку. Я рассмеялся. Забавное зрелище, мальчишке было лет семь, а он уже на голову перерос мать. Создавалась иллюзия того, что не мать переводит его через дорогу, а он её.

* * *

Прихожу на работу, читаю свежий номер газеты. На второй странице грубая

ошибка. Иду к корректору:

– Любовь Александровна, как вы могли такую очевидную ошибку пропустить?

– Где? – вопросом на вопрос отвечает она.

– Да вот же, – указываю на неё.

Она внимательно глядит, а потом в сердцах выдаёт:

– Я так и знала, что здесь ошибка будет.

– А если знала, то почему не заострила внимание на этих строках?

– Не подумала, что здесь может быть ошибка.

РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ «ТРУДОВАЯ ЖИЗНЬ»

О работе газетчика никогда не мечтал.

Но однажды, читая районку наткнулся на объявление: редакции газеты «Трудовая жизнь» на постоянную работу требуется литературный сотрудник. У меня работы не было, медициной заниматься не хотелось, решил попытать счастье. Хотя, признаюсь, в успех этой авантюры не верил. Ведь я не имел никакого представления о журналистике и вообще за свою жизнь не написал ни одной строчки ни в одну газету.

Пришёл в редакцию, секретарь проводила к редактору. Тот побеседовал со мной две минуты и сказал:

– Напиши какую-нибудь заметку и завтра принеси мне.

– А о чём?

– Хоть о чём. У тебя есть родственник или хороший знакомый, о ком бы ты хотел рассказать многим людям.

– Да есть. Мой тесть, фронтовик, хороший работник.

В тот же день я начал терзать отца, выведывать всю его подноготную.

Не помню уже что получилось, но на работу меня взяли. Целый год я учился писать, разговаривать с людьми, целый год меня терпеливо наставляли заведующий

отделом *Иван Иванович Быков* и ответственный секретарь *Лука Фёдорович Беляев*.

Иван Иванович читал мою писанину, вздыхал, правил, уносил Луке Фёдоровичу. Тот тоже правил. Так с их помощью я набивал руку. А как только её набил, уволился, чтобы начать новую жизнь в *Чулымской газете «За коммунизм»*

Легенза Владимир Николаевич – литсотрудник сельхозотдела. Опытный журналист, учился в МГУ на журфаке. По окончании направили в другую газету на должность редактора.

**САЗОНОВ
НИКОЛАЙ
АНДРЕЕВИЧ,**
муж *Сазоновой
Марии Григорьевны,*
отец *Никифоровой
Людмилы
Николаевны*

* * *

Дядя Коля был фронтовиком.

Накануне войны его упрятали в тюрьму за чью-то растрату. Он был бухгалтером и ушлое руководство списало на него всю, видимо, немалую недостачу. Сколько он там отсидел, не знаю. Но в тяжёлый 41-й год его вызвали к начальнику тюрьмы и сказали, что на СССР напали фашисты и что у него есть выбор: пойти на фронт в штрафной батальон и кровью смыть вину перед родиной или же продолжать тянуть срок. Дядя Коля выбрал первый вариант и, слава богу, прошёл через новое испытание с достоинством.

Кстати, он говорил, что почти никто из зэков не захотел отсиживаться в тюрьме.

— Мы за славян, — говорили они и уходили на фронт.

* * *

Загрузили зэков, согласившихся уйти на фронт, и доставили в целости и сохранности на передовую. Здесь их переодели, выдали винтовки (без патронов) и под надзором заградотряда отправили на какую-то станцию. Отсюда они, получив боекомплект, должны были начинать боевое крещение.

Была зима. Стояли крепкие морозы, на станции скопилось много поездов. Зэки собрались пошманать в вагонах, надеясь найти что-нибудь съестное. Но не успели, налетели немецкие самолёты и вдрызг разбомбили станцию, как говорится, одни щепки остались. Картина была удручающая: здание вокзала горело, вагоны изуродованы, повсюду валялись трупы солдат. Прямо напротив вокзала лежала на боку разбитая цистерна и из неё потоком бежала какая-то светлая жидкость. Кто-то из зэков макнул в неё палец, обсосал его и радостно закричал:

– Братва, да это же спирт, налетай подешевело!

А его уже натекло немало, целое озеро. Зэки побросали винтовки, упали на колени и жадно заглатывали спирт. Подоспели офицеры, но ни окрики, ни угрозы не помогли им остановить распоясавшихся штрафников. Никто из них даже ухом не повёл: одни продолжали пить, закусывать снегом, другие уже валялись пьяные, иных тут же рвало. Всякому терпению приходит конец. Не выдержали и офицеры, начали стрелять сначала в воздух, а потом в затылки солдат.

Никто не знает, сколько **людей** (дядя Коля делал на этом слове ударение) положили они возле кровавого спиртового озера и сколько бы перестреляли ещё, если бы кто-то из тех же офицеров не догадался бросить в него горящую спичку.

* * *

Вернувшись с фронта, дядя Коля всё чаще и чаще стал прикладываться к бутылке. Когда я жил у них, он уже пил почти ежедневно. Бывало, принесёт бутылку домой, спрячет её в дровнике и заходит домой трезвый. Тётя Маша хвалит его:

– Вот молодец, – можешь ведь и не пить.

Разговаривает с ним, смеётся, что-то рассказывает. Пошлёт его куда-нибудь: то в огород, то за дровами. Он идёт, но не забывает наведаться к спрятанной бутылке. Смотришь, через час, другой язык у него начинает заплетаться, и он в конце концов возвращается к своему уже привычному состоянию.

* * *

Дядя Коля был подслеповатым, носил очки – 10 диоптрий. Это сильно осложняло ему жизнь, но он никогда не роптал на судьбу. Однажды он пришёл на обед, а тётя Маша (*Сазонова Мария Григорьевна*) в тот день была крайне занята на службе и ничего не успела сварить. Она просто поставила на стол хлеб, соль и помидоры. Потом подумала и, поскольку стол у них был громадного размера, достала ещё две тарелки и нарезала в них помидоры, чтобы всем было удобнее доставать. Дядя Коля сел за стол, окинул его подслеповатым взором и изрёк:

– Ну ты, Манька, даёшь, столько блюдов наготовила. Мы столько и за неделю не стрескаем.

* * *

Однажды у меня разболелся живот, то ли съел чего, то ли подхватил неведомую заразу. Но так вышло, что полдня бегал на улицу по нужде. А тут с работы пришёл дядя Коля и принёс с собой бутылку водки и стал упорно приставать ко мне: «Выпьем да выпьем...»

Я и так отнекивался и по другому, наконец привёл последний аргумент:

– Дядя Коля, я не могу, у меня живот болит, все кишки воспалились.

– Понос что ли?

– Да, понос.

– Так это чепуха. Сейчас я тебя и вылечу.

Он налил полстакана водки, сыпанул в ней пол-ложки соли, тщательно размешал и приказал выпить залпом. Я махнул на всё рукой, выпил и, надо сказать, не пожалел. Во-первых, угодил дяде Коле, во-вторых, эта адская смесь действительно помогла: живот перестал болеть и понос прекратился. Только не подумайте, добрые люди, что я рекламирую этот варварский метод лечения. Наверное, мне просто повезло, что не случилось никакой более серьёзной неприятности.

По этому поводу я написал «медицинский» совет:

Если мучит понос с болью,
значит, пейте водку с солью.
Ну а коль понос без боли,
пейте то же, но без соли.

**САЗОНОВА
МАРИЯ**

ГРИГОРЬЕВНА,

сестра моей бабушки
(*Степанова Анна
Григорьевна*), жена
*Сазонова Николая
Андреевича*. *Всю
жизнь работала, как
она говорила,
счётным работником.*

* * *

– Мария Григорьевна, а где ваша дочь живёт, что-то её не видно?

– Так она замуж вышла и уехала на север.

– Куда?

– В Шигарку.

Она упорно на протяжении всех лет, пока Людмила жила там, называла так Игарку.

* * *

Тётя Маша любила и умела рассказать какую-нибудь историю. Голос у неё был звонкий, с выразительными

интонациями. Кроме того, свои рассказы она иллюстрировала действиями. Рассказывая, например, о старике, который сидел на завалинке, она нахлобучивала на себя мужскую шапку, натягивала валенки, усаживалась на пол или порог и воспроизводила все дедовы выходки. А если в процесс вовлекался другой персонаж, она тут же преображалась, подчёркивая это одной-двумя деталями одежды и принималась вести диалог, играя роль то одного, то другого персонажа. Правда, такое случалось не всегда, но когда случалось, я считал, что в театр ходить не надо, тётти Машин моноспектакль интересней.

* * *

Люда, дочь тётти Маши, как-то дурачась, вертелась возле неё и так, смеясь и шутя, предложила:

– Мама, а давай в крючки сыграем.

– А как это? – тёття Маша легко и то же со смехом отозвалась на просьбу дочери. А надо заметить, что дочери было уже двадцать лет. К этому времени она окончила учёбу в Куйбышевском медицинском училище.

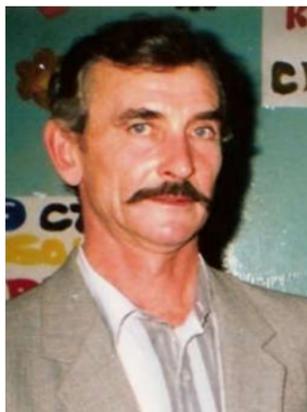
– Да просто, по ходу игры поймёшь.

– Давай, – согласилась не подозревающего подвоха мать.

– Я первая, – сказала дочь и, согнув указательный палец, засунула его в дыру в стареньком изношенном халате матери, и, как крючком, разорвала его сверху до низу. В одно мгновение тётя Маша оказалась в чём мать родила.

– Люська, дура, – в испуге от такого неожиданного подвоха закричала мать, – ты что наделала?!

– Ничего страшного, иди переоденься, а то ходишь, как оборванка, словно у тебя, кроме этого халата, ничего нет.

**САЛОВ
НИКОЛАЙ
ДАНИЛОВИЧ,**

*муж Саловой Натальи
Геннадьевны, отец
Салова Дениса
Николаевича и Бирюля
(Саловой) Таисии
Николаевны*

* * *

Николай качает мёд. Стоит жаркая погода, но взятка уже нет. Пчёлы поэтому сильно возбуждены и отчаянно защищают свои запасы. Николай хоть и опытный пчеловод, однако всех пчёл и он укротить не в состоянии. Многие разлетаются по окрестностям и жалят прохожих. Кто-то ойкает и старается побыстрее покинуть опасное место, кто-то недобрым словом поминает и пчёл, и пчеловода. А вот бабка Матрёна, живущая неподалеку, не из таких. Получив жгучий подарок в лоб, она не пытается скрыться, а идёт к Саловым во двор, где стоят ульи и где в данный момент разыгрывается пчелиная драма.

– Колька, – кричит она, – ты чего это пчёл распустил? Они вон за прохожими гоняются.

Из глубины двора вышел тот самый Колька – мужик под сорок лет – в халате, сетке, с дымарём в руках.

– Ты чего шумишь, Егоровна? – с поддельным недоумением спрашивает он.

– А что же не шуметь? Пчёлы-то твои людей по улице гоняют.

– И что жалят?

– Жалят проклятые. Жалят, да ещё как.

– И тебя тоже?

– И меня.

– А сколько пчёл тебя ужалило, много?

– Аж целых три!

– Вот видишь, Егоровна, целых три пчелы ужалило тебя. А это ведь не пустяк, это апитерапия, пчёлочелечение по-нашему. Доктора за каждый укус берут по двадцать рублей, а я, как твой сосед, возьму с тебя по пятаку за каждую пчелу. Всего 15 рублей. Деньги отдашь жене. А пока до свидания, мне некогда.

Он убежал так же быстро, как и появился. Егоровна постояла ещё минуту, осмысливая Колькино предложение. А в это время ко лбу прилипла ещё одна пчела.

– Вот, чёрт, – ахнула она, – уже двадцать рублей. Бежать надо, а то разорит гад.

* * *

– Коля, ну почему ты так пьёшь?

– А как я пью?

– Много!

– А я не могу по-другому. Это –

жизнь моя.

А на самом деле оказалось не жизнь, а смерть. Пьяным попал в ДТП, смерть наступила мгновенно.

**САЛОВА
НАТАЛЬЯ
ГЕННАДЬЕВНА,**

дочь *Васильевых*
Геннадия Егоровича и
Таисии Павловны,
жена *Салова Николая*
Даниловича, мать

Салова Дениса и дочери Таисии, моя двоюродная сестра.

* * *

Поезд в Джебел прибыл часа в четыре ночи. На вокзале нас встретил дядя Гена. Дома решили, что ещё рано и надо лечь спать. Мне постелили в зале, я лёг на диван, но спать не хотелось. От нечего делать начал писать стихотворение. С горем пополам закончил и незаметно для себя всё-таки уснул. Проснулся, когда солнце

уже встало. Дядя Гена с тётёй Таей куда-то ушли, а Наташа тоже валялась в своей кровати.

Я вспомнил про стихотворение, прочёл, в общем и целом остался доволен. Как каждому автору, захотелось с кем-нибудь поделиться своим творением.

– Наташа, иди сюда, я стихотворение написал, послушай.

Она тут же притопала и уселась рядом со мной:

– Читай.

Я с вдохновением прочёл. Сейчас я его, конечно, не воспроизведу, но последние строчки помню:

Казахов, и туркменов,
И русских поглядел.
Заборы крыши, стены
На станции Джебел.

– Ну и как? – поинтересовался я у сестрѐнки.

– А как ты его написал, ведь ты ещё даже на улицу не выходил?

Вот тогда до меня впервые дошла простая истина: для того, чтобы написать

что-то, не обязательно видеть, можно и домыслить.

* * *

Сижу, читаю книгу, не ерунду какую-нибудь, а Куприна или Джека Лондона, и тут Наташкин голосок:

– Саш, включи свет в туалете.

Я понимаю, что выключатель пристроен высоко, но ведь это, по-моему, не повод, чтобы отрывать меня от чтения. Можно ведь семилетней девчонке подвинуть табуретку к нужному месту и включить свет. Но эта девочка почему-то не может. Приходится отрываться от важного дела и включать свет.

Через минуту:

– Саша, выключи свет.

Моё раздражение нарастает и наконец, терпение лопається, когда сестра подходит и просит:

– Саша, налей молока, а то я не могу сама из трёхлитровой банки.

– Наташка, – возмущаюсь я, – в твоём возрасте в Турции девчонки уже замуж выходят, а ты молока налить не можешь.

– А у них, может, таких больших

банок нет и братиков таких хороших нет.

Что тут скажешь? Лиса Патрикеевна.

* * *

Время было непростое. Перестройка ничего не перестроила, а только всё развалила. В магазинах было пусто, народ озлоблен, глубоко разочарован в новой политике партии.

Наталья в это время устроилась на работу в сельмаг в продуктовый отдел. К нашему вящему удивлению она одна из всей родни перестроилась быстро – просто перестала замечать нас.

Женечка была ещё маленькой. Однажды она попросила денег.

– Зачем тебе?

– Пойду к тёте Наташе в магазин, куплю чего-нибудь.

– Хорошо, сходи.

Через некоторое время приходит домой вся в слезах.

– Ты чего плачешь?

Она проревелась и потом рассказала, что тётя Наташа продала ей конфет, а сдачи не дала.

– Хорошо, дочь, не плачь, мы с ней

разберёмся.

При встрече:

– Наташа, ты почему сдачу Жене не отдала.

– Какую сдачу? Я ей на все деньги конфет взвесила. А когда она спросила про сдачу, я ей так и ответила.

Что можно сказать по этому поводу. Жене было в то время пять или шесть лет.

**САНИНА
АНТОНИНА
ПАВЛОВНА,**

первая дочь

*Бунеевых Павла
Васильевича и Анисьи
Сергеевны.* Родилась в с.
Покровка в декабре 1919
года, умерла в

Магнитогорске, где и похоронена. В первом браке родила дочь *Евгению Анатольевну Свирину (Сычёву)*, во втором – сыновей *Анатолия Александровича* и *Владимира Александровича Саниных*. После школы тётя Тоня поступила в сельскохозяйственный техникум,

проучилась год и перешла в педучилище. После его окончания всю жизнь работала в школе учительницей начальных классов.

Первый раз вышла замуж за Свирина Анатолия ещё до войны. В то время его отец был самым известным и востребованным фельдшером в Чулыме. Слава о нём растекалась не только по городу и району, но и далеко за их пределами. Даже из соседних районов приезжали к нему лечиться, потому что и теоретически и практически он многое знал и умел, брался за всё и всё у него получалось.

Я услышал о нём, когда он уже не практиковал, а возможно, уже и умер. Помню, мы с тётей Тоней, а может, и с мамой заходили к ним. Мать дяди Толи я видел, а вот самого Свирина, увы, нет.

Прожили вместе они недолго, ибо началась война. Дядю Толю забрали на фронт и оттуда он уже не вернулся.

* * *

Тётя Тоня была женщиной строгой, властной, жадноватой, но... Как-то, когда они жили в Старой Центральной, она шла

по улице и нашла свёрток. Развернув газету, обёртывающую его, она обнаружила толстую пачку денег, пересчитала, оказалось больше десяти тысяч (до 1961 года). По тем временам да ещё в селе деньги бешеные. Она маленько подумала и пошла в магазин. А там Шекспировская трагедия: продавец в отчаянии, в слезах и соплях.

– Ты чего ревёшь? – спросила тётя Тоня.

– Ох, Антонина Павловна, и не спрашивайте, деньги потеряла.

– А много?

– Десять тысяч.

– Ну что ж, раззява, держи пропажу.

И она отдала той деньги. Радости было море, но не это главное. И вряд ли бы эта история так запала в мою детскую память. А дело в том, что буквально через несколько дней тётя Тоня выиграла на облигацию десять тысяч рублей. А чуть позже ещё какую-то большую сумму.

С тех пор Санины стали жить зажиточно, у них была хорошая мебель, богатое постельное убранство, они хорошо одевались, наряжали детей, давали им

деньги на карманные расходы. Родственники без заявки на зависть говорили:

– Санины богато живут.

**САНИН
АЛЕКСАНДР
ИВАНОВИЧ,**

второй муж *Саниной Антонины Павловны*, моей тёти, отец *Саниных Анатолия* и *Владимира*. Родился в 1915 году. В 1939 ушёл в Армию, служил зенитчиком. Не дослужив положенный срок, попал на фронт, вернулся домой лишь в 1946 году. Работал на центральной усадьбе совхоза «Суминский» бухгалтером. После перевода центральной усадьбы в Серебрянку, его направили в Князевку, где всё оставшееся время до ухода на пенсию также работал бухгалтером. Дядя Саша был добрейшей души человеком, безропотным подкаблучником, что, по-видимому, вполне его устраивало. Он никогда ни на кого не

обижался, но сам мог подшучивать над кем угодно. Прозвища, которые выдумывал он, характеризовали человека точнее характеристики с места работы. Он не любил сидеть без дела: если управлялся по хозяйству, а обязанностей у него было немало, то садился с бумагами за стол, что-то писал, считал, чертил какие-то таблицы и графики, крутил свою ручную арифметическую машинку «Феликс». Сознаюсь, что я очень любил крутить её за ручку и восторгался, когда получался правильный результат.

Жизненный уклад в их семье был необычен для меня. Дядя Саша делал всё, чтобы тётке Тоне жилось легко. Вставал он рано, растапливал печь, ставил варить, шёл во двор управляться. Тётя Тоня в это время ещё нежилась в постели. Потом дядя Саша собирал на стол и звал всех завтракать. Всё у них шло мирком да ладом. Я ни разу не слышал, чтобы он в чём-то противоречил тётке Тоне, а она учиняла ему разносы по полной программе, особенно если он принимал на грудь со своими сослуживцами.

* * *

Однажды Санины гостили у нас. Дело было летом, и тётя Тоня попросила Бориса Григорьевича (*Ионин Борис Григорьевич*) подстричь Толика. Тот согласился, настроил машинку, усадил клиента и начал стричь. Провёл первую полосу от лба до затылка и без тени сомнения продолжил своё благородное дело. В этой же комнате сидели все остальные члены их и нашего семейства. И вот, когда дело приближалось к намеченному пределу, Толик спохватился, что его стригут просто напросто под колено.

И тут раздался истошный вопль. Он-то надеялся, что дядя Боря знал, как надо стричь молодёжь. Что тут началось! Не опишешь словами. Женщины дружно ругали мужчин. Правда, Борис Григорьевич сумел вывернуться. Он разводил руками и говорил, что ему не объяснили, как надо стричь.

А Александр Иванович остался виноватым, потому что, по словам тёти Тони, он сидел ближе всех к месту трагедии, но повлиять на сам процесс не захотел. Из-за солидарности с Толиком мы все в тот

раз подстриглись под колено. Для меня это оказалось воистину трагическим действием, ибо, когда волос у меня отрос, он стал кудрявиться. С той поры я прикладывал невероятные усилия для того, чтобы развить его.

* * *

Дядя Саша выпить любил. Тётя Тоня однажды для хозяйственных целей поставила во фляге брагу. Чтобы никого не соблазнять, спустила флягу в подполье. Однажды ночью она проснулась и, не зажигая свет, пошла на улицу. Сделав несколько шагов, провалилась в пустоту. Ей повезло, она не разбилось, не покалечилась, а просто упала в подпол. А там возле фляги сидел дядя Саша, потягивал бражку и курил свой «Беломорканал».

Когда у нас в Серебрянке устраивались гулянки, Санины всегда приезжали на лошади из Князевки. Гуляли шумно, однако дядя Саша в споры не вступал, он просто скромно сидел и не пропускал ни одной рюмки.

Однажды гулянка уже заканчивалась, кто-то налил ещё по стопке и провозгласил:

«На посошок!». Компания дружно содвинула рюмки. Дядя Саша, уже изрядно зарядившись, тоже протянул руку, чтобы чокнуться «на посошок». Раздался смех, оказывается, в руке он держал куриное яйцо.

* * *

Дядя Саша лежал в Серебрянской больнице с обострением язвенной болезни желудка. В то время это был серьёзный диагноз. Никто не знал этиологии болезни, её патогенеза, тем более способов и методов лечения.

Однажды к нему пришёл сват Фёдор Фёдорович Вагнер, принёс передачу. Он прекрасно знал, что дядя Саша – любитель выпить и что спиртное ему противопоказано.

Но тем не менее сват сделал всё, чтобы напакостить свату. Он купил банку компота, вылил его оттуда, оставив примерно третью часть, а остальной объём заполнил водкой. Дело было летом, и пили они компот на улице под сенью сибирских берёз, которые росли неподалёку от больницы.

Банка была литровая, а дядя Саша

маленьким и щедушным. Так что этого «компота» хватило, чтобы сёстры и доктора поняли, что он до чёртиков пьян. Я не собираюсь винить одного и оправдывать другого. Просто всё вышло, как вышло.

На другой день дядю Сашу выписали из больницы, в больничном листе записали «Нарушил режим». Назавтра и для дяди Саши наступило отрезвление. Отметка «Нарушил режим» означала отсутствие денежного пособия за время лечение и наносила удар по авторитету.

Конечно, дядя Саша погоревал, а потом просто-напросто взял и приписал слог «не» перед отметкой «Нарушил режим». Казалось бы, это смешно, по-детски, но его «Не Нарушил режим» стал точкой во всей этой истории.

* * *

Санины тогда жили в Старой Центральной усадьбе Суминского совхоза, а мы в *Серебрянке*. Мне было лет 9-10 и я гостил у них. Долго ли нет ли гостил я там, но настало время возвращаться домой. Дядя Саша пообещал увезти меня на коне после работы. И правда вечером он подъехал к

дому в кошеве. С нами тут же увязались мои двоюродные братья Толик и Вовка, а потом и тётя Тоня (*Санина Антонина Павловна*) решила немного развеяться. Дядя Саша и Толик уселись на облучок, а мы втроём разместились в кошеве.

– Ну, мёртвая, – понукнул дядя Саша лошадь, и эта памятная поездка началась. Дорога была неплохая, лошадь бежала ни шатко ни валко, но всё равно с каждой минутой приближала нас к цели. Однако дяде Саше что-то в её медлительности не устраивало и он вдруг неожиданно для всех повернул её с дороги.

– Ты куда это, – заволновалась тётя Тоня.

– Сейчас путь сократим, – спокойно ответил тот, – мы всегда тут ездим. Минут двадцать выиграем.

Тётя Тоня возражать не стала, мы тем более. Ну раз все здесь ездят, то пожалуйста. Помаленьку потихоньку мы углублялись в лес. Ни у кого не появилось сомнений в правильности дядиного решения, даже когда на пути попало маленькое болотце, заросшее болотной травой. Только лошадь остановилась у края воды, но дядя Саша

шумнул на неё, взмахнул прутом, и та безропотно вошла в воду.

Кто бы мог подумать, но воды в этом маленьком болотце оказалось больше, чем можно было бы предположить. Вот она уже скрыла ступицы колёс, вот подобралась к самой кошеве и стала заливать сидящих в ней. А тут откуда ни возьмись стали попадаться кочки, скрытые под водой. Ходок стало бросать из стороны в сторону, ещё мгновение и мы бы вылетели из неё на закуску кровожадным пиявкам. Но на наше счастье под колесо попалась особо громадная кочка, через которую лошадь перетащить свою поклажу не смогла. Она подёргалась, подёргалась и остановилась. Что только не делал с ней дядя Саша, что только он не выслушал от тёти Тони – воз с места не двигался. Пришлось ему бедному прыгать в воду, распрягать лошадь, заводить её в сторону, выковыривать кочку из-под колеса, снова запрягать лошадь. Два часа понадобилось ему, чтобы вызволить нас из плена. Ещё минут двадцать потребовалось, чтобы отмыться от грязи в том же самом болотце, в котором он перепачкался с ног до головы.

* * *

В то время дядя Саша работал бухгалтером на второй ферме Суминского совхоза. Это в посёлке Князевский, что в пяти километрах от центральной усадьбы. Рано утром он уселся в возок и поехал туда сдавать отчёт. Погода была отличная, солнце уже взошло, отчёт сошёлся тютелька в тютельку, лошадь бежала резво. Дядя Саша беззаботно смотрел по сторонам, отмечая крестьянским глазом и хорошо взошедшие зерновые и буйно поднимающиеся травы, что радовало ибо предвещало в будущем и хороший урожай и богатый сенокос.

Но вдруг его внимание запнулось на каком-то странном предмете. Прямо посреди поля лежало что-то белое и довольно большое, издалика похожее на небольшой сугроб. Дядя Саша тормознул лошадь, выбрался из кошевы и побежал, чтобы взглянуть на это чудо.

А чудо оказалось вовсе не чудом, а довольно большим воздушным шаром, вместо корзины к нему был привязан груз, завёрнутый в толстую серую бумагу. Шар

он с собой не потащил, а груз забрал. В конторе он первым делом рассказал о находке директору совхоза. Тот не долго думая разрезал бумагу, заглянул внутрь, там лежала большая кипа листовок, призывающих к свержению советского строя.

После того, как листовки передали в КГБ, дядю Сашу ещё долго таскали по разным инстанциям, выпытывали, а читали ли он их, а не припрятал ли часть их.

**САНИН
АНАТОЛИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ,**

сын *Саниных
Александра Ивановича и
Антонины Павловны,*
брат *Санина Владимира
Александровича* и
Сычёвой Евгении

Анатольевны, мой двоюродный брат

Гармонь

Санины жили в Князевке. Это небольшая деревушка, ферма Суминского

совхоза, в которой дядя Саша (*Санин Александр Иванович*) работал бухгалтером, а тётя Тоня (*Санина Антонина Павловна*) была учительницей начальной школы. Деревня располагается в пяти километрах от Серебрянки. Все князевские старшеклассники каждый божий день пешком или на велосипедах добирались до Серебрянской школы. А я каждую субботу отпрашивался у мамы в гости к Саниным не потому, что у них там было мёдом намазано, а потому, что в Князевке было много молодёжи всех возрастов. Вечерами они все высыпали на улицу, играли в футбол, хоккей, толкались возле клуба, где те, кто постарше, устраивали танцы и разные игры. Танцы шли под гармонь. Играли несколько гармонистов по очереди, среди них были и два наших ровесника Коля Акентьев и Коля Иванов. Толик Санин смертельно завидовал им. Чуть не каждый день он канючил у родителей:

- Купите гармошку.
- Ты же не умеешь играть.
- Ну и что, я быстро научусь.

Наконец нервы у тёти Тони не выдержали, они съездили с дядей Сашей в

Чулым и привезли новенькую гармонь.

Радости у будущего гармониста не было предела. Он тут же уселся на стул и стал давить на клавиши. Целый день в квартире раздавалась музыкальная какофония, и завтра, и послезавтра и ещё несколько дней.

Когда я снова пришёл к ним в гости, Толик с гордостью взял в руки гармонь, накинул на плечо ремень и растянул меха. Я пристроился напротив и приготовился слушать мелодию, которую, как мне казалось, он должен был выучить к этому времени.

«Пик-пик-пик», – пискнули голоса.
«Бум-бум-бум», – звякнули басы. И на этом всё закончилось.

– Ты что ещё не научился играть? – спросил я.

– А ты что думаешь – это просто? Время надо. Иванёнок вон с раннего детства играет, через год и я также буду играть.

Через год гармонь спокойно стояла на верхней полочке этажерки, укрытая красивой салфеткой. С той поры ни один человек не брал её в руки.

* * *

Мы на сенокосе: Толик, Вовка и я. Наша задача – сложить сено в копны. Толик и Вовка убирают своё сено, а я им помогаю, следовательно не имею право голоса. Толик, как старший, командует, мы подчиняемся. Вовка, правда, изредка огрызается, Но не более того.

Толик уже курит даже при родителях и потому считает себя совершенно взрослым. А нам с Вовкой было лет по 15-16. Солнце припекало всё сильнее и сильнее, кровожадные злыдни – слепни мешали работать в полную силу. А тут ещё Толик начал курить одну сигарету за другой. Когда он курил, ему работать было нельзя, потому что сено в любую минуту могло вспыхнуть от малейшей искры. Чтобы предупредить пожар, он отходил подальше от нас, садился под кустик в тенёк и наслаждался действием табачного зелья. Ну а мы с Вовкой продолжали таскать сено.

Наконец и Вовкино терпение иссякло. Как только Толик закурил, Он тоже ушёл под кустик и стал есть клубнику, которая в тот год уродилась как никогда.

Толик наглотался дыма, вернулся на

рабочее место и чуть не поперхнулся от злости: Вовка ест ягоду, я сижу в тени берёзки, а работа стоит.

– Вы почему не работаете? – закричал он.

– А ты? – вопросом на вопрос ответил Вовка.

– Ты что не видишь, я курю, – возмутился Толик.

– А ты не видишь, что я ем ягоду? – в тон ему ответил Вовка.

* * *

Толик женился, поселился в Новосибирске в частном секторе, в доме жены. Мы с Владимиром (*Санин Владимир Александрович*) приехали в город и решили навестить брата. Однако, к сожалению, никто из нас не удосужился узнать его адрес.

– Может быть, дядя Ваня (*Санин Иван Иванович*) знает, – высказал предположение я.

– Должен, – согласился Вовка, – поедem к нему.

Дядя Ваня с сожалением развёл руки.

– Был у него недавно в гостях, как

проехать знаю, но адрес не запомнил.

– Хорошо, дядя Ваня, рассказывай, как к нему проехать.

– Сейчас, – дядя Ваня собрался с мыслями, – значит так, на трамвае до Золотой горки, а там идёте вдоль забора. Как только пройдёте этот забор, увидите его улицу, свернёте налево и тут уже совсем рядом его дом.

– А дом-то хоть, какой из себя?

– Не помню, но в палисаднике много смородины растёт.

– Что ж, спасибо и на этом.

Мы уже стали сомневаться, а стоит ли ехать куда-то. По такой наводке в Новосибирске найти человека почти безнадежное дело. И тут дядя Ваня неожиданно прозрел:

– Да, ребята, я вспомнил. Улица называется не совсем обычно, то ли Светлейшая, то ли Необычайная, в общем, название какое-то светлое.

Мы рассмеялись

– Хорошо, поедem, поищем.

И поехали. Вышли на остановке, долго шли вдоль забора, прошли несколько улиц с самыми обычными рядовыми

названиями, вроде Рабочей, Трудовой и т.п. И вдруг – Лучезарная!

Через минуту нашли и дом, хотя в палисадниках всех окрестных домов росло много смородины. Тут уж помогла старая народная мудрость: «Язык до Киева доведёт».

* * *

Толик с Любой (его первая жена) начали жить по-человечески. дела у них пошли на лад, поскольку жена оказалась не только красавицей, но и прекрасной хозяйкой. Однако через какое-то время что-то у них пошло не так. Почему их не стал брать мир, я не знаю. В конце концов, они решили развестись.

Выйдя из здания суда, Толик сказал:

– Ну что, бывшая жена, есть повод обмыть это дело.

– А почему бы и нет.

Они сходили в ресторан, поели, попили... и остались вместе. Они вновь зарегистрировали брак и некоторое время ещё жили вместе. Но треснутый сосуд влагу держит плохо. И снова у них начались ссоры, склоки. Толик стал уходить, вернее,

уезжать от жены. И всякий раз увозил телевизор и платяной шкаф. Поскольку это совершалось не один раз, постольку телевизор, в конце концов, перестал показывать, а у шкафа отвалились дверцы. В итоге Толик оказался без телевизора, без шкафа, без жены, а главное, без дочери.

* * *

Толик с тётёй Тоней собрались в город Новосибирск и заехали к нам переночевать, чтобы рано утром успеть на электричку. Мы тогда жили в Чулыме. Прибыли они с последним автобусом довольно поздно. Все магазины уже не работали и достать спиртное можно было только в ресторане, который принимал гостей до самой полночи. Мы пытались отговорить Толика от идеи выпить за встречу, но из этого ничего не вышло. Пришлось идти с ним в ресторан. Выбор спиртного и там был не велик – водка «Охотничья» и всё. Купили её. Дома уже был накрыт стол. Толик на правах хозяина бутылки начал разливать водку по рюмкам.

– Маманя, тебе налить? – спросил он у матери.

– Так это у тебя красненькая? – отозвалась она.

– Конечно.

Он показал бутылку с закрасненным содержимым. Кстати, водка «Охотничья» по своему цвету вполне могла бы сойти за ту «красненькую», которую тётя Тоня имела ввиду – вино.

Сделав один глоток, тётя Тоня чуть не поперхнулась.

– Да что же это за пропасть такая? – отодвигая рюмку, выдохнула она. – Сколько же в ней градусов?

А Толик и сам не знал. Он с таким напитком встретился первый раз. Разглядев этикетку, он крикнул от неожиданности:

– Ого, сорок два градуса. Ты, маманя, такую не пей.

* * *

В молодости Толик нередко ругались с братом. Самое страшное ругательство у них «ноздропырый».

– Ты ноздропырый, – кричит Толик на Вовку.

– Сам ноздропырый.

Откуда они взяли это слово, не знаю.

Разойдутся бывало, шумят, пыль до потолка, а я смотрю на них, ничего не понимаю: и у того и у другого красивые носы, аккуратные ноздри. Чего им надо. Взгляну в зеркало на себя: вот уж ноздропырый так ноздропырый. И ничего, живу себе на земле, и если бы не они никогда не обратил внимания на свои ноздри.

**САНИН
ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ,**

мой двоюродный брат, сын *Саниных Антонины Павловны и Александра Ивановича*. Родился в 1949 году. Окончив среднюю школу пытался поступить в лётное училище, но по состоянию здоровья не прошёл. Поступил в какое-то новосибирское ПТУ, получил профессию монтажника-высотника. Работать по специальности не стал. Окончив курсы, стал механиком-рефрижераторщиком. Несколько лет мотался по Союзу, всё это

время беспробудно пьянствовал вместе с братом Анатолием.

Однако алкоголь не смог победить его порядочность, доброту, тягу к настоящей жизни. Встретив хорошую женщину, раз и навсегда отказался от спиртного, женился, работал, воспитывал приёмного сына.

Кстати, эта семейная история, начавшаяся очень благоприятно, завершилась сначала маленькой, а потом и большой трагедией. Владимир любил своего приёмного сына, как настоящий отец. Любую свободную минуту посвящал ему. Вместе они гуляли, ходили в кино, в магазин, в баню. Мальчишка тоже привязался к нему. Но, как и всякому нормальному мужику, ему хотелось иметь собственного ребёнка. Люба, его жена, почему-то упиралась, всячески отговаривалась. Может, она боялась, что Вовка возьмётся за старое, а может, просто не хотела возиться с маленьким ребёнком. И всё-таки она забеременела. Вовка об этом ещё ничего не знал, а если бы знал, то, скорее всего, жизнь пошла бы по другому руслу. Но, как говорится, история сослагательного наклонения не имеет. А

случилось то, что случилось. Люба тайком сделала аборт. Вовка узнал об этом и сразу же ушёл от неё. В это время он учился в одном из московских техникумов. На последней сессии познакомился с женщиной, женился и счастливо живёт с ней до сих пор в Приднестровской молдавской республике в городе Тирасполе.

* * *

Я в детстве был самым тощим ребёнком, даже в Армию уходил, имея вес 44 килограмма. По этому поводу Вовка как-то заметил:

– Я съем сухарь, и он у меня превращается в сало, Сашка ест сало, а сам, как сухарь.

* * *

Вокзал Новосибирск-главный. У входа на второй этаж сидит ряд старушек, торгующих цветами. Тёплый сентябрь, жаркий день, цветы практически никому не нужны. Бабушки пристают почти к каждому прохожему: им надо продать товар, уж больно он скоропортящийся.

Мы с Владимиром ждём электричку и,

не зная как убить время, гуляем по привокзальной площади. Подошли к цветочницам, и сразу же они атаковали Вовку, поскольку он выглядел более импозантным чем я, со всех сторон посыпались предложения.

– Молодой человек, – особенно настойчиво старалась всучить ему букет одна старушка, – возьми букет, посмотри, какой он красивый. Не дорого отдам.

Вовка мигом соорудил серьёзную, вроде даже заинтересованную, мину, взял букет в руки. Он повертел его, внимательно осмотрел со всех сторон:

– А зачем он мне?

– Как зачем? Можно девушке подарить.

– Ну, ладно бы зимой, – делая вид, что он не услышал цветочницу, – я бы хоть им валенки от снега обмёл.

* * *

Гена (*Ионин Геннадий Борисович*) был маленьким. И когда Вовка Санин приходил к нам, он с удовольствием водился с ним, забавлял его. Мама как-то сказала мне:

– Вот, смотри, как Вовка играет с ребёнком, а ты всё стараешься куда-то сбежать от него. Учись у брата.

Мне, конечно, было очень обидно слушать такие несправедливые слова. И эта обида жила во мне много и много лет. Вовка с удовольствием сидел с Геней 10-15 минут, а я водился с ним целыми днями. Я, конечно, понимал, что так надо, а вот взрослые, в том числе мама, не могли понять, что я тоже ребёнок

**САНИН
ИВАН
ИВАНОВИЧ,**

брат Санина Александра Ивановича, дядя Саниных Анатолия и Владимира Александровичей. Жил в Новосибирске, работал в Новосибирском институте животноводства редактором. Некоторое время я жил у него на квартире.

* * *

У меня не было ключа от квартиры, поэтому я заехал к нему на работу.

– Посиди немного, – мне надо срочно

одну работу сдать. Если хочешь посмотри, что профессора пишут.

Я от нечего дела взял какую-то рукопись и начал читать её. Автором этой рукописи была женщина профессор, речь шла о сердечной кости у крупного рогатого скота, описывались её анатомические особенности, раскрывалась её роль в жизни животного.

Мне статья понравилась, вернее, понравилось её содержание, но написана эта работа каким-то варварским языком.

– Дядя Ваня, но ведь это тарабарщина, так не пишут даже школьники.

– А я тебе что говорил. Хочешь, поправь её.

Я замялся, а он увидев мою нерешительность, настоял:

– Трудно поправить? Ну тогда, где надо, перепиши нормальным языком.

Статья была небольшая, всего пару страниц. Я и правда взял и переделал её, привёл в человеческий вид.

– Ну что сделал? – поинтересовался дядя Ваня, – дай-ка, посмотрю.

Он взял отредактированную мной статью, прочёл, похвалил:

– Отличная работа. А знаешь, не пойти бы тебе моим помощником. Работы уж больно много, я засыпаюсь.

– Можно, – согласился я.

– Тогда посиди немного, подожди, я схожу к директору, поговорю с ним.

Он вышел из кабинета и уже минут через пять вернулся весьма довольный.

– Всё вопрос решён. Завтра с документами ко мне.

– А какие документы нужны?

Он перечислил всё, в том числе и аттестат о среднем образовании.

– А у меня аттестата нет, у меня только свидетельство о восьмилетнем образовании и справка об окончании двух курсов медицинского училища.

– Без среднего образования не возьмут. Жаль, очень жаль.

Так мне и не довелось поработать помощником редактора Новосибирского научно-исследовательского института животноводства.

* * *

Дядя Ваня:

– Ребята, меня ночевать не ждите. Я сегодня буду у профессора Сидорова.

– А что у него юбилей?
– Какой чёрт юбилей. Ему книгу в печать сдавать, а она не отредактирована.

**САНИНА
ЮЛИЯ
ДМИТРИЕВНА,**
(в девичестве
Бранивщук), художник из
Тирасполя, столицы
Приднестровской
Молдавской Республики –
любезно согласилась
проиллюстрировать мою

поэму «Богатыри».

**САВЕЛЬЕВА
АЛЕКСАНДРА
ДМИТРИЕВНА,**
мой первый учитель.

* * *

Первых учителей
помнят и любят все, их
даже боготворят. Я,
например, был уверен, что Александра

Дмитриевна не ест, не пьёт, не ходит в туалет, настолько она чиста и свята. Откуда взялись её дети, о которых она иногда с умилением рассказывала нам, меня не интересовало. В то время я оценивал людей по их отношению к книгам.

Однажды на уроке Александра Дмитриевна упомянула о книге «Путешествия Гулливера». Я самодовольно усмехнулся: этого героя я уже знал, читал о лилипутах и великанах.

– Молодец, Саша, – сказала она, – но ведь есть и другие его путешествия. То, что ты читал, это не полная книга о приключениях Гулливера. А, кстати, если хочешь я принесу эту книгу о всех его приключениях.

Если бы кто знал, как я ждал эту книгу, и если бы кто знал, какое разочарование принесла мне она. Я пытался читать её, но что-нибудь понять из неё так и не смог. Лишь через много лет я узнал, что книга эта была писана не для детей и даже не для всех взрослых. Но спасибо Александре Дмитриевне, что она уже в мои детские годы поверила в моё будущее, указала мне путь в большую литературу.

САРАТОВ ПЁТР ПАВЛОВИЧ.

Семья Саратовых жила в *Серебрянке* через дорогу от нас. Это были уважаемые люди. Пётр Павлович работал механиком узла связи, жена – бухгалтером. Двое детей Люда и Юра были почти моими ровесниками, разве что чуть-чуть моложе, третья – Нина, правда, намного моложе. Жили они как все, работали, растили детей, водили скотину, копались в огороде. Но однажды в их дом пришла беда. Нежданно-негаданно умерла старшая дочь. Не успели отгоревать одно горе, умерла жена. Какое-то время (двое младших к тому времени уехали из дома, жили самостоятельно) Пётр Павлович пожил один. Но потом понял, что так жить нельзя, надо искать хозяйку в дом. Одиноких женщин в деревне живёт немало, но ни одна, к кому он обращался, согласия не дала.

Однажды мне позвонила мама. Мы

тогда с женой жили в Чулыме. Поговорили о том, о другом, а потом она сказала:

– Пётр Павлович Саратов предлагает мне жить вместе. Я согласие не дала, решила посоветоваться с вами. Если вы все не будете против, то мы с ним сойдёмся.

Что я мог сказать. Петра Павловича я знал, всегда уважал.

– А как остальные ребяташки?

– Они не против.

– Я тоже.

Так Пётр Павлович стал моим отчимом, о чём никто из нашей семьи ни на одну минуту не пожалел. Одна беда бог не дал ему пожить долго. Мама говорила:

– Я за ним только счастье и видела.

Мы тоже видели, как они любили, как жалели друг друга, так не всякие молодые могут.

* * *

Когда Пётр Павлович узнавал о смерти какого-нибудь ровесника или однополчанина, он всегда горько переживал эту трагедию, а сам говорил:

– Снаряды рвутся всё ближе и ближе.

Свирина Евгения Анатольевна – см.
СЫЧЁВА ЕВГЕНИЯ АНАТОЛЬЕВНА

СЕРЕБРЯНКА – село в Чулымском районе Новосибирской области, место моего рождения. В начале 50-х годов – это была «глубинка», куда добраться проще всего было пешком, но лучше всё-таки на конной повозке, поскольку расстояние до районного центра, города Чулыма, не много не мало, а около сорока километров. Жители села, мои земляки, были организованы в колхоз имени Хрущёва, занимались земледелием – выращивали хлеб – и животноводством – производили молоко и мясо. Молоко перерабатывали на месте – работал маслозавод, скот отправляли за пределы селения.

Рядом с нашим домом стояли колхозные склады (амбары), возле которых мы нередко играли в войну. А ещё неподалёку стояло двухэтажное здание, некогда бывшая церковь. Я помню его как глубинку, в которой хранили зерно. Рядом с ним стояли веялки, зернопульт и ещё какая-то техника. Я глядел в окно и говорил бабушке (*Бунеева Анисья Сергеевна*):

– Бабушка, а у сушилки дуло.
– Дура, дура, – соглашалась бабушка.
– Да нет же, бабушка, не дула (как и большинство малышей, я не выговаривал букву «р»), а дуло, ствол такой.

Тут бабушка делала вид, что наконец-то поняла меня и добродушно соглашалась.

Чуть позже «голубинку» ликвидировали и превратили в клуб, где киномехаником стал работать дядя Володя (*Бунеев Владимир Павлович*). Этот момент был очень приятным явлением, потому что мы с братом (*Степанов Павел Владимирович*) получили возможность ходить в кино бесплатно. На втором этаже устроили интернат, где жили ребяташки из соседних деревень. В интернате работала мама (*Степанова Нина Павловна*).

Вскоре в статусе села произошли большие перемены. Колхоз имени Хрущёва ликвидировали, а Серебрянка стала центральной усадьбой совхоза «Суминский». Жителей старой центральной усадьбы переселили в Серебрянку, и население её сразу же увеличилось чуть ли не наполовину. В деревне появились новые

хозяйственные объекты: почта, столовая («чайная»), ремонтные мастерские, строительная часть. Особенно радовала нас, ребяташек, чайная, в которой можно было за одну копейку купить стакан сладкого чая. Хлеб выдавали бесплатно.

А когда я пошёл в первый класс, у нас появилось электричество. Свет давали до 12 часов, но качественно жизнь наша поменялась. Мы уже начали мечтать о том, что Серебрянка разрастётся, соединится с Кузьминкой, до нас проложат железную дорогу, пустят электричку. А может быть, геологи найдут нефть...

Кстати, про нефть – это не наша фантазия. Однажды Колька Ковалёв (Гричулин) принёс в школу странную фотографию. На ней было всего два цвета, верхняя половина серая, нижняя – чёрная. Он ходил по школе и показывал всем желающим.

– Что это? – спрашивал он.

Никто не знал. И тогда он торжественно вещал:

– Нефть (у него получалось нэфть). В Кузьминке нашли.

В Серебрянке я жил и учился в

школе до восьмого класса, после чего началась полоса моих непрерывных скитаний по всему Советскому Союзу. Вернулся туда уже с семьёй в 1986 году, как главный зоотехник совхоза «Суминский».

На снимке: Бунеев В.П. (слева) и Бирюля Вл. А. на фоне клуба и школы, в которую я пошёл в первый класс. Фото сделано гораздо позднее этого. С клуба уже снят второй этаж, где до этого размещался школьный интернат, и где мама работала воспитателем

СЕРЕБРЯНСКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА

Попов Николай Андреевич –
директор школы.

* * *

Рассказывали, ещё маленьким залез во флягу головой вниз, а выбраться не мог, кричал до посинения. Хорошо, кто-то из взрослых проходил мимо, так спас его.

* * *

Тянул со школы всё, что можно. Показалось мало, решил заняться бизнесом. На себя регистрировать магазин было нельзя, записал его на жену. Но жена не знала как в этот магазин двери открываются, сам на школьной машине гонял в Новосибирск за товаром, сам делал отчёты в налоговую, сам нанимал и увольнял продавцов, сам закупал продукты для школьной столовой и интерната.

В это время я тоже вёл торговлю. За товаром ездил на оптовый рынок «Левобережный» в Новосибирск. Однажды подъехал к киоску, в котором всегда покупал сахар и увидел, что от него прямо

передо мной отъехал Попов.

Говорю продавцам:

– Земляка обслужили, теперь моя очередь.

– Так этот мужичок твой земляк?

– Да, он директор школы и одновременно ведёт бизнес.

– Директор школы? – удивились они.

– А что не похож?

Они рассмеялись:

– Мы его спросили, как тебя зовут? А он сказал, Коля. – И они снова расхохотались, – директор Коля.

* * *

Дочь училась на одни пятёрки, вру, по какому-то предмету выходила четвёрка. По всем условиям ей полагалась серебряная медаль. И вдруг совершенно непонятно почему ей ставят ещё одну четвёрку по физике, хотя в трёх четвертях у неё была твёрдая пятёрка. Обратился к учителю, тот отослал к директору. Обратился к директору, тот не мычит, не телится. Поехали с женой к заведующей роно. Она успокоила нас и назавтра сама приехала в Серебрянку. Посмотрела Женины оценки и

сказала:

– Не понимаю тебя, Николай Андреевич, тебе бы радоваться надо, что в школе медалист есть. Это ведь не только её заслуга, но твоя, как руководителя.

Пришлось ему подчиняться и то с великой неохотой. А всё потому, что я был не просто человек, а его конкурент.

Краснощёкова Раиса Ивановна – моя учительница по географии и классный руководитель в Серебрянской средней школе.

* * *

– Нина Павловна, – это она моей матери (*Степанова Нина Павловна*), – мне никакой календарь не нужен. Я и без него точно знаю, когда наступает какой-нибудь религиозный праздник.

Маме, конечно, интересно узнать, как она определяет праздничный день, потому слушает внимательно.

– Просыпаюсь утром и чувствую, что мне хочется поработать: постирать, например, побелить, пол помыть, ещё что-нибудь. Вот вчера не хотела, а сегодня

тянет. Это верный признак, что сегодня день, когда работать нельзя – какой-нибудь крупный религиозный праздник. Это уж точно, какой-нибудь чёрт рядом проживает и в праздник под бок толкает меня: «Согреши, согреши».

– Как же вы выходите из такого положения?

– Просто, чувствую, что тянет поработать, звоню кому-нибудь. Наши люди точно знают, когда можно работать, а когда нет.

Хижняк Леонид Васильевич – директор школы, мой учитель русского языка. На самом первом уроке литературы он задал выучить наизусть стихотворение Пушкина «Зимнее утро». Я привык учить, поэтому выучил и на следующем уроке поднял руку, готовый отвечать. Стихотворение рассказал бойко и получил четвёрку. Я спросил:

– А почему четвёрку? Я ведь правильно рассказал.

– Правильно, но без выражения.

И он прочитал так, как читают артисты. И я понял свою ошибку. С той

поры не торопился и получал заслуженные пятёрки по литературе.

Тихонов Геннадий Павлович – завхоз.
Деревенская кличка – Пушкин, брат –
Лермонтов, сестра – Крупская.

* * *

Рассказывал дядя Володя (*Бунеев Владимир Павлович*):

Купили мужики водки, а на закуску денег не хватило. Кто-то предложил: «Пойдём к Геннадию Павловичу».

Слово – дело. Геннадий Павлович приходу гостей обрадовался:

– Заходите, мужики, не стесняйтесь, – и уже жене, – Шура, видишь, гости у нас, жарь скорее яешню.

Та засмущалось и тихонько мужу на ухо:

– Гена, у нас дома ни одного яйца нет.

Но хозяина этим не прошибёшь. Громко во весь рот, чтобы слышали мужики, рявкнул:

– Жарь картоху, а то, как всегда, провозишься с этой яешней.

* * *

Геннадий Павлович работал в школе завхозом, а бухгалтером в то время был Куцепалов Михаил Сергеевич. Оба любители выпить, особенно за чужой счёт. Мало-помалу их интересы совпали с их возможностями. Один забирал со склада белила, продавал их страждущим старушкам кому за деньги, кому за бутылку. Другой аккуратно и умело списывал с учёта и прятал таким образом концы в воду. Весь полученный мошенническим путём доход пропивался или выпивался.

Так продолжалось не одну неделю. В конце концов даже директор школы заинтересовался: на какие же деньги пируют эти ребята. Как-то он зашёл в кабинет бухгалтера, сел напротив него и стал копаться в документах. Михаил Сергеевич ничуть не испугался этой внезапной проверки и не расстроился, потому что у него на списание каждой банки был документ. Благо, получатели краски – школьные технички – не пересчитывали количество краски на килограммы, а считали банками. Да и директор, далёкий от бухгалтерского учёта,

тоже ни чего подозрительного не обнаружил. Он уже собирался уходить, как произошло то, что произошло. В ту самую минуту, когда директор начал вставать со стула, открылась дверь...

А надо сказать, что кабинет бухгалтера был очень маленьким, в нём с трудом могли поместиться два человека, да к тому же дверь открывалась вовнутрь таким образом, что скрывала за собой второго человека, сидящего напротив бухгалтера. В данном случае, когда Геннадий Павлович открыл дверь, он скрыл за ней от своего взора директора.

Не заходя в кабинет, страждущий и трясущийся с похмелья завхоз рывкнул во всю ширины глотки:

– Сергеич, что сегодня пропить будем? Белила закончились, осталась голубая да половая краска...

Так бесславно завершилась служебная карьера этих двух «замечательных» людей.

* * *

Дочка вышла замуж и уехала жить в Молдавию. Через некоторое время

приходит телеграмма: «Поздравляем внучкой, целуем, ждём в гости». Родня порадовалась, обмыла внучку и порешила отправить кого-нибудь к молодым, поскольку поездка для всех обошлась бы очень дорого.

После недолгих споров ходоком назначили Геннадия Павловича, как человека лёгкого на подъём и умудрённого житейским опытом. Уехал он с лёгким сердцем, гостил там десять дней и наконец вернулся к заждавшейся семье. От остановки его вели как героя, а дома приступили к расспросам.

– Как добрался, Геннадий Павлович?

– Нормально, спал всю дорогу.

– А как встретили?

– Знатно.

– А как живут молодые?

– Живут хорошо. Вино на каждом углу продают и стоит копейки.

– Да что ты про это вино, – толкнула в бок жена, – ты лучше про внучку расскажи.

– А что про внучку, – искренне удивился он. – Я её даже и не видел.

Чернятина Наталья Николаевна – директор школы, мой учитель биологии, соседка.

* * *

Весна. В деревне суета сует. Горожанам даже представить трудно, сколько забот и хлопот ложится в это время года на деревенскую женщину.

Наталья Николаевна волей судеб была заброшена из Подмосковья в сибирскую глубинку. Дома она жила и порхала, как бабочка, а здесь пришлось превратиться в обычную русскую бабу. Мало того, что она здесь обзавелась мужем – мужиком, так ещё и успела отложить кладку в виде двух малышей крепышей. Вся беда для неё определялась тем, что в магазинах наших не продавали ни лук, ни картошку, ни морковь со свёклою. То, что в Подмосковье она привыкла покупать в магазине, здесь надо было вырастить в огороде.

Мама всегда соперевживала ей и всячески старалась помочь. Однажды она выглянула в окно: Наталья Николаевна сажит лук. Перед тем как воткнуть луковицу в землю она что-то отмеряла линейкой,

морщила лоб, словно решая трудную арифметическую задачу. Мама не устояла и побежала к соседке на выручку. Через некоторое время она вернулась.

– Нет, – сказала она, – таким людям в деревне жить нельзя. Вычитала в книжке, что луковицы надо сажать в землю на расстоянии 15 сантиметров друг от друга, вот и мерит это расстояние линейкой. Так же будет сажать картошку, огурцы, помидоры.

* * *

Свекровка подарила Наталье Николаевне корову.

– У тебя, Наташа, муж, детишки, бери коровку, вам она нужнее, а мне всё равно помирать скоро. Ухаживайте только, а она на молоко не жадная. Всем хватит.

Всё бы ничего, но Наталья Николаевна никогда не доила коров и не видела, как это делается. На помощь, как всегда, позвали маму. Та тут же выложила все секреты обращения с животным, на практике показала технику доения. Корова оказалась смирной и пусть не с первого раза, а со второго-третьего новоявленная хозяйка

получать молоко научилась. Казалось бы всё встало на свои места, однако не всё просто. Научиться доить не сложно, но вот доить регулярно два раза в день, несмотря на то, что тебе не хочется, что ты не выспался, что ты заболел, что тебе не хочется молока, гораздо сложнее. Вот этому Наталья Николаевна так и научилась, не освоила сельскую премудрость, которая заключается в том, что надо в первую очередь накормить скотину, а уж потом самому садиться за стол.

Как-то она пришла к нам:

– Что это за корова такая у меня. Два дня не доила, а сегодня пошла, думала, она молоком зальёт. Я даже флягу приготовила. Села доить, а там молока с гулькин нос. То ли кто из соседей выдоил? Как вы думаете, может такое быть?

Мама только руками развела, а вечером пошла к ним и посоветовала, пока не случилось беды, продать корову. Муж Натальи Николаевны внимательно выслушал маму и наутро свёл корову со двора. А хозяйка стала ходить за молоком с баночкой по соседям.

* * *

Городской человек при известных обстоятельствах может превратиться в деревенского, главное из этих обстоятельств – желание. У Натальи Николаевны желания превратиться в деревенскую бабу не было, хотя все в округе пытались наставить её на путь истинный. Многочисленная родня мужа подарила ей кур. Муж устроил насесты, оборудовал гнёзда, осталось только ходить, собирать яйца и готовить мужу глазунью, а детям омлет. Но и куры для Натальи Николаевны оказались обузой. Да что там куры, в какой-то период она перестала собирать яйца, потому же принципу: пойду потом и сразу соберу целый короб свежих яиц.

Не ходила в курятник она давно, что там творилось, тоже не знала. Однажды соседские ребяташки играли у неё во дворе и решили грабануть этот курятник. Они забрались в него и стали обшаривать гнёзда. К немалому удивлению, почти все гнёзда оказались пустыми. Но зато в одном сидело множество жёлтеньких маленьких цыплят. Ребяташки недолго думая побежали к

хозяйке.

– Наталья Николаевна, – закричали радостно они, – мы хотели у вас яйца украсть, но не нашли их, зато нашли цыплят маленьких. Тут уже и хозяйка не выдержала, пошла в курятник и к своему удивлению обнаружила нечаянную прибыль. Что ей оставалось сделать? Правильно, поблагодарить ребятишек за такую находку.

* * *

Женщины-соседки пошли по ягоды. Так и поныне называется в нашей деревне поход за клубникой. Взяли они с собой и Наталью Николаевну. Та посопротивлялась, но, в конце концов, собралась. День выдался жаркий, в Сибири июль – вершина лета. Именно в это время стоит неимоверная жара, созревает клубника и свирепствует гнус: комары, слепни, мошка. Нелёгкое дело собирать ягоду даже для местных жителей, которые с детства приучены к такой адской работе. Где уж городской изнеженной даме справиться с ней.

Женщины пришли на поляну и стали заниматься привычным делом. Наталья

Николаевна тоже принялась рвать ягоду с энтузиазмом, но уже через несколько минут выдохлась. Нелегко непривычной к физическому труду женщине работать в наклон, одной рукой держать ведро, другой собирать клубнику, ей же отбиваться от комаров и слепней. Сколько времени продолжались эти мучения, не знаю. Но на другой день она пришла к нам и рассказала маме, как она варила варенье.

– И сколько же у вас варенья получилось.

– Целый литр, – с гордостью сказала она. – Как вы думаете, Нина Павловна, это же хорошо?

– Конечно, Наталья Николаевна, для первого раза хорошо.

* * *

Однажды она предложила шестому классу, в котором учился и я, подготовить реферат, а если хотите, то просто написать сочинение на тему «Эволюция животных и растений». Я добросовестно отсидел над ним и что-то, по-моему, путное подготовил. А тут как раз в гости зашла сама Наталья Николаевна. Она часто приходила

по-соседски к маме, чтобы получить какой-нибудь совет по домоводству, а то просто скоротать время и немного посплетничать. И тут со своим рефератом на её глаза попался я.

– Уже написал? – поинтересовалась она.

– Написал.

– Молодец, дай-ка прочту.

Она пробежала глазами по строчкам, ещё раз похвалила, но в то же время отметила, что реферату не хватает эпиграфа.

– Да где же его взять?

– Я тебе подскажу, записывай.

И она продиктовала удивительные строки:

И меж растений царствует война.
Деревья, травы – вверх растут задорно,
За свет и воздух борются упорно,
И корни их, в земле неся свой труд,
За почву и за влажность спор ведут.

– А кто это написал? – поинтересовался я.

– Вот беда, не помню, – со вздохом

ответила она, – ладно, оставь без подписи. Может быть, вспомню позже.

Увы, не вспомнила. Забыла она, скорее всего, и о моём реферате, но я не забыл. На протяжении долгих лет меня мучил этот вопрос. Ни в училище, ни в институте я не нашёл на него ответ. И только через сорок лет, когда у меня появился компьютер с интернетом, нашёл то, что искал. Оказывается эти строки из книги Эразма Дарвина «Храм природы» – удивительного человека своего времени. кстати, деда Чарльза Дарвина.

* * *

Пришла в гости:

– Кто-то туфлю у меня спёр. Полдня искала не нашла.

Назавтра:

– Нашла туфлю. Стала пол подметать, а она в мусоре лежит.

СЕРЕБРЯНСКАЯ УЧАСТКОВАЯ БОЛЬНИЦА

Фещенко Галина Ивановна –
фельдшер.

Белогубова Нина – кастелянша. Страдала варикозным расширением вен, поэтому даже бельё гладить могла только сидя. Как-то пришла и сказала:

– Мне пообещали операцию сделать, так что не теряйте.

Прошёл месяц после операции. Она пришла с заявлением об увольнении.

– Тяжело работать? – спрашиваю её.

– Нет, теперь хорошо, но я подумала, что я буду за эти копейки работать, пойду-ка я на ферму.

Борнеман Любовь Дмитриевна – медсестра.

Гутникова Ольга Иосифовна – фельдшер. После закрытия больницы осталась заведующей Серебрянским фельдшерско-акушерским пунктом – единственным фельдшером в Серебрянке.

Дышина Луиза Эдуардовна – фельдшер. В её распоряжении был кабинет физиотерапии. Управившись со своими аппаратами и пациентами приходила ко мне и предлагала помощь, попросту

спрашивала:

– А не надо ли что сделать?

У меня всегда была неотложная работа, подсовывал ей истории болезни, которые до смерти не любил и не хотел заполнять. Она забирала их и через некоторое время заполненные возвращала. Мне оставалось только поставить под ними подписи.

Здобникова Александра – повар. Жизнерадостная и говорливая женщина. С её сыном Анатолием семь лет учился в одном классе. Больные звали её тётёй Шурой и любили, когда была её смена.

– Хорошо приготовлено, – говорила она, раздавая больным пищу, – вкусно поели.

Ерфилова Анастасия (тётя Тася) – санитарка, работала в больнице с момента открытия стационара. Добросовестная, говорливая, любила пожаловаться на собственные болячки.

– Вчера голова разболелась, – рассказывала как-то она, – померила температуру, а у меня 39 градусников.

Иванова Александра Николаевна –
медсестра.

Карасёва Екатерина Ивановна –
уборщица, мать *Иониной Светланы Александровны*.

Лелюх Анна Прокопьевна –
санитарка

Маслова Елизавета Николаевна –
санитарка

Орлова Мария Александровна –
санитарка

Петрусенко Людмила Николаевна –
повар.

Писарева Светлана Юрьевна –
медсестра, массажистка.

Прищепова Анна Никитична –
санитарка амбулатории, регистратор.

Селезнёва Таисия Ильинична –

акушерка, одно время была заведующей больницей. Приехала в Серебрянку, когда мне было лет 5-6, помню, как взрослые обсуждали вновь прибывшего медика, её вид, поведение, умение работать. Понятно, для деревенских женщин и даже, если хотите, баб, видеть нечто подобное доводилось только в кино и то не во всяком. Таисия Ильинична была необычайно красивая, многие люди и мы, пацаны, ходили специально в медпункт, чтобы посмотреть на неё.

Салова Тамара Романовна – санитарный фельдшер.

Терещенко Татьяна Антоновна – акушерка по образованию. За какие-то грехи её сняли с должности, но из больницы она не ушла, стала работать прачкой. Лишь через несколько лет после открытия вакансии её восстановили на прежней работе.

Недавно пришло известие, что она умерла от коронавирусной инфекции, находясь на своём посту – заведующей фельдшерским пунктом с. Серебрянки.

Фещенко Надежда Ивановна – медсестра. Когда я пришёл работать в больницу, выяснилось, что мы с ней учились вместе в девятом классе Чулымской школы № 7. Она это помнила, а я забыл, потому что отучился с ними всего несколько недель.

Шилова Надежда Лаврентьевна – медсестра.

Эрентраут Светлана Владимировна – лаборант.

Якубовская Людмила – повар. Девичья фамилия её, по-моему, Шмидт. Когда в годы перестройки, российские немцы засобирались на историческую родину, она сделала всё, чтобы увезти в Германию свою семью. Не знаю, как им живётся на неметчине, но приехав однажды в деревню, они навестили и нас. По их рассказам, они вписались в немецкую жизнь, все своим житьём-бытиём довольны.

**СИДОРЕНКО
ИГОРЬ
ГРИГОРЬЕВИЧ,**

хирург Куйбышевской
районной больницы
Новосибирской области,
мой учитель по
специальности
«Хирургия».

* * *

Хирургия изучалась на втором курсе. Игорь Григорьевич был первым хирургом, с которым мне довелось познакомиться, благодаря тому, что он стал нашим учителем.

На первом же занятии он поработил своей простотой, умением общаться с молодёжью. Понравился он всем сразу же и без исключения, начав первый урок примерно так: «Вы, наверное, думаете, что хирурги способны только резать людей и что это доставляет им немалое удовольствие. Не верьте никому, если бы была возможность лечить больных без скальпеля, мы, хирурги, с удовольствием бы отказались от своей профессии. Но,

увы!» Дальше, больше, пошёл разговор о старине, старых методах лечения, о предрассудках и тому подобном.

– Хотя, – сказал Игорь Григорьевич, – не все методы народной медицины являются предрассудками. Кое-что можно было бы перенять и нам, современным врачам. А у кого-нибудь из вас есть на руках бородавки? – неожиданно спросил он.

Поднялись несколько рук.

– Хотите, я избавлю вас от них прямо в аудитории.

– А как? Резать будете?

– Нет, я вам просто заговорю их.

Вся аудитория засмеялась, приняв его слова за шутку.

– Я не шучу, – серьёзно сказал он. – Подходите ко мне по одному.

Девчонки подходили по одной, протягивали поражённые бородавками руки, Игорь Григорьевич водил над ними пальцами и что-то шептал. Весь сеанс исцеления занял несколько минут.

Прошло недели две, мы уже стали забывать об этом эксперименте и, может быть, совсем забыли бы, если бы не случилось чудо: у всех леченых бородавки

стали засыхать и отваливаться, не оставляя после себя никакого следа.

Тут уже у нас кровь взбунтовалась. На очередном занятии пристали к Игорю Григорьевичу. Так, мол, и так, раскрывайте свой секрет, на шуга, мол, ваша хирургия, мы можем и народными средствами лечить.

– Хорошо, – согласился с нами Игорь Григорьевич, – записывайте заговор.

Мы обрадовались, схватили ручки, открыли тетради, одним словом, приготвились.

– Итак, – приняв важный вид, изрёк Игорь Григорьевич, – первым делом, вы должны пересчитать бородавки: один, два, три, четыре и так далее, а потом пересчитать их в обратном порядке: четыре, три, два, один. А потом, если захотите, можете про себя спеть полонез Огинского, а можете прочитать стихотворение Пушкина. Главное, чтобы больной поверил, что вы истинный целитель. И всё будет в порядке. Вы думаете, что этот сеанс психотерапии не касается хирургии, не верьте. Медицина без внушения шарлатанство, так же, как внушение без медицины.

* * *

Сергей Малахов (*Малахов Сергей Мстиславович*) притащил откуда-то книгу Ивана Ефремова «Лезвие бритвы». В то время эта книга считалась настоящим бестселлером, сыскать её просто так было практически невозможно. В библиотеке на неё записывались в длинную очередь, но и это не давало стопроцентную возможность получить её в обозримом будущем. Сергей проглотил её в одно мгновение и дал мне с условием, что прочту её за два дня. Я пообещал. В первый день я одолел половину довольно-таки толстой книги, во второй день взял её с собой на занятия. На хирургии тихонечко открыл её на нужной странице и углубился в чтение настолько, что не заметил как ко мне тоже тихонечко подошёл Игорь Григорьевич.

– Надеюсь, ты читаешь учебник? – ехидненько спросил он меня, а сам уже протянул руку и аккуратно изъясил у меня книгу.

– Ого, – удивился он, – богато живёшь, «Лезвие бритвы» читаешь. Он отошёл к своему столу, бережно положил на него книгу и сказал мне:

– Верну, когда прочитаю.

– Игорь Григорьевич, – заверещал я, – это не моя книга, я должен её завтра вернуть. С меня голову сорвут.

– Не бойся, я пришью. У меня сегодня ночное дежурство, я постараюсь её прочесть и завтра вернуть тебе.

Я, конечно, не поверил, а зря, на другой день книга была у меня, я тоже успел прочитать и вовремя вернуть её хозяину.

СОВХОЗ «СУМИНСКИЙ»

Бирюля Светлана Ивановна – вначале мастер стройчасти, позже – прораб.

Вагнер Фёдор Фёдорович – прораб.

Десятниченко Михаил Михайлович – главный инженер.

Кондратьев Михаил Сидорович – директор совхоза

Мейснер Антонина Андреевна – главный бухгалтер

Мейснер Софья Андреевна – главный
ЭКОНОМИСТ

Бардакова Таисия Иосифовна –
ЗООТЕХНИК

Лаврентьев Анатолий Яковлевич – инженер по технике безопасности. О том, что он – Лаврентьев, знали не все, а вот то, что он «академик» знала вся деревня. А прозвище своё он получил за способность ответить на любой вопрос. Даже, если ничего в этом не понимал, всё равно мнение своё высказывал. Конечно сыграло роль и то, что в однофамильцах у него был сам академик Лаврентьев.

* * *

Была у него одна замечательная способность правдой-неправдой добывать какие-то дефицитные вещи, необходимые для производства, а поэтому совхозное руководство частенько отправляло его на переговоры с шефами или с организациями, в которых был заинтересован совхоз.

Однажды ему поручили увезти флягу мёда в какую-то новосибирскую

организацию в виде презента за оказанную услугу. Анатолий закинул флягу в кузов машины, сам сел рядом с шофёром, и помчали они в город на всех парусах.

Выехали рано, в город тоже примчали рано, контора, куда надо было отдать мёд, ещё не приступала к работе.

– Яковлевич, – сказал шофёр, – ты посиди здесь, посторожи флягу, а я поеду загрузюсь и сразу сюда. К тому времени уже контора откроется.

– Правильно, – одобрил Лаврентьев.

Они сняли флягу, поставили под забор, шофёр уехал, а он уселся на флягу и стал ждать. Минут через двадцать машина вернулась. Шофёр открыл дверцу и крикнул:

– Яковлевич, поехали.

Тот спрыгнул с фляги, забрался в кабину, машина фыркнула и помчала их в родную деревню. Отъехали довольно далеко. И вдруг Лаврентьев вспомнил:

– А флягу мы загрузили?

– По-моему, нет.

– Тормози!

В кузове фляги не было.

– Вертай назад.

Вернулись.

– Вот здесь она стояла. Что за люди.
На пять минут оставил и уже спёрли.

Писарев Анатолий Николаевич –
главный агроном.

* * *

Проходил мимо совхозной конторы.
Возле неё стояли механизаторы,
собравшиеся на работу. Они ждали
транспорт и о чём-то горячо спорили.
Подошёл к ним. Оказывается они
обсуждали «насущенный вопрос»: как
называется трава, которую держал в руках
один механизатор.

– Это белена, – говорил он им.

– А ты откуда знаешь?

– Мне Писарев сказал. Он в растениях
волокет.

– А ну покажи, – попросил я.

– Смотри, – он протянул мне веточку.

– Какая же это белена! Писарев
смотрел или нет?

– Он и сказал это.

– Ладно, подождите.

Я не поленился, сходил в огород, там
у меня рос кустик белены, который я

оставил для гербария, и отнёс мужикам. Такие растения надо знать всем.

* * *

Маленький Толя жил в интернате. Каждую субботу их увозили домой, а в понедельник привозили назад. Вместе с учениками прибывали в интернат всякие вкусняшки, которыми снабжали свои чада родители. Обычно ребяташки делились своими приобретениями и вечером после выполнения домашних заданий перекусывали тем, что привезли из дома. Толя почему-то участвовать в этом пиршестве не стал.

Ночью кто-то из ребяташек проснулся и услышал чавканье. Оно исходило из угла, где должен спать Толя. Мальчишка толкнул соседа:

– Смотри Писарь жрёт что-то. С головой укрылся, чтобы никто не догадался. Давай посмотрим.

– Давай.

Они потихоньку подошли к кровати и резко откинули одеяло. На белой простыне лежал Писарь, держа в руках зажаренного гуся, пол бока он уже успел выгрызть.

– Писарь, – закричали пацаны, а ты бы наверное всего гуся съел? Через минуты он уже сидел в окружении всех мальчишек, которые смеялись над ним и показывали на него пальцем.

Сочивка Лидия Андреевна –
председатель рабочего комитета

**СМОЛЬЯНИНОВ
АЛЕКСАНДР
ПЕТРОВИЧ,**

жил в Волгодонске, уроженец города Новосибирска. После окончания института торговли приехал в Ростовскую область, некоторое время работал в торговых предприятиях города. С началом перестройки организовал собственную сеть магазинов, предприятий переработки продуктов, складского хозяйства «Артемиды-Дон».

Довольно известная личность в городе, был депутатом городского

законодательного собрания нескольких созывов. В течение нескольких лет я работал в строительной бригаде «Артемиды», которая строила новые магазины, склады и реконструировала старые.

Артемиды

Интересный домик с вида
и внутри прелестный.
Перед вами «Артемиды» –
магазин чудесный.

Здесь по-доброму встречают
бедных и богатых.
На прилавках всё – от чая
и до сервелатов.

Покупайте, дети, фрукты,
бабушки – паштеты.
Дамы, сладкие продукты
вам со всего света.

И для ваших кавалеров
магазин – находка:
пиво есть, коньяк, мадера
и бутылки с водкой.

Покупайте, все товары
отдадим со скидкой,
а ещё – берите даром
добрые улыбки.

Позабудьте все обиды,
давние потери,
приходите, в «Артемиду»
вам открыты двери.

* * *

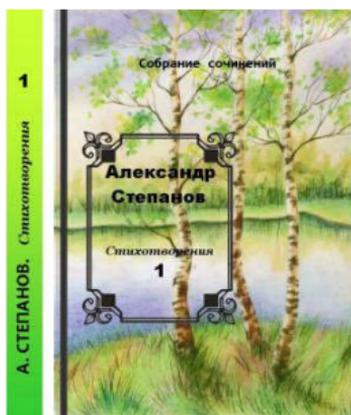
Все знали, что магазины «Артемиды» принадлежат Смольянинову. И я это знал. А однажды заехал в магазин, что-то купил и на чеке прочёл «Артемиды-Обь». С чего бы это? Спросил у работяг – не знают. Дождался прораба, и он объяснил, что у самого Смольянинова магазины «Артемиды-Дон», а у его жены «Артемиды-Обь». Вообще-то должно было бы быть наоборот: он с Оби, а она дончанка.

* * *

Он уже знал, что я из Новосибирска. Как-то пришло мне в голову попросить у него денег на книжку. Объяснил ситуацию,

он внимательно выслушал и сказал:

– Я понимаю тебя, но и ты меня пойми. Видишь какой кризис вокруг, торговля не идёт, машины ломаются, стройматериалы подорожали, нет свободных денег. Что ж, у богатых свои тараканы.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Когда мы с братом (Степанов Павел Владимирович) были ещё маленькими и только только начинали писать стихи, мы уже тогда

мечтали о собственном собрании сочинений. Мы брали ученические тетради, записывали в них какие-то свои вирши, а на обложке ставили ПСС Степанова Павла или Александра. Первое собрание сочинений было издано мной в 2015 году в четырёх томах. Следующее собрание сочинений начинало печататься в том же 2015 году. На сегодняшний день опубликовано десять томов в двадцати книгах. В первые два

тома включены стихотворения, в третий – поэмы и стихотворные сказки, в четвёртый – стихи для детей, рассказы, сказки и повести для детей, сказочные повести «Приключения Кота Васьки, его Хозяйки и их друзей» в четырёх частях, в пятый том – стихотворный сборник «Паноптикум», в шестой том – проза, в седьмой – дневники с 1986 по 2020 год, в девятый – справочник «Лекарства вокруг нас. Лекарственные растения Нижнего Дона», в десятый – стихотворения.

**СТЕПАНОВА
НИНА
ПАВЛОВНА**

(урождённая Бунеева) четвёртая дочь *Бунеевых Павла Васильевича* и *Анисьи Сергеевны*, моя мама. Родилась она в селе Покровка Чулымского района Новосибирской области в 1928 году. Окончив семь классов, пошла работать в школу учителем. Как она говорила, в её классе были ученики старше её. Одновременно поступила в

Куйбышевское педагогическое училище на заочное отделение. Окончив его, она поступила в Куйбышевский педагогический институт. Однако из-за нас с братом окончить его не удалось. В Серебрянской школе работала вначале учителем, а затем долгое время воспитателем в интернате для приезжих из отдалённых деревень учеников. В последние годы была заведующей детского комбината (ясли-сад) совхоза «Суминский». С моим отцом она жила недолго, едва родился я, отца забрали в армию, и оттуда он уже в семью не вернулся. От второго брака с *Иониным Борисом Григорьевичем* у неё родились два сына: *Геннадий (Ионин Геннадий Борисович)* и *Евгений (Ионин Евгений Борисович)*.

* * *

Мама тоже была маленькой и тоже играла с подругами «в дом». Они так же, как все дети, устраивали совместные «званные» обеды. По договорённости каждый участник приносил, что мог, всё это складывалось в общую корзину.

Вначале всё шло хорошо, а затем в общем «стаде» появилась «паршивая овца»,

которая в общую корзину клала луковицу. Кто это делал – никто не знал, естественно никто её и не ел.

В конце концов у девчонок лопнуло терпенье, кто-то из них сказал:

– А сегодня, девочки, в общую корзину продукты складывать не будем. Кто, что принёс, то и будет есть. Все на минуту замерли, стали смотреть друг на друга. А Машка Расчупкина заплакала и с большой обидой на всех швырнула свою луковицу подальше с глаз подруг.

* * *

Как рассказывала мама, во время войны жизнь в сибирских деревнях была крайне тяжёлой. Всё, что производили колхозники по плану, забиралось на нужды фронта. Сверхплановую продукцию под всякими предлогами тоже изымали. Крестьяне были вынуждены жить и питаться за счёт подсобного хозяйства. А те, кто не имел такого хозяйства, оставлялся на произвол судьбы. В частности молодые сельские учителя, не имевшие ни кола, ни двора.

Мама работала тогда в Базовской

школе Чулымского района Новосибирской области. Ей в то время едва исполнилось шестнадцать лет, прокормить себя она не могла, потому что не вела натурального хозяйства, а колхоз, который должен был обеспечивать свою интеллигенцию продуктами, сам шёл ко дну. Страдали и крестьяне, особенно их дети, которым питание для роста нужно было как воздух.

Но однажды ситуация в колхозе изменилась. Районное руководство разрешило колхозам посеять гречиху. Её посеяли, и по Божьей милости уродилась она на зависть всем. Убирать помогали всей школой. Выделили большой класс, который до отказа забили гречкой. Зимовали безбедно: кормили кашей детей, и учителя получали полноценный паёк. Благодаря гречихе и умным людям, которые разрешили засеять поля внеплановой гречкой, выжили дети и их учителя. С тех пор мама всегда отдавала предпочтение гречневой каше.

Дополнение. Работал я инструктором Чулымского райкома партии. Советский Союз семимильными шагами шагал к своему краху: магазинные полки были

пустыми, кое-какие продукты можно было достать только «по благу», гречка считалась недостижимым дефицитом. Однажды на партийном собрании райкома, выступая по повестке о продовольственной программе страны, я рассказал об опыте базовских колхозников в годы войны. Сколько же критики в свой адрес я выслушал тогда. Меня обвинили в аполитичности, своём антисоветизме и прочем. Если бы я вздумал сопротивляться, из партии выгнали бы в один момент. Я промолчал, но с этого дня веру в КПСС потерял навсегда.

* * *

Мама пришла на работу в Серебрянскую школу. Коллектив учителей принял молодую учительницу доброжелательно. Все тепло разговаривали с ней, предлагали помощь. Как-то во время общего разговора кто-то из более старших преподавателей тяжело вздохнул и скорее шутя вымолвил: «Эх, горе, горе». Мама тут же подхватила эту фразу и добавила: «Горе, у кого муж Григорий, а у меня Иван, да не дай Бог вам». У нас дома эта присказка слышалась нередко, поскольку к членам

семьи не имела никакого отношения, и обижаться на неё было некому.

Но в учительской сразу же, после её слов наступила тишина. Мама поняла, что она допустила какую-то бестактность и попросила прощения. Оказалось, что мужа Аполитовой Марии Яковлевны зовут Григорий, а мужа *Савельевой Александры Дмитриевны* – Иван. Обе женщины вначале обиделись, но после маминых извинений смеялись над этой шуткой громче остальных. Инцидент был исчерпан.

* * *

Как-то раз, приехали к нам в гости Санины. Толик с Вовкой пели песни, рассказывали стихи, а мы с Павликом не умели вести себя так раскованно, с нами никто не разучивал песни, да и вообще у нас это не было принято. После концерта Толик с Вовкой показали мне деньги, которые им дали родители – каждому по пять рублей. Я таких денег и в руках не держал, и в глаза не видел. Однако я расхотелся: «А мне мама тоже даст. Я просто ещё не просил». И пошёл просить. Однако, чем ближе подходил к маме, тем

слабее становилась моя решимость. В последний миг я чуть слышно прошептал: «Мам, дай мне денег». «Зачем?» «Так просто. Тётя Тоня Вовке с Толиком дала». «И сколько же тебе надо?» Я не посмел сказать пять рублей и попросил рубль. «Зачем он тебе? – строго спросила мама, – у тебя всё есть: и молоко, и пироги. Иди играй». Я и сам был уже не рад, что затеял всё это, потому что понимал, как добываются рубли в нашей семье. Бабушка сидела за швейной машинкой по полдня и получала за каждое сшитое платье по три рубля. А платье по той моде были от 5 до 12-клинок.

* * *

Мама накрывала на стол, расставляла тарелки с кушаньями, и когда этих блюд было много, она радостно говорила:

– Вот видите, сегодня обед у нас, считай, бесплатный. Из магазина только хлеб да соль.

И она была просто счастлива. На столе стояла отварная картошка, огурцы, грибы, огородная зелень, яйца, сало – и всё

это действительно бесплатное, своё. А потом она ещё добавляла:

– А в городе за всё это надо денежки заплатить.

На эту же тему. Мама вернулась из Джамбула, города, где лечилась у китайского иглотерапевта. Однажды на улице города она ненароком подслушала разговор двух мужчин. Один хвалился перед другим:

– А я уже тридцать килограммов картошки закупил.

Вот эти «тридцать» маму сразили наповал. Ведь тридцать килограммов – это меньше четырёх вёдер, что для сибирской деревни является величиной, приближающейся к нулю. Этот рассказ должен был означать в итоге, что мы в деревне живём намного лучше джамбульцев.

И ещё одно дополнение. Когда мама побывала в Одессе у своей тёти, её поразило большое количество домашних заготовок и полное отсутствие запасов картошки. Её двоюродный брат Николай, сын тёти Нюры, попросил мать, поджарить картошки.

- Так её же нет.
- А я сбегая, куплю.

И он действительно сбегал. Как мама рассказывала:

– Принёс Коля картошку, а она меленькая, мы такую свиньям варим.

Получилось, что и в этом случае мы в выигрыше, живём лучше одесситов, ибо чего доброго, а картошки-то у нас невпроворот.

* * *

Мама многое знала и умела. Добрая часть её знаний, безусловно, была взята из книг. Но откуда она взяла скороговорку о трёх японцах, не знаю. В книгах её не печатали, на улице её она не могла услышать – откуда в деревне такой типично городской фольклор.

Жили-были три японца:
Як, Як-цидрак, Як-цидрак-цидроне.
Жили-были три японки:
Цыпа, Цыпа-дрыпа,
Цыпа-дрыпа-драпопоне.
Они все переженились:
Як на Цыпе,

сватали. Но вот как-то приехали сваты из соседней деревни. Мать наказала им: «Молчите, тогда, может быть, кого-нибудь из вас возьмут замуж».

И вот сидят они разнаряженные в горнице, напротив жених и сваты. Жених закурил сигарку, все молчат, смотрят друг на друга. Вдруг с сигарки падает пепел и прямо на половик, и тот начинает на беду тлеть.

Первая сестра увидела это и не выдержала:

– Каварер, каварер, поровик-то прогорер.

Вторая сестра тут же одёрнула первую:

– Ты сидера бы, морчара, будто деро не твоё.

А третья захлопала от радости в ладоши, теперь-то её и сосватают:

– Срава Богу, срава Богу, я не пробортарася!

Естественно, ни одну из них не сосватали.

* * *

Книг у нас было, по современным меркам, не много. Мама их все прочла и,

ведя с нами разговоры, ловко переводила их на содержание этих книг. Одних героев она ставила нам в пример, с других напротив, учила пример не брать. Особо выделялся у неё господин Фицек, герой романа венгерского писателя Антала Гидаша «Господин Фицек». Делая бутерброды, намазывая хлеб маслом, она обязательно вспоминала его.

– Он, – говорила она, – намазывал хлеб толстым слоем масла, а затем ножом соскабливал его, и масла на куске оставалось ровно столько, чтобы заполнить дырочки в хлебе.

– А зачем он так делал? – спрашивали мы с братом.

– Так они же бедными были, и денег на масло не доставало.

Мы ели бутерброды с толстым слоем масла и чувствовали себя богатыми людьми.

* * *

Мама долго болела. Тётя Валя (*Осипова Валентина Павловна*) смотрела на неё, смотрела, а в один прекрасный день забрала и повезла в Сочи. Когда переехали

Волгу на всех станциях стали продавать яблоки. Для сибирского деревенского жителя такое изобилие фруктов казалось чистой фантастикой и даже сказкой.

– Валя, купи яблок, – попросила мама на первой же станции, где, как ей показалось, размещался яблочный рай.

– Сколько купить?

За окном толпились шумели торговки с вёдрами, которые и были в основном единицами измерения товара.

– Ведро.

– А съешь?

– Да я два ведра съем.

Тётя Валя выскочила из вагона и тут же принесла ведро сладких душистых яблок. Такие в Сибирь в те времена не поступали.

Мама долго вспоминала, как она ела эти яблоки:

– Всё таки яблоки – это не картошка. Картошку можно каждый день есть, а яблоки сразу же приелись. Съем одно-два и больше не хочется. Валя ворчит: «Ешь, сама ведь просила». Мне стыдно, а ничего с собой поделатать не могу. Так это ведро и не осилила. Последние яблоки оставила в вагоне, когда выходили из него в Сочи.

* * *

Читать я начал рано, настолько рано, что, читая, не всегда улавливал смысл прочитанного. Детских книг дома не было, поэтому мой выбор пал на двухтомник В. В. Маяковского. Правда, в нём детские стихи были: «Конь-огонь», «Что такое хорошо и что такое плохо», «Кем быть», «Что ни страница, то слон, то львица», «Возьмём винтовки новые», «История Власа – лентяя и лоботряса». Однако, перечитав их на несколько рядов, я перешёл на более серьёзную поэзию. Начал осваивать «Облако в штанах». Читал, ничего не понимая, но вот на строчках «Ночью хочется зуд свой спрятать в мягкое женское» я запнулся. Вроде бы все слова понятны, а смысл до меня не доходит. Пришлось обратиться к маме за разъяснением. «Вот, – наверное, подумала она, – и начинаются вопросы на тему, откуда берутся дети?» Но она молодец, не растерялась, не стала выдумывать небывальщину, а просто и доходчиво объяснила:

– «Женским» до революции называли все постельные принадлежности: перины,

одеяла, подушки, простыни – всё, что давалось девушке в приданое, когда она выходила замуж.

Сказано это было ровным «учительским» голосом, что меня и удовлетворило, ибо до класса 5-6-го я был уверен, что так оно и было на самом деле.

* * *

У мамы разболелась спина, и она отправилась в больницу. Доктор назначил лечение, в том числе и электрофорез. Все надежды на выздоровление она связывала именно с ним, поскольку этот аппарат только-только появился в сельской больнице.

Назначили ей десять процедур. Она, как очень добросовестный пациент, стала ежедневно ходить на лечение. После девятой процедуры, не чувствуя улучшения, на десятую решила не ходить. Однако, поразмыслив, всё-таки пошла.

– Вот, если не схожу последний раз, буду думать, что улучшения нет из-за того, что не долечилась. Но если и после десятого раза никакого прока не будет, то я твёрдо буду знать, что это не лечение, а ерунда.

С такой мыслью она сходила на последнюю процедуру. И вот чудо: на следующий день ей стало немного лучше, и с каждым следующим днём болезнь неумолимо оставляла свои позиции.

Этот случай послужил основой для её утверждения: «Если врач назначил десять процедур, то за девять не вылечишься».

* * *

У мамы долгое время болела голова. Когда она приходила с работы, в доме всё умолкало: радио выключалось, мы общались шёпотом и то в случае крайней необходимости.

К кому она только не обращалась – и к врачам, и к бабкам, перепробовала тысячи средств. Увы, никто не помог, ничто не облегчало её страданий.

Как-то мама услышала, что в Джамбуле живёт китаец, который лечит иглоукалыванием. Родня скинулась на дорогу и она уехала. Вернулась оттуда другим человеком. И дом наш сразу же стал счастливым и весёлым. Смеялись ребятишки, играла музыка, все разговаривали в полный голос.

Мама с удовольствием рассказывала о необычном для советских времён докторе Хо-хончу и его жене Вале. Она была русской и, когда в Китае началась культурная революция, ей предложили убраться из страны. Муж не захотел расставаться с женой и тоже уехал в Советский Союз. В Джамбуле он открыл частный врачебный кабинет, и слава о нём вскоре гремела по всей стране. Попасть к нему на приём было очень проблематично. Маме повезло в том плане, что в Министерстве здравоохранения Казахстана работал главным бухгалтером муж её троюродной сестры, который помог обойти все преграды и очереди. Что поделалъ, время было такое.

А это мамин рассказ о докторе Хо-хончу:

- У тебя муж есть? – спросил он меня.
- Есть.
- А он водку пьёт?
- Пьёт, конечно.
- Ой, хоросё, хоросё.
- Почему хорошо, что хорошего?
- Хоросё, значит у него времени много, здоровье есть. Я бы тоже выпил, да мне

некогда и здоровье уже не то.

Вообще слово «хоросё» было его любимым. Воткнёт иголку и спрашивает:

– Больно? Тянет?

– Ох, больно, доктор, тянет, сил нету.

Он своё:

– Хоросё.

Валя, жена его, тоже немного разбиралась в китайской медицине.

Я спрошу её:

– Валя, мне же больно, а доктор говорит: «Хорошо».

– Не волнуйтесь, доктор знает своё дело и, если он говорит: «Хорошо», значит, так оно и есть.

Мама ездила в Джамбул три раза и, благодаря доктору Хо-хончу, напрочь забыла о своей болезни.

Прошли годы, и однажды в наше село пришла печальная новость: доктор Хо-хончу умер, не долечив своих многочисленных пациентов. Правда те, кого он успел излечить, навсегда сохранили память о нём в своих благодарных сердцах. Мама не раз, рассказывая о нём, говорила:

– Каким же славным он был человеком.

* * *

Маме надо было уехать домой, а на автобус почему-то опоздала. Побегала она по Чулыму и вдруг увидела машину директора совхоза, одиноко стоящую возле ресторана. Она обрадовалась и стала возле машины поджидать хозяина. На улице было прохладно. Через несколько минут она уже продрогла. «Зайду-ка я в ресторан, спрошу, есть ли у него место в машине и стоит ли ждать», – решила она. Серебрянские мужики сидели недалеко от двери, увидели маму и, как ей показалось, даже обрадовались ей.

– Конечно возьмём, Нина Павловна, только мы вот хотели немного перекусить и пива попить. А вы присаживайтесь с нами.

Мама никогда не пила и поэтому на предложение выпить кружку пива отказалась, хотя за столик села. Не замерзать же на улице. Тем более мужики вошли в раж, официантка не успевала подносить пиво. Мама ждала, но тут с ней приключилось беда. Разболелся живот, спазмы сжимали кишечник в комок, причиняя невыносимые страдания. А мужики продолжали гулять, время от

времени предлагая ей пиво. Наконец она не выдержала. Чтобы хоть как-то заглушить жажду и жар внутри, она чуть ли не залпом выпила эту злополучную кружку пива.

«Пусть будет, что будет», – и приготовилась ждать смерти. Но она не приходила, более того, боль стала затихать и через минуту-другую ушла совсем.

Пить мама и после этого не стала, но нередко говорила:

– Выпить кружку пива может каждый. От неё вреда не будет, а в некоторых случаях может и пользу принести.

* * *

В Покровке была начальная школа и маму отправили учиться в соседнюю деревню. Поселилась она у хороших людей, даже каких-то далёких родственников.

Как-то хозяйка наварила гречневой каши, пригласила своих домочадцев за стол. Не забыла и квартирантку:

– Нина, иди кашу гречневую есть.

Мама растерялась, потому что ей накануне объяснили, что питаться она будет отдельно, это во-первых, а во-вторых, она просто засмушалась, вследствие чего

растерялась. Она хотела сказать, не хочу, мол, а изо рта вырвалось: «Не люблю».

Хозяйка долго сокрушалась:

– Ну как можно гречневую кашу не любить. Вот ведь какой ребёнок.

С тех пор так и повелось. Хозяйка варит гречневую кашу, а маму не приглашает, хотя не забывает напомнить, надо, мол, Нинка кашу гречневую не любит. А бедная девчонка аж втихаря плакала, потому что больше всего на свете она любила именно гречку. Надо сказать, что с возрастом эта любовь не пропала, до последних своих дней она с удовольствием ела гречневую кашу.

«СТИШАТА»,
сборник стихотворений, в
которую вошли стихи
написанные в разные годы,
отличительной
особенностью которых
является их краткость. Все
стихотворения содержат не
более восьми строк. Всего
таких стихотворений более 120 на 103
страницах. Напечатан в 2016 году.

«СТРОГО МЕЖДУ НАМИ»,

мой первый сборник стихотворений, изданный в 1997 году, отпечатан в Чулымской типографии. В нём 76 стихотворений, 45 страниц.

ОСИПОВ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ,

муж *Осиповой Валентины Павловны*, отец двух дочерей Нины и Людмилы. Во время войны ребёнком был вывезен из блокадного Ленинграда. После окончания блокады домой

не вернулся, остался с матерью жить в Сибири. Работал учителем, страстно увлекался охотой и рыбалкой. Когда Осиповы приезжали в гости, Владимир Петрович организовывал рыбалку и охоту, никогда не забывал брать с собой ребяташек.

* * *

Однажды Осиповы почему-то приехали в гости зимой. Мы с Вале́й (*Степанова Валентина Ивановна*) жили в Чулыме. Они приехали утром, а автобус в Серебрянку уходил только 17-00. Городок Чулым небольшой, они спросили у прохожих о нас и попали сразу на знающего человека. Мы были дома и, конечно, обрадовались, когда в клубах пара они ввалились в наш дом. Пока велись разговоры, Валя быстренько закинула в кастрюлю пельмени, наставила закуску и пригласила всех за стол. Из спиртного у нас была лишь настойка боярышника, которую я по огромному знакомству достал в аптеке. Кто не пил советскую настойку боярышника, но пробовал российское изделие, тот конечно не поймёт возглас Владимира Петровича, когда мы выпили по рюмке:

– Вот это человек!

Через некоторое время я предложил пропустить по второй. Тётя Валя стала сопротивляться:

– Саша, ему нельзя пить, у него ведь сердце.

– А эту можно.

– Ты, Валя, не понимаешь, до чего это хороший напиток. – И он снова, выпив вторую рюмку, сказал: – Человек.

Всё это происходило в советское время, и настойка боярышника была действительно чудесным напитком. И только в новой России она стала притчей во языцех, которую пьют только алкоголики. Такое снадобье может отправить на тот свет любого нормального человека.

**ОСИПОВА
ВАЛЕНТИНА
ПАВЛОВНА,**

*дочь Бунеевых Павла
Васильевича и Анисьи
Сергеевны, жена
Осипова Владимира
Петровича, моя тётя,
сестра моей мамы
(Степанова Нина*

Павловна). Работала учителем биологии.

Как и все Бунеевы, она была добрым человеком, всегда готова пожертвовать чем-то личным для блага близкого. В своё время у неё жил дядя Володя (*Бунеев*

Владимир Павлович). Брала она шефство и над братьями *Саниными*, когда в Чульме они были вынуждены уйти из школы.

Осипова Зинаида Александровна –
см. **СТЕПАНОВА** **ЗИНАИДА**
АЛЕКСАНДРОВНА

СТЕПАНОВ
ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ,
мой сын, родился в браке
со *Степановой*
Валентиной Ивановной.
В то время я был в
санатории *Ленинские*
Горки на лечении по
поводу мезаденита туберкулёзного, как
посчитали наши врачи, происхождения.

Однажды лежал на кровати по случаю тихого часа, как в палату зашёл санаторский почтальон и спросил АСТЕПАНУСА.

– У нас такого нет, – хором ответили мы.

– Вот чёрт, прошёл все палаты, такого пациента нет.

У меня стало закрадываться какое-то подозрение:

– Слушай, а что в этой телеграмме?

– Сейчас, – он с готовностью развернул её и прочитал, – поздравляю сыном, 3200, мама.

– Стой, – закричал я, – эта телеграмма мне, – у меня жена беременная.

Так я узнал о сыне. На следующий день я поехал в Домодедово, перевёл себе десять рублей, вернулся в санаторий, взял у старшей сестры паспорт, якобы для того, чтобы получить перевод, потом – у кастелянши свои вещи и уехал в Москву. К счастью, билеты на поезд были, и уже через два дня я прибыл домой. Валя вся зарёванная встретила меня на вокзале. А потом начались наши мученья или правильнее хождения по мукам.

* * *

До четырёх лет Вовка практически не разговаривал, просто выдавливал из себя какие-то нечленораздельные звуки.

– Вова, а где папа?

– Пкапка а-а, пфу-пфу.

Хорошо, что при этом он указывал

пальцем на туалет.

Однажды он наблюдал в окно драку двух пьяных алтайцев и так описал это яркое для него событие.

– Дядя а-а, мать, мать.

Мы бы и не поняли ничего, если бы не его ярко поставленная пантомима. Он махал кулаками, не забывая при этом упоминать чужую мать.

А вот в четыре года язык у него развязался, говорить стал чисто и неукротимо. В это время мы купили магнитофон, и он чуть ли не целыми днями занимался с ним. Сядет перед микрофоном, включит запись и наговаривает свои фантазии. Жаль, что все эти записи затерялись и в памяти от них почти ничего не осталось. А что запомнилось, в моей передаче да тем более изложенное на бумаге, теряет всю прелесть детской фантазии, всю эмоциональность живого слова ребёнка.

Вот что задержалось в памяти из Вовкиного «творчества», которым мы после его многолетнего молчания восхищались и наслаждались.

Жил был лень весёлый (олень)

*Начал он мяч гонять.
Как свырнет, свырнет, далеко...
Зэлеску (железку) найдёт
сабелю сделает...
Сабеля – это хорошо...*

*Пошёл лень за уголем (у нас было
печное отопление, и уголь хранился в
сараяе),*

А там гости сидят...

Правда эта страсть его быстро прошла, наверное, надоело сочинять. А тут вскоре научился читать, ездить на велосипеде, появились друзья. Класе в седьмом он попытался что-то писать белым стихом, но и это увлечение быстро прошло.

* * *

Вовке года два. Мы с Вале́й отлучились на несколько минут, а его оставили с бабушкой Анисьей. Когда мы вернулись, она рассказала следующее:

– После вашего ухода Вовка сразу же сел у окна и ни на минуту не оторвался от него, всё выглядывал вас. А когда вы наконец-то появились, и он увидел вас, то радостно закричал:

– Даль, даль нету, даль, даль идут.

Такие длинные фразы он ещё не произносил никогда.

* * *

Скорее всего, Вовке не повезло с родителями. Во-первых, мы были молодыми, глупыми, во-вторых, учились в медучилище и слепо верили всему, чему учили нас наставники врачи и учебники.

Вовку мы кормили «по науке», по часам и минутам. Молока у матери не хватало, и мы его «ничтоже сумяшеся» заменяли свекольным и морковным соком. Поведение голодного ребёнка известно всем, и только мы не догадывались, почему он плачет и днём, и ночью.

Тёща ругала нас, называла варварами, пыталась накормить его коровьим молоком. Но мы были непреклонны, страдали сами и заставляли страдать ребёнка.

Авик

Мы жили в Чулыме на квартире у дяди Коли (*Детков Николай Григорьевич*). Мы – это я, Валя и Вовка, которому уже исполнилось четыре года, но толком ещё

который не говорил. Однажды мы с Валеёй куда-то собрались и попросили дядю Колю присмотреть за нашим сыном. Тот охотно согласился. Когда мы вернулись домой и спросили дядю Колю всё ли в порядке, он бодрым голосом ответил:

– Да. Мы играли, дурачились, понимали друг друга, но, потом, правда, вышла маленькая заминка. Он попросил у меня «авик». Что это такое я не знаю. Созвучно с конфетами, но нет. Предложил печенье – нет, сахар – нет. А больше у меня ничего под рукой и не было.

Валя засмеялась:

– Авик у Вовки – это корочка хлеба.

Дядя Коля тоже засмеялся:

– Интересно, на каком это языке?

Тут уж и я блеснул остроумием:

– Это по-французски, нам не понять.

* * *

Вовка никогда не был голодным. Что бы ни приготовила мать, он обязательно находил причину, чтобы отказаться от еды. Пожарит она картошку, он вертит носом:

– Была бы варёная, я бы поел. – Сварит, он за своё, – Вот если бы жареная.

Однажды Валя не выдержала, сварила картошку и нажарила. Вовка, ничего не подозревая, уселся за стол с кислой миной. Мать поставила перед ним тарелку с отварной картошкой. Вовка сморщил нос, отодвинул тарелку:

– Вот если бы жареной картошки...

Не успел договорить, как мать поставила на стол сковороду с жареной картошкой.

– Ешь, сынок, на здоровье.

Вовка, конечно, поначалу опешил, но до конца не растерялся.

– Это жаренная? А почему ты её пластиками пожарила, надо было кончиками.

Тут уже мы не выдержали и смеялись несколько дней. У нас даже своя поговорка появилась. Когда что-то не хочется делать, мы говорим: «Вот если бы кончиками...»

* * *

Вовка лет до пяти ходил в баню с матерью. Однажды женщины разговорили его.

– А твой папа пьёт водку?

– Нет, не пьёт.

- А что же он пьёт?
- Самогонку.
- А где он берёт её?
- А нигде, сам гонит.
- А из чего он её гонит?
- Из снега. Из чего же ещё.

* * *

Отправили его в пионерский лагерь в Иткуле. Через неделю решили провести, купили какие-то вкусняшки, захватили чистое бельё. Подъехали к лагерю, увидели возле ворот какого-то мальчика:

– Мальчик, ты знаешь Степанова Вову?

– Знаю.

– Пригласи его, пожалуйста, скажи, родители приехали.

Через несколько минут вдали показался наш ребёнок. Он шёл сам и тащил за собой большую сумку.

– А зачем ты сумку взял?

– Как зачем? Я домой поеду, больше я здесь жить не буду.

Как мы не уговаривали, он не сдался. Пришлось идти к руководителю, объяснять ситуацию.

* * *

Владимир учился в десятом классе. В день защитника Отечества в школе проводили конкурс среди мальчишек «А ну-ка, парни!» Рассказывал Гена (*Ионин Геннадий Борисович*):

– Поглядел я на команды, все парни, как парни, а наш Вовка самый маленький. И чего они выставили его, что он сможет сделать. По условиям конкурса Вовка должен был подтягиваться на перекладине. Ну, думаю, опозорится племяш. А он подошёл, подтянулся сколько надо, а потом раскачался и начал крутить «солнышко». Такого никто больше повторить даже и не пытался. Так их класс благодаря Вовке победил

А когда он уходил в Армию, возле военкомата их тестировали на предмет физического развития, надо было подтянуться десять раз. Кто-то подтягивался легко, кто-то с трудом. Владимир выше и за две минуты подтянулся двадцать раз. Он бы ещё мог подтягиваться, но прапорщик приказал освободить снаряд.

– Тебя не отогнать от турника, так ты

и до вечера будешь заниматься, – проворчал он.

* * *

Приехал он к нам в гости в Волгодонск. Как-то собрались мы на рыбалку на залив. Я как знаток города говорю:

- Надо туда идти.

- Нет, - говорит сын, - не туда.

- Откуда ты знаешь, три дня только прожил и уже учишь знатока.

Пошли по моему маршруту, долго шли и пришли в никуда. До сих пор не знаю, как он так быстро сориентировался. Вроде бы в городах никогда не жил.

**СТЕПАНОВА
ЕКАТЕРИНА
ПАВЛОВНА,**

дочь *Степанова Павла Владимировича*, моя племянница. Живёт в Томске, получила специальность ветеринарного врача, пишет прозу. Конечно профессионально, но

не достаточно

способности есть. Может закрутить сюжет, много нужного и не всегда нужного нафантазировать. Правда сейчас ей трудно заниматься писательской деятельностью, поскольку на руках трое детей, но это не большая беда для желающего творить.

**СТЕПАНОВА
НАДЕЖДА
ГЕННАДЬЕВНА,**

урождённая Шевченко,
моя сноха, вторая жена
*Степанова Владимира
Александровича.*

После его развода с первой женой мы все задумались над Вовкиной судьбой. Наталья (*Салова Наталья Геннадьевна*) как-то в разговоре обронила, что есть хорошая кандидатура на роль невесты, а впоследствии для него и жены. Я тут же позвонил её матери, мы встретились и договорились, что она препятствовать их сближению не будет. Дружили они недолго, вскоре и поженились. Живут вроде неплохо.

СТЕПАНОВ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ,

сын *Степановых Ильи Ефимовича* и *Анны Григорьевны*, первый муж *Степановой Нины Павловны*, мой отец. Когда мне было несколько месяцев от рождения, отца призвали в армию. Служба была не трудная – служил каптенармусом, что позволило ему торговать солдатским вещами. Ниточка вилась недолго, отца поймали и посадили на шесть лет. Когда он вернулся, отсидев положенный срок, мама его не приняла. Он женился на какой-то чулымской женщине, много пил, мало работал, в конце концов, нелепо погиб. Мне в то время было лет семь-восемь.

* * *

Рассказывают, о своём прибытии он сообщил заранее, вся родня пришла к поезду встречать своего «защитника». Ждут, волнуется. Подошёл поезд. В то время Чулым был узловой станцией, поезда здесь

стояли долго. Вот поезд стоит и стоит. Все пассажиры давно уже вышли, а отца нет как нет. Дед побежал к проводнику. Оказывается, его держат в служебном помещении, потому что, напившись пьяным, разбил в туалете зеркало. Пришлось деду выкупать сынка. Иначе встреча не состоялась бы.

* * *

Дед работал начальником сто второго отряда по заготовке корма. В те времена электричества в шахтах Кузбасса не было и вагонетки с углём таскали лошади. Рабочие этого отряда косили сено, грузили в вагоны и отправляли в Кузбасс. Деду надоело смотреть на закидоны сына, и он взял его к себе на работу. Косить сено тот не мог, а вот сопровождать вагоны с сеном был годен. Однажды, напившись пьяным, он уснул на тормозной площадке и на полном ходу упал вниз. Случилось это на перегоне Чулымская – Кабинетная. Нашёл его обходчик. В тот момент отец ещё был жив. Но пока вызвали скорую, пока довезли, он скончался. Помню, вся чулымская родня в один голос утверждала, что его кто-то, называли даже

фамилию, столкнул с площадки. Было и следствие, и долгие разборки. Но никакого преступного умысла того второго не обнаружили.

**СТЕПАНОВ
ГЕННАДИЙ
ИЛЬИЧ,**

сын *Степановых Ильи Ефимовича* и *Анны Григорьевны*, муж *Степановой Зинаиды Александровны*, отец *Степанова Игоря*

Геннадьевича, мой дядя.

* * *

Учился в пятом или шестом классе:

– Нина, – спросил он у моей мамы (*Степанова Нина Павловна*), – ты знаешь, что надо делать, если человек тонет?

– Конечно, знаю. Надо подплыть к нему сзади, обхватить...

– Неправильно, – перебил он её, – надо подплыть и резко ударить по голове.

– Да ты что, Гена, как можно, ведь он

утонет.

– Зато тебя с собой не утащит на дно.

* * *

Женился он без благословения родителей. Однажды по этому поводу повздорил с родителями, собрал кое-какие вещички, ушёл на вокзал, купил на первый поезд билет и поехал неизвестно куда. С вечера лёг спать, а когда проснулся, увидел, что поезд подходит к какой-то крупной станции.

– Что это за станция? – спросил он у попутчиков.

– Рубцовск.

Он подумал немного: «А зачем дальше ехать? Люди и здесь живут. В этот же день он устроился на работу на Рубцовский машиностроительный завод слесарем-лекальщиком, нашёл квартиру и вызвал семью. В Рубцовске он прожил до своей смерти. Правда смерть у него была трагическая. В последнее время они уехали жить в деревню. И вот однажды в морозную истопили печь и рано задвинули заслонку. Умерли с тётёй Зиной одновременно.

* * *

Поехал я как-то в гости к дедам Степановым, они жили тогда в Маслянинском районе. В это же время приехали туда и дядя Гена с семьёй. Разговоров было много, он понял, что я разочаровался в учёбе и пригласил к себе. Приезжай, мол, устраю тебя на завод, поработаешь, а там видно будет. Я послушал его совета, устроился на работу. Вернее по всем инстанциям ходил он.

– Ну вот, – сказал он, отдавая мне пропуск, с завтрашнего дня ты слесарь по ремонту промышленного оборудования.

– А почему ты меня не устроил к себе? Я хотел быть лекальщиком.

– По трём причинам. Во-первых, у нас вакансии нет, во-вторых, профессия слесаря ремонтника сродни медицинской, там людей лечат, а здесь станки. Тут тоже надо больше головой работать, чем руками. И последнее, здесь постоянная стабильная зарплата, а там получка с выработки, есть работа, получишь много, нет – копейки.

СТЕПАНОВ ИГОРЬ

ГЕННАДЬЕВИЧ,

мой двоюродный брат,
сын *Степановых*
Геннадия Ильича и
Зинаиды Александровны.

* * *

Когда я жил у Степановых в Рубцовске, Игорь учился в первом или во втором классе, однако никак не мог проститься с соской-пустышкой. Мать находила соску, отбирала, ругалась. Но ничто не помогало. Каждый день она была обязана давать ему деньги на школьный обед.

– Гоня, – так звала его мать, – ты в школе обедал?

– Конечно.

– А что ел?

– Пирожок, кофе и котлетку.

Это точно соответствовало тем расценкам, которые мать специально разузнала в школе.

А на самом деле, деньги ушли на

пирожок и кофе и на соску-пустышку, которую он купил по пути в аптеке.

* * *

Много лет пытался найти его в интернете и всё время почему-то пролетал мимо. И только в прошлом году нашёл в одноклассниках. Был он и в скайпе. Но по неизвестным причинам состыковаться не могли, при том, что он тоже пытался найти меня. Он и рассказал, что отец и мать (*Степановы Геннадий Ильич и Зинаида Александровна*) трагически погибли в своей квартире от угарного газа.

**СТЕПАНОВ
ИЛЬЯ
ЕФИМОВИЧ,**

мой дед со стороны
отца (*Степанов
Владимир Ильич*), муж
Степановой *Анны
Григорьевны*. Родом из
Старого Иткуля из семьи кузнеца Ефима
Ивановича, отцом которого был Иван

Платонович. Тот в свою очередь был сыном Платона Степановича. А вот от Степана, как рассказывали мне, и пошла фамилия Степановых. Правда, дядя Коля (*Детков Николай Григорьевич*) говорил, что в Иткуле Степановых не знали, всё их семейство было Кузнецовы. Всю свою жизнь дед работал ветеринаром, долгое время в колхозах Чулымского района, затем его перевели в Чулым ветврачом ветстанции.

* * *

Дед работал ветеринаром много лет, в совхозах и колхозах, в Чулымской ветлечебнице. Он уже был на пенсии, но отзывы о нём, как о хорошем специалисте, ещё гуляли среди сельских ветработников. И вот в его адрес стали поступать предложения – приехать в тот или иной совхоз, чтобы помочь в борьбе с поносом телят. А это в то время было серьёзной проблемой. Молодые врачи лечили антибиотиками и получали нулевые, а чаще отрицательные результаты. Когда дед по приглашению руководства приезжал в совхоз, болезнь через день-два непонятным

образом отступала, телята переставали поносить и чуть ли не на глазах выздоравливали.

Я как-то попросил деда рассказать о его способе лечения. Он рассмеялся: «Да нет тут никакого секрета. Лечу обычной марганцовкой. Делаю слабый раствор и пою телёнка. Кстати, одно кормление надо пропустить».

* * *

Дед Илья, когда мы жили в Чулыме, нередко заходил в гости. Обычно перед этим он заходил в булочную, покупал булочки, пирожки, ватрушки. Мы тоже покупали иногда, но не всегда, потому что денег на них не хватало.

Кто бы знал, что он несёт, если бы не советская сумка по названию «авоська» или «сетка». В ней что-либо спрятать было нельзя. Дед заходил в квартиру, оставлял сумку в прихожей, проходил в комнату и начинал разглагольствовать на ему интересные темы. А тем временем Вовка вертелся возле этой «авоськи» и думал, угостит его дед или нет. Дед за всю историю посещений нас ни разу не угостил

правнука.

Как-то раз Валя увидела в окно деда:

– Вовка, смотри твой дед идёт.

Вовка выглянул в окно:

– Нет, это не мой дед, мой деда Коля

(Детков Николай Григорьевич).

**СТЕПАНОВ
ИЛЬЯ
ПАВЛОВИЧ,**

сын *Степанова Павла Владимировича* и Степановой Надежды, мой племянник. Женат, имеет четырёх сыновей, получил высшее образование. Живёт в

Томске, занимается частным предпринимательством, вначале держал интернет-клуб, а сейчас занимается торговлей товарами для животных. Отец в воспитании сына участия практически не принимал. Я видел его всего два раза. В первый раз его привозили в Серебрянку, когда ему было года два. Второй раз, когда он уже учился в школе в старших классах. Я тогда жил в Чулыме, поэтому полноценно

пообщаться с племянником не удалось. А когда он уже встал на ноги, ему, видимо, мы уже не нужны, хотя жена его Степанова Ирина спрашивала разрешения заехать к нам в гости по пути к морю. Но то ли не поехали, то ли не заехали.

**СТЕПАНОВ
ПАВЕЛ**

ВЛАДИМИРОВИЧ,

мой единственный
единокровный брат.
Родился в 1947 году в с.
Базово Чулымского
района Новосибирской
области – умер 2 ноября
2011 года в городе Чулыме Новосибирской
области, там и похоронен. Окончил
химический факультет Томского
государственного университета по
специальности радиоактивная химия.
Работал преподавателем в институте,
инженером на заводе в Новокузнецке.
После развода с женой уехал в Чулым,
работал в редакции районной газеты, в доме
детского творчества. С детства писал стихи.

В 7-м классе написал поэму о современном молодом человеке – комбайнёре. Поэма была очень хороша. С годами она затерялась. Не нашлось человека, который бы сберёг ту ученическую тетрадь, в которой хранились Павликовы стихи.

В моей памяти сохранилось одно четверостишие. Разговор в нём идёт о том, что этот молодой парнишка получил первую зарплату, и старшие товарищи в кавычках принудили его «обмыть» её.

«Столичная» простая водка.
– Стакан, – подумал Иван, – так!
И, обжигая рот и глотку,
он выпил жидкость натошак.

В десятом и одиннадцатом классах он учился в школе №7 г. Чулыма и жил в интернате. Человеком он был справедливым и молчать не стал, когда узнал, что завхоз с воспитателем воруют у детей продукты. Он спел сочинённую им песню на мотив полонеза Огинского.

К нам каждый день приходит ***,
звенит звонок, пора вставать.

И мы встаём, бежим скорей рубать,
а то нам не оставит эта ***.

В школе его оставили, но из интерната выперли, и жил он у дяди Коли (*Детков Николай Григорьевич*). Своё отношение к этой истории он также выразил в стихах.

Кому-то живётся сыто, богато,
мочит в сметане дуру-губу.
А я же вылетел из интерната,
как чёрт вылетает в трубу.

* * *

Брату Сааше

Сказка милая, здравствуй.
Мы давно не встречались.
Я пришёл посмотреть,
как дела, как живёшь.
Ну, а годы... они,
как пришли так умчались.
То, что в детстве я знал,
теперь вряд ли поймёшь.

Папа Карло – мерзавец.
Он совсем обезумел от дури.
В Монте-Карло с Мальвиной

живёт как с женой...
Карабас Барабас стал хорошим:
не пьёт и не курит,
он работает дворником,
тротуары метёт бородой.

Аэлита, не жди,
не ревнуй, не печалься.
Милый Лось не вернётся,
таков его путь.
В сорок третьем под Курском
он навеки остался.
Похоронку другие
тебе привезут.

И никто ведь не знал,
что её он покинет.
Прочь печали, друзья.
Пусть лыжня нас ведёт.
Зимний лес так хорош.
С веток сыплется иней.
Дед Мороз там шумит,
к себе в гости зовёт.

Чиполино пять лет
получил по заслугам,
он ограбил сберкассу

и деньги пропил.
А сеньор Помидор поражён
нехорошим недугом.
Видно, жил как свинья
или девушек скверных любил.

Оловянный солдатик
стал теперь генералом,
заказал у врачей
оловянный протез.
А Иван-дурачок сжёг
деревню напалмом
и бежал от милиции
с Василисою в лес.

Ну, а Маленький Мук,
потеряв свои туфли, страдает.
Теперь зайцем в трамвае
ездит этот шалун.
Одноногий моряк в зоопарк
подарил попугая.
И на премию ходит
мошенник в салун.

Капитан Гаттерас
не стремится на полюс,
где-то в нежной Италии

себе виллу купил,
дружит с местным врачом,
пьёт пчелиный прополис,
говорят, в огороде
женьшень посадил.

Всё случается в мире:
даже Муромец, чхая
на проклятья богов,
снёс кольчугу в ломбард
и блажит, как шальной,
от похмелья страдая,
словно к Дарби взывает
синерожий пират.

Сказка, верь, сын Вершка
с производством расстался,
выбил зуб кузнецу,
молот выкинул прочь.
В том году, точно знаю,
он в джаз-банд подвязался,
а потом посадили
за чью-то беспутную дочь.

Сказка, помнишь,
писал сказку я про дивчину
внешне, верно, уродка,

но душою богиня притом.
Если встречу сейчас её мужа,
трах-тах-тах мужчину...
Я тебя позову,
вместе гроб мы его понесём.

Кот Базилио стар
уже, дышит на ладан,
он в молитвах теперь
проводить дни привык.
А из подружки его,
из лисы, будь не ладна,
слышал я, Буратино
сшил жене воротник.

Те немецкие мальчики,
как ни странно, живут в катакомбах,
их хороший мужчина
увёл за собой.
Ведь в стране Лунных зайчиков
тоже делают бомбы,
даже мирные гномы
изучают устав боевой.

До свидания, сказка.
Мы славно с тобой поболтали.
Может быть без улыбки

прочитан последний твой лист.
Чарли много шутил,
и мы все хохотали,
только грустные очи
имел тот артист.

Не подумай, что я
написал всё серьёзно.
Ты милей мне
всех модных романов стократ.
Просто вспомнил деревню
я этою ночью морозной,
и я знаю, поймёт
меня Саша, мой брат.

* * *

Стихотворный ответ брату уже
помещён в моих книгах, но, я думаю, что и
здесь он будет уместен.

Павлу Степанову

Слышал я – папа Карло спился,
кот Базилио стал монах,
Буратино на шлюхе женился
и её утопил в мехах.

Оловянный солдатик сдуру
генералом стал, пьёт коньяк,

с балерины содрал три шкуры
и от скуки совсем размяк.

А недавно ещё услышал:
Гулливер, обнаглев как скот,
в Лилипутии снёс все крыши
и, как муж, с Глюмдальклич живёт.

А Страшила так изменился,
что его не узнать нипочём,
он не спился и не женился,
он мечтает владеть «Москвичом».

Стал сухой, только кожа да кости,
пьёт из яблок гнилых узвар.
как-то Лев забрёл к нему в гости —
тот скормил ему Кагги-Карр.

Всё брюзжит, мол, нужда заела...
Дровосек? Тот весь ржой зарос.
Мигуны, пока суть да дело,
превратили его в пылесос.

Белоснежка всё гномов мучит,
то бранит, то страшает их,
родила от кого-то, а хочет
алименты сорвать с семерых.

На Конька-горбунка надели
хомутище, паши, мол, скот.

Говорят, через три недели
превратился он в К-700.

Дед Хоттабыч служит швейцаром,
волос вылез, гол, как скелет,
спину гнёт почти что задаром,
Волька выгнал, а пенсии нет.

У Алладина тоже горе:
джин подох, вроде пуп сорвал.
Черномор, говорят, Лукоморье
за бутылку кому-то отдал.

Как послушаешь разговоры,
волос дыбом подчас встаёт.
Слышал где-то багдадского вора
министерское кресло ждёт.

И Незнайка теперь в почёте,
получает миллионы в год,
отрастил вначале животик,
а затем и большой живот.

Правда, он не показывал норов,
всех жалел, кто нуждался в нём:
Шпунтик стал его личным шофёром,
Знайка – личным секретарём.

У Дюймовочки тоже брюшко,
всё с жуками ходила в лес!
«Не с жуками, – кричит, – с подружкой,
а живот – партеногенез».

Ух, наука! И в жизни тоже
без тебя нынче нет полёта.
За углом Добрынюшка в рожу
бьёт Горынычу из пулемёта.

А Попович за океаном
втихоря, под шумок, без апломба,
заложив в ломбарде кафтаны,
прикупил водородную бомбу.

И теперь, ухмыляясь погано,
он грозит ей, как кистенём,
видно нравится хулигану
водородным играть огнём.

А в сугробах увяз Савраска,
как и все, видно, сбился с пути.
Ох, братишка, мы в старую сказку
вряд ли сможем дорогу найти.

В бой роковой мы вступили с зверями

Толик Чернышевский сделал самострел, который довольно-таки неплохо стрелял стрелами. И далеко, и практически всегда точно в цель. Полюбовались мы на эту игрушку, а потом кому-то из нас пришла в голову идея: «А не сходить ли всей компанией на охоту». Идея всем понравилась. Но для этого надо было вооружиться. У кого-то нашлись рогатки, я быстренько соорудил копье, у кого-то в руках оказались тут же сделанные луки со стрелами, которые и на десять шагов не стреляли. Но тем не менее – это тоже было оружие.

Вышли дружной компанией человек десять. Предводителями естественно были Павлик (*Степанов Павел Владимирович*) и Чернышевский. Им уже было лет по десять, а все остальные были мал мала меньше. Ушли мы за огороды, построились и с песней «В бой роковой мы вступили с зверями...» стали искать встречи с этим противником. Походили, походили и поняли, что они нас испугались и

попрыгали в глухих местах. Возвращались с «охоты» довольными – победителями.

* * *

Ходить в кино с Павликом начал лет с двух. Конечно же, ничего в этом кино не понимал. Дома мама спрашивала:

– Понравилось вам кино?

– Понравилось, – отвечал брат, иногда же отвечал «нет».

У меня же всегда был один ответ:

– Ерунда какая-то, одни тётки да дядьки.

Павлик возмущался:

– Не пускайте его в кино, он там не смотрит, а спит.

– И ничего я не сплю, – оправдывался я, – просто глаза закрою и слушаю.

* * *

Приходим домой с прогулки. Павлик грязный, как поросёнок, я же – чистенький, как будто никуда из дома не выходил. Бабушка пеняет Павлику:

– Господи, Паша, на кого ты похож, на чертёнка, как будто из трубы вылез. Погляди-ка на Сашу, он ведь тоже на улице

гулял.

– Конечно, – искренне возмущается Павлик, ему хорошо, я что-нибудь делаю, а он встанет, ручки за спину стоит и смотрит.

– Ну и ты бы смотрел.

– А кто же тогда всё делать будет?

* * *

В два года Павлик был коренастеньким, толстеньким, как говорят, сбитым мальчуганом с не по-детски развитой памятью и выразительной речью. Всё сказанное кем-то или прочитанное всего один раз он моментально схватывал и накрепко запоминал. Он заучивал не только детские стишки, но и вполне взрослые, даже поэмы. Как-то мама привела его в школу, директор разрешил ему посидеть в учительской, пока мама давала урок.

Сидеть одному было скучно и он начал рассказывать стихи всем, кто заходил в учительскую. Когда мама вернулась с урока, её тут же обступили учителя:

– Нина Павловна, пусть ваш Павлик выступит на школьном концерте, почитает стихи.

Мама согласилась. В актовй зал

школы пришли не только ученики, но и взрослые. В те времена телевизоров не было, даже радио было не у всех. Поэтому на любом концерте в школе ли, в клубе ли всегда был аншлаг.

И вот на сцену вышел Павлик – от горшка два вершка и звонким голосом начал читать поэму «Ленин и печник». Это было так здорово и необычно, что Лявониха, была такая бабуся в Серебрянке, не удержалась и заохала во весь голос:

– Лявонечка, (это её муж тоже пришёл на концерт) да ты побачь, что делается, да как же такой малец всё запомнил. Молись богу, ты ведь старый человек. Видишь, что он людям даёт.

Ещё раз он удивил учителей, когда мама снова вынужденно оставила его в учительской. Чтобы он сидел спокойно, дала ему несколько учебников. Он листал их, рассматривал картинки и во весь голос комментировал их.

– Пушкин – кукушкин, Гоголь – моголь...

Кто-то из учителей заинтересовался его познаниями и стал показывать ему портреты писателей. Он уверенно называл

их, едва взглянув на портрет.

Проходили года, а память его не угасала. Уже в зрелом возрасте он помнил всё прочитанное в детстве и спокойно цитировал любого автора. Ему перечитывать прочитанное ранее не было необходимости.

* * *

Печёнка – это не обязательно внутренний орган животного или человека. Мы печёнками называли картошку, нарезанную тонкими ломтиками и запечённую на печке. У нас в доме стояла железянка – печь сделанная из листового железа. Она давала много тепла, когда топилась, но это тепло не сохраняла, и поэтому после её остывания в комнате сразу же становилось прохладно. В морозные дни железянка топилась весь день, пожирая невероятное количество дров.

Для нас же с Павлом эта печь служила центром притяжения, ведь именно на ней и пеклись наши печёнки. Особенностью печи было то, что под действием тяги огонь вначале нагревал её

заднюю часть, а уж потом переднюю. А значит печёнки, посаженные в задней части, пеклись скорее, чем спереди. Из-за этого нередко у нас с Павлом возникали конфликты. Павлик на правах старшего захватывал лучшую часть печи, а я хныкал, а то и плакал, стараясь вызвать жалость к себе:

– Не хочу на перде, хочу на заде.

Обидно было не то, что «на перде» медленно пекутся печёнки, а то, что он уже ест, а я жду и глотаю слюнки.

* * *

Павлик приехал в гости к маме. Приехали и мы с Валеёй. Та помогает по хозяйству, я на побегушках, выполняю мелкие поручения. И только брат – студент Томского государственного университета бездельничает. Ему вроде бы простительно это безделье – он у нас самый умный. Он слоняется по комнатам из угла в угол: ни писать, ни читать желания нет.

После обеда он не выдержал и заявил:

– Что-то у меня голова разболелась, неужели от безделья?

– Скорее всего, – это я ему, – чтобы

подлечить голову, возьми вёдра да сбегай за водой.

Он сбегал, потом занялся чем-то не менее полезным для дома и для здоровья. Голова перестала болеть, и снова захотелось жить. Трудотерапия – это не чья-то глупая выдумка, а великое средство оздоровления. Чем больше работаешь, тем здоровее твой организм.

* * *

Учась в старших классах, Павел мечтал о стезе журналиста. Ближайший вуз, где готовили специалистов по этой дисциплине, был в Томске – Томском государственном университете, старейшим вузе Сибири.

Однако сбыться мечте его, было не суждено. Документы на факультет журналистики не приняли, потому что по русскому языку в аттестате стояла тройка, но предложили держать экзамены на химический факультет. Первый экзамен, математику, он сдал на пятёрку, физику и химию – на четвёрки, а вот русский – на тройку. Для поступления не хватало одного балла.

Он уже хотел забирать документы, но декан при личной беседе предложил маленькую сделку. Дело в том, что для факультета строилась общежитие, но стройка постоянно тормозилась из-за острой нехватки строителей. Надо было отработать месяц на стройке и тогда вопрос о тройке будет снят. Павел согласился, он честно отработал и был зачислен на факультет химии на отделение радиоактивный химии. Кроме того, ему дали место в общежитии.

* * *

Недавно в интернете увидел видеоролик о Чулыме. В конце его помещён отрывок из стихотворения Павла Степанова.

«...Здесь лесные просторы,
Утром тихие зори,
Колосятся хлебами поля.
Это Родина наша,
И её нету краше,
То Чулымская наша земля».

До этого случая я об этом стихотворении ничего не знал.

* * *

Да, Павел писал стихи и неплохие, только места для публикации в печати для них почему-то не находилось. Правда, он и сам не очень-то стремился печататься, хотя, когда я предложил ему отдать стихи в журнал «Новосибирск» он с радостью согласился. И вот в №2 за 2002 год в подборке стихов чулымских поэтов его стихотворение увидело свет.

* * *

Звёзды выстлали полночь
по тёмному ярким
И Луну закружили
в своём хороводе,
Разбросали вокруг
метеоры-подарки,
Млечный Путь проложили
на небосводе.

Веселясь и ликуя,
меняя наряды,
Отрицая судьбу,
низвергая кумиры,
Что-то шепчут друг другу
подружки Плеяды,

И красуется Вега
в созвездии Лиры.

Глубина мироздания
Земле не подвластна,
Будет вечной её
непростая дорога,
Но стремится сознание
к тому, что прекрасно,
И душа замирает
в познании Бога.

* * *

В нём жила уверенность, если он приезжал в гости, то становился главным действующим лицом, его должны все привечать, угощать, встречать с распростёртыми объятиями и даже дарить подарки. Однажды приехал он в гости, как всегда без предупреждения в виде сюрприза или долгожданного подарка. Как бы там ни было встретили его как полагается. Валя приготовила обед, я сбегал в магазин. Сели пообедали, распили бутылку, можно было бы и повторить эти процедуры, но – увы – на всё нужны деньги, а их как всегда не хватало. И вдруг среди разговора Павел

вскочил и побежал к своему портфелю, одиноко стоящему в прихожей.

– Вот чёрт, я чуть не забыл, – воскликнул он.

– Наверное, брату подарок привёз, – радостно подумал я. – значит ещё посидим.

– Чуть не забыл, – ещё раз повторил он, – нырнул с этим возгласом в портфель и вытащил из него этикетку от бутылки, – вот посмотри, какую водку продают у нас в Новокузнецке. Называется «Старорусская».

– Хорошая этикетка, – съехидничал я, – как говорил синьор Помидор, её можно понюхать и даже полизать языком.

СТЕПАНОВА

АННА

ГРИГОРЬЕВНА,

(бабушка Нюра), урождённая Деткова, жена *Степанова Ильи Ефимовича*, мать *Степанова Владимира Ильича* и *Степанова Геннадия Ильича*. Вся родня звала её Нюрочка. Поскольку я гостил у своих дедов очень редко, а жили они от нас далеко, то в памяти моей она почти не оставила след.

* * *

Про врачей и учителей она говорила категорически:

– Я больше забыла, чем они знают.

**СТЕПАНОВА
ВАЛЕНТИНА
ИВАНОВНА,**

(урождённая Феденкова)
дочь Феденковых *Ивана Семёновича* и *Лидии Яковлевны*), моя первая и последняя жена, мать *Владимира Степанова* и *Евгении Шаймуратовой*.

Родилась 7 декабря 1950 года в городе Куйбышев Новосибирской области. Окончила Куйбышевское медицинское училище по специальности акушерка.

* * *

Возвращаясь с работы, Петя (*Феденков Пётр Иванович*) проходил мимо ресторана «Чайка» и, когда туда завозили пиво, он забегал, чтобы пропустить кружку-другую своего любимого напитка.

Конечно, жена не одобряла таких походов, поэтому на этой почве нередко возникали семейные ссоры.

– Таня, – оправдывался Петя, – но я же не напиваюсь. Что для меня две кружки пива.

Петю всегда поддерживала мать. В разговорах со взрослыми дочерьми она всегда вставала на Петину сторону.

– И зря Таня катит бочку на Петю. После такой работы сам бог велел зайти в ресторан. С его зарплатой можно целыми днями не выходить оттуда.

Взрослые дочери тоже горой вставали за брата.

Прошло много лет. Как-то моя жена, одна из взрослых сестёр Пети, стала ворчать на меня за то, что я купил пиво. И я сразу же вспомнил, как она с матерью защищала Петю и как критиковала Таню, за то, что она ругала его.

Я засмеялся. Жена строгим голосом:

– Нечего смеяться, я говорю серьёзно.

– А вспомни, дорогая жена, как ты выступала против Тани за то, что она ругает твоего брата за то же самое пиво. Это ведь двойные стандарты: твоему брату пить пиво

позволительно, он заслужил, а мне почему-то нельзя.

Она подумала и тоже засмеялась. С той поры она нередко предлагает, когда мы ходим с ней гулять:

– Может, тебе пива купить?

* * *

Это было время, когда министром культуры СССР была Фурцева. На листке отрывного календаря 7 декабря был напечатан её портрет, потому что это был её день рождения так же, как и маленькой Вали. Вот её мама (*Феденкова Лидия Яковлевна*) и подсказала ей:

– Валька, а ты напиши Фурцевой письмо, пусть тебе подарок какой-нибудь вышлет.

Валя подумала немножко и решила: «А почему бы не написать, небось не бедно живёт. И ещё, не каждый ведь додумается министру культуры письмо написать».

Написала, отнесла на почту и стала ждать. Прошёл её день рождения, прошёл год, второй, вот уже и Фурцевой не стало, вот уже и сама состарилась, и уже давно подарок никакой не нужен... Тем не менее

этот случай вспоминает нередко, слава богу есть, что вспомнить.

* * *

Зашёл разговор о церкви. Валя сказала:

– Я в Бога верю, но попов не люблю. У каждого человека Бог должен в душе быть.

* * *

Купили Кариночке двухколёсный велосипед. Выкатили на улицу, усадили на него Карину и начали учить езде. Вначале её сзади поддерживал дед Зуфар, а когда он уже убежался, инициативу приняла бабушка Валя:

– Давай теперь я побегаю.

Карина, конечно, довольна, знает, что бабушка не подведёт. А та пробежала несколько шагов, подтолкнула велосипед, а сама остановилась. Карина, думая, что бабушка с ней, крутит педали и мчит по улице. А потом почему-то оглянулась, испугалась и упала. Правда не ушиблась. А бабушка ей:

– Ну вот, Кариночка, ты и научилась ездить. Теперь давай сама.

Так с бабушкиной подачи Карина стала самостоятельным велосипедистом. Больше за ней никто не бегал.

* * *

Валя напекла пирогов и решила угостить соседей. Наложила целую тарелку и понесла. Через некоторое время снова затеяла пироги и снова понесла угощение соседям. На этот раз соседка сказала ей:

Валя, не носи нам больше пироги.

– А что не нравятся?

– В том-то и дело, что нравятся. Мой, когда ест их, мне выговаривает, почему, мол, у Вали пироги вкусные, а у тебя нет. То ли руки не оттуда растут. А мне ему и сказать нечего.

**СТЕПАНОВА
ЗИНАИДА
АЛЕКСАНДРОВНА,**
(урождённая Осипова),
жена моего дяди по отцу
*Степанова Геннадия
Ильича, мать Степанова
Игоря Геннадьевича.*

* * *

Работала она в районной библиотеке. Я как любитель книг почти каждый день заглядывал туда. Особенно любил присутствовать при поступлении новинок. Тётя Зина усаживала меня за стол, давала в руки штамп, и я добросовестно ставил оттиски на форзаце, семнадцатой и последней страницах.

А ещё, когда работы для меня не находилось, она давала мне интересную книгу, и я, сидя в уголке, улетал в книжные дали весь день. Благодаря ей я в своё, то есть в детстве, время прочёл книги о Незнайке.

Степанова Евгения Александровна
см. **ШАЙМУРАТОВА ЕВГЕНИЯ**
АЛЕКСАНДРОВНА

СТЕПАНОВА
КРИСТИНА
ВЛАДИМИРОВНА,
Дочь *Степановых*
Владимира
Александровича и
Марины Владимировны,
моя внучка. До десяти лет

жила с нами. После развода родителей уехала с матерью и до седьмого класса находилась с ней в Барабинске. Потом переехала к нам в Ростовскую область и ещё два года прожила у нас. Окончив восемь классов, опять уехала к матери.

* * *

Обычно малыши любят мультики, а Кристина любила рекламу. Она не смотрела её, но как только она появлялась на экране, Кристя слово в слово повторяла её вслух.

* * *

Валя подошла ко мне и присев на колени, обняла меня. Кристина увидела эту сцену:

– У вас что - рэвность?

* * *

Кристинке позволялось всё, кроме одного. Она не могла командовать на моём письменном столе. Ей не позволяли хозяйничать там ни я, ни бабушка.

Но как-то раз она, сооротив жалостливую мордочку, подошла ко мне и тихим жалобным голоском, глядя на стол,

спросила:

– Деда, мозя?

Я понимал, что ей очень хочется потрогать всё, что лежит там. Ведь там лежали запретные плоды: бумага, ручки, карандаши, книги, блокноты.

– Можно, – разрешил ей я.

Она заулыбалась, пододвинула стул поближе к столу, забралась на него и ловкими ручонками стала сбрасывать все предметы на пол, при этом приговаривая громким утвердительным голосом:

– Мозя, мозя!

**СЫЧЁВА
ЕВГЕНИЯ
АНАТОЛЬЕВНА,**

(в девичестве Свириня) моя двоюродная сестра, дочь *Саниной Антонины Павловны*, родная сестра *Саниных Анатолия и Владимира Александровичей*, падчерица *Санина Александра Ивановича*. Отец Свирин Анатолий погиб на фронте.

* * *

Женя училась в техникуме, готовилась стать товароведом. Для нас малышей эта специальность была таинственной и не постижимой умом. А Женя ловко подыгрывала нам.

– Товаровед, – говорила она, – должен знать всё обо всех товарах, которые продаются в магазине. Вот например конфеты «Мишка на севере». Покупатель спросит товароведа:

– А они вкусные?

– Вкусные, – скажет тот.

– А вы их пробовали?

Сказать «нет», покупатель задаст резонный вопрос: «А вы откуда знаете, если сами не пробовали?» Сказать «да» - стыдно, если на самом деле не пришлось попробовать. Чтобы не создавать такой ситуации, на занятиях нам дают обязательно попробовать всю продукцию.

– Правда? – удивлялись мы.

– Конечно, правда, я вас обманывать не собираюсь.

Оставшись одни, мы отчаянно завидовали Жене:

– Вот ведь везёт Свирихе. Всё

попробует. А тут...

А как тут было не завидовать, если в наших магазинах ничего не было. Да если бы и было, кто бы нам купил «Мишку на севере» или «Белочку», разве что «дунькиной радости» граммов двести.

* * *

Есть мудрецы, которые считают, что при советской власти люди были честнее, добрее, приветливее. А вот сейчас весь мир состоит из воров, жулья и подонков. Смеею показать на Женином примере, что это не совсем так. По окончании своего техникума, она начала работать товароведом где-то очень далеко от дома. Не успела освоиться с профессией, как ей вменили какую-то растрату. За неё надо было отсидеть несколько лет. К счастью тётя Тоня (*Санина Антонина Павловна*) имела сбережения, хозяйство, что-то продала, что-то собрала, внесла деньги и от Жени отстали. Конечно по этой специальности она больше не работала.

**ТУДЕНЕВ
ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВИЧ,**

товарищ, учитель, позже директор школы, житель села.. Урлу-Аспак

Горно-Алтайской автономной области

* * *

Мы жили уже в Куйбышеве. Однажды получили телеграмму: встречайте, будем в Барабинске тогда-то, поезд такой-то. В назначенное время в Барабинске я встретил алтайских друзей Владимира Туденева и Виктора Кардаева. От Барабинска до Куйбышева десять километров автобусом. Гости сели рядом впереди, всю дорогу смотрели в окно и тихонько переговаривались между собой.

– Ёлки-палки, – сказал Владимир, – места здесь много. Сколько же гор можно было бы наставить.

Я усмехнулся, каждому своё.

Много лет спустя мы собрались переезжать в Ростовскую область. Валя

(*Степанова Валентина Ивановна*) уехала туда, чтобы купить квартиру и вообще оценить условия проживания там. Когда она вернулась, я задал один вопрос: «Как там?»

– Нормально, – ответила она, – ровно, гор нет.

**ФЕДЕНКОВ
ИВАН
СЕМЁНОВИЧ**

муж *Феденковой Лидии Яковлевны*, отец *Феденкова Петра Ивановича* и *Степановой Валентины Ивановны*, мой тесть. Участник Великой отечественной

войны, воевал с немцами и японцами. Пришёл с фронта только в 1946 году.

Когда я устраивался на работу в редакцию районной газеты «Трудовая жизнь», редактор в качестве испытательной работы предложил мне написать в газету заметку о каком-нибудь интересном человеке. Поскольку никого интереснее

отца я не нашёл, то написал о нём. Он рассказал о том где и в качестве кого воевал, за что получил награды. Оказывается, все эти годы он провёл за баранкой полуторки, практически всё время, начиная с 1942 года, провёл на передовой. На этой же машине проехал через Большой Хинган.

– А страшно было?

– Не то слово, – ответил отец, – а выжил потому, что жить хотелось.

* * *

Мужики сидели за столом, ели, пили, курили, разговаривали о том да о сём. Постепенно градус разговора стал накаляться, пока не перешёл в спор. Суть этого спора: что труднее – бросить пить или курить. Мой тесть практически не пил, но курил по-чёрному. Жена сшила ему кiset и он, как и все остальные мужики, принимавшие участие в этом споре, с удовольствием крутил самокрутки.

– Бросить курить, – сказал он, – самое простое дело. Я, если захочу, сделаю это в один миг.

Понятно, что ему никто не поверил, поскольку курильщик он был отменный.

Тогда отец встал, взял свой кисет и, открыв топящуюся печь, бросил его в огонь. С той поры он ни разу не заикнулся об этом поступке, никогда не взял в руки ни сигарету, ни самокрутку, хотя для жены, которая всю жизнь дымила, как паровоз, покупал их.

* * *

Валя (Степанова Валентина Ивановна) рассказывала, что отец любил брать её за ягодой, потому что она была послушной девочкой и потому, что очень ловко собирала ягоду. Казалось бы просто ходит по поляне, а в итоге у неё уже полное ведро, а у конкурентов и половины нет. Причём ягоды у неё всегда отборные, в то время как у других добрая часть переборке не подлежала.

Нередко, когда находилась хорошая поляна, отец, увидев других ягодников, командовал:

– Валька, ложись.

И та, как послушная девочка, падала в траву. Это для того, чтобы конкуренты не заметили, что они на ягодной поляне.

* * *

Вернулся с фронта, имея контузию. Как-то раз ему дали путёвку в один из крымских санаториев. Вернулся домой довольный, поправившийся, привёз подарки и целый мешок лаврового листа, семена, а может, и саженец лавра, а также страстное желание уехать в Крым на постоянное место жительства. Но не всегда наши желания совпадают с возможностями. Не совпали они и у него. Семейные обстоятельства оказались намного убедительнее. Так Иван Семёнович и прожил всю жизнь в Сибири.

* * *

Жена (*Феденкова Лидия Яковлевна*) была курящей женщиной. В годы, когда в продаже не было никаких табачных изделий, отец где-то находил папиросы и привозил их. Дочери нередко выговаривали отцу:

– Папа, не вози ей папиросы, пусть бросает, нечего дымить, как паровоз.

Отец успокаивал детей одной фразой:

– Вы что хотите, чтобы мать на улице окурки собирала?

* * *

Мы уже несколько месяцев жили в Урлу-Аспаке, вели приём больных, ходили по селу на вызова и всегда с нами был Вовка, оставить его было не с кем. А тут узнаём из телеграммы, что в гости приезжает отец. Конечно, мы обрадовались, я, взяв пару коней, поехал встречать его.

Надо заметить, что время доехать до нашей деревне можно было или верхом на лошадке или на гусеничном тракторе. С грехом пополам мы всё-таки добрались до дома. Он-то уже много лет не гарцевал в седле.

Пожил отец у нас несколько дней и сказал:

– Собирайте Вовку, я его забираю с собой. Мы пробовали сопротивляться, но он сказал твёрдо:

– Я не позволю, чтобы внук жил в таких условиях. Это же кошмар какой-то. Гляжу, бабка едет на лошади верхом, пьяная, трубку сосёт, спит, а песню мурлычет. Это бабка, а что о других сказать можно.

**ФЕДЕНКОВА
ЛИДИЯ
ЯКОВЛЕВНА,**

жена *Феденкова
Ивана Семёновича,*
мать пятерых детей, в
том числе *Феденкова
Петра Ивановича,*
Степановой

Валентины Ивановны, моя тёща.

* * *

– Материнское сердце всегда болит. Вот приехала Валька, ездила то ли в Томск, то ли в Омск за сапогами, а привезла чужого дядю, то есть меня.

– Это мой муж, – сказала она.

Мать с отцом только руками развели.

– Что ж, живите.

Мы послушались и стали жить. Но мать это не устроило:

– А вы собираетесь расписываться? Если уж жить, то по закону.

– Собираемся, только у нас сейчас денег нет.

– А сколько надо?

– Два пятьдесят.

– Вот жених так жених, – пошла в комнату и вынесла деньги. Идите подавайте заявление.

* * *

Кто-то пожаловался ей;

– Что-то, Яковлевна, у меня ноги болят. Что не пробовала, всё без толку. А у тебя ноги не болят?

– Болят, но я лекарство знаю.

– Ох, научи, будь добрая.

– Хорошо, слушай. Берёшь бутылку водки, выпиваешь, а пустой бутылкой растираешь больные места. До утра ничего не беспокоит.

* * *

Сидит бабушка Лида с внучкой, держит её на руках. А внучке года три-четыре. Бабушка ей на полном серьёзе говорит:

– Держись, Наташка, за Филичкина, не пропадёшь.

– А кто такой Филичкин? – заинтересовалась та.

– Да вот он, – бабушка похлопала себя по груди.

И тут же Наташа ухватила её за кофту и прижалась к ней, поняла, что пока Филичкин дома надо крепче держаться за него.

* * *

Пришёл Иван Быков (*Быков Иван Иванович*) с фотоаппаратом:

- Садитесь все, сфотографирую.

Молодёжь, естественно, кинулась к шкафам и шифоньерам, не садиться же перед объективом в домашнем затрапезном платье.

– Мама, – кричат девчонки, – иди, переоденься. Что у тебя одеть нечего?

– Ничего страшного, я и в этом лучше вас получусь.

Когда Иван принёс фотографии, к нашему удивлению, всё так и вышло, на ней она была лучше всех.

* * *

Тёща: нашёл – молчи, потерял – молчи.

* * *

Когда мы с Валеёй (*Степанова Валентина Ивановна*) поженились, я

нередко звал её Валюхой. Тёще, видимо, это не нравилось, и однажды она напустилась на меня:

– Что ты её всё Валюха да Валюха. Она ведь тебя не зовёт Сашухой.

Пелена спала с моих глаз, и больше я Валю так не называл, хотя замечание матери ранило моё самолюбие.

* * *

Поздняя осень, пришли настоящие сибирские морозы. Хозяева начали убирать лишнюю скотину. Тесть тоже собрался зарезать свинью. Утром сходил к соседям, взял для такого случая ружьё. Занёс его в дом, поставил в уголок, а сам присел за стол, решил позавтракать. В это время приговорённая свинья вырвалась на волю и пошла шататься по ограде. Она проверила все уголки, не нашла ничего интересного и в конце концов подошла к окошку. Тёща выглянула в тот же самый момент, когда в комнату заглянула животина.

– Чего заглядываешь, – пошутила хозяйка, – видишь, что для тебя приготовил хозяин?

Она взяла ружьё и погрозила им

свинье.

Та, видимо, поняла и отошла от окна, а потом и вовсе скрылась в сарае. Отец позавтракал, оделся, взял ружьё и вышел на улицу, однако через секунду забежал в дом.

– Мать, – закричал он, – иди скорей. Там что-то случилось.

– Ну вот, – недовольно заворчала она, – без меня свинью зарезать не может.

Тем не менее, на улицу пошла, и увидела, что резать ли, стрелять ли уже было некого. Свинья была дохлой.

Отец уверял, что у неё от испуга случился какой-то катаклизм. Мать же винила во всём отца. Кто из них был прав, не знаю. Я не верил в то, что животное может понять смысл сказанных слов до тех пор, пока со мной не приключилась подобная история.

Мы с женой (*Степанова Валентина Ивановна*) жили в Серебрянке, как водится водили скот. Были у нас и куры. Однажды купили каких-то породистых цыплят, вырастили их. Это были очень крупные птицы какой-то мясной породы. Осенью я ликвидировал всё поголовье, а вот одну курочку оставил. Уж больно она красивой

была: белая-пребелая и пушистая, как будто наряженная в кружевное подвенечное платье. Я честно говоря полюбил её и прозвал «Гундаревой». Не знаю чем, но мне она напоминала эту великую артистку.

Зиму она пережила нормально, однако в тесноте курятника потеряла всю прелесть, всё обаяние и превратилась в обычную заштатную курицу, которую не было смысла кормить, поскольку нестись она отказывалась, видимо, считая это занятие не царским делом.

Однажды я проходил мимо её, разгуливающей во дворе и шутя сказал:

– Не вертись под ногами, приду назад и отрублю тебе голову. Хозяйка супа наварит с курятиной.

Через несколько минут я возвращался назад. Недалеко от тропинки лежаладохлая курица. Как вы, наверное, догадались, это была «Гундарева». Вот и думайте теперь, понимают животные человеческий язык или нет.

* * *

Когда на свет появился Вовка (*Степанов Владимир Александрович*), мы с женой ещё учились в медучилище. Опыта

обращения с ребёнком у нас не было, зато знаний, полученных из курса «Педиатрия» хватило бы на десятерых. Кормить ребёнка мы начали по часам, причём у молодой мамы молока не хватало, заменяли его то свекольным, то морковным соком. А он кричал день и ночь, не давая роздыху ни нам ни себе. Тёща не раз говорила, что ребёнок просит есть, а мы выдерживали режим, а когда подходило время кормления давали вместо груди разведённые водой соки.

Однажды мы прибежали с занятий, тихонько вошли в дом и удивились, сын не кричал, а безмятежно спал, с удовольствием посапывая в две дырочки.

– Вовка спит что ли? – удивились мы.
– Как ты его уложила? – это вопрос к матери.

– Да никак, дала ему молока...

– Коровьего, – в ужасе закричали мы,
– не разведённого?

– Коровьего, неразведённого, – продолжила она, не обращая внимания на наши вопли, – он наелся и вот, результат на лицо. Перестали бы вы уже издеваться над ним. Эта ваша наука до добра не доведёт.

Гораздо позже мы усвоили эту простую житейскую науку: хочешь, чтобы ребёнок рос не по дням, а по часам, при этом спокойным, радостным и здоровым, корми его не по учебнику, а как говорят старшие.

* * *

По окончании училища судьба забросила нас в село Куликовка Чулымского района Новосибирской области. Жена устроилась медсестрой, я – санитарным фельдшером. Сыну было месяцев десять от роду, когда мы были вынуждены отдать его в детские ясли.

Через некоторое время в гости приехала тёща, посмотреть, как мы устроились, поведиться с внуком. Мы были несказанно рады этому визиту. Ещё бы сын присмотрен, обед всегда сварен, в квартире прибрано.

Однако этой идиллии скоро пришёл конец. Однажды, вернувшись с работы, мы не увидели ни сына, ни бабушки. На столе лежала записка: «Мы с Вовкой уехали домой. Захотите, приезжайте сами».

**ФЕДЕНКОВ
ПЁТР
ИВАНОВИЧ,**

сын *Феденковых Ивана Семёновича* и *Лидии Яковлевны*, мой шурин, брат моей жены *Степановой Валентины*

Ивановны

* * *

Петя любил ездить на озеро Сартлан. Есть такое в Новосибирской области, километрах в двухстах от Куйбышева. Иногда один, иногда с семьёй. Там хорошо отдыхалось, была неплохая рыбалка, в крайнем случае, всегда можно было по дешёвке купить рыбу у местных рыбаков. Как-то он привёз много рыбы, засолил её, завялил, развесив на балконе.

Поженившись, мы с Вале́й (*Степанова Валентина Ивановна*) частенько ходили к Феденковым в гости. И Петя, и Таня (*Феденкова Татьяна Александровна*) были очень

гостеприимными людьми, а к нам относились, как к родным детям. Только и слышно было от них: «Саша, Саша, Валюша, Валюша».

Однажды, когда рыба, которую Петя привёз с Сартлана, уже провялилась, он принялся угощать нас. Валя на рыбу смотрит равнодушно, А я, если сказать честно, никогда не ел такую, потому что вырос в деревне, где не было ни реки, ни озера, ни поганого болота, где водилась бы рыба, однако с видом знатока принял угощение. Я брал рыбку, отрывал ей брюшко, очищал спинку и ел. Рыба была вкусной, а потому горка оторванных брюшек росла, как богатырь в сказке, не по дням, а по часам.

Петя смотрел на мои выходки поначалу спокойно, но потом душа его не выдержала. Взыграла не жадность, он никогда не был жадным, а то чувство рыбака, который видит, как бездарно уничтожаются его собственные труды.

– Нет, Саша, так рыбу не едят. Брюшко выбрасывать на помойку не годится. Надо каждую косточку обсосать, тогда вкус рыбы поймёшь.

Тут он прочитал мне целую лекцию на тему правильного и рационального поглощения вяленой рыбы. Мне было очень стыдно за то, что я не удосужился прежде, чем пожирать рыбу, посмотреть, как это делают старшие, которые при том ещё и рыбаки.

* * *

Что скажешь. Любили мы с Петей посидеть, поговорить о жизни, а как только разговор уже не удовлетворял русские души, переходили на песню. И тогда в застолье слышалась эта песня.

*Споёмте, друзья, ведь завтра в поход
Уйдём в предрассветный туман,
Споём веселей, пусть нам подпоёт
Седой боевой капитан.*

Женщины смеялись над нами. А мы, дураки, радовались этому, и думали, что война от нас далеко и нам не придётся воевать.

Может быть, женщины были правы, нельзя ведь будущее принимать всерьёз, и для чего петь такие страшные песни.

**ФЕДЕНКОВА
ТАТЬЯНА
АЛЕКСАНДРОВНА,**

жена Феденкова Петра Ивановича, мать троих детей. Всю сознательную жизнь прожила в городе Куйбышеве. По окончании техникума работала аппаратчиком на химзаводе на вредном производстве. Говорили, что там вырабатывали ядовитое топливо для ракет. В таких условиях отработала она на производстве тридцать лет. Любимым её занятием были лыжи, любовь к ним передала и своим детям.

**ЧЕЧЁТКИНА
ВЕРА
ПАВЛОВНА,**

мой учитель по биологии и анатомии в медицинском училище. Она была умным и грамотным преподавателем и педагогом,

добрейшей души человеком.

Каждый год 1-го сентября в училище разыгрывалась маленькая трагедия. Дело в том, что все зачисленные в училище абитуриенты приказом директора распределялись по трём группам – две из них фельдшерские и одна акушерская. Будущие фельдшера претензий ни кому не предъявляли, а вот акушерки поголовно шли в канцелярию и требовали или упрашивали перевести их в фельдшерские группы. Никто не мог сладить с недовольными: ни завуч, ни директор, ни врачи, ни педагоги.

И тогда в ход шла «тяжёлая артиллерия» в лице Веры Павловны. Она собирала всех недовольных под своё крыло, вводила их в свободную аудиторию и... Что уж она говорила им, не знаю, и вообще никто не знает, но девчонки после беседы выходили довольными и умиротворёнными. Все жалобы тут же отменялись.

Через такое же собеседование прошла и моя жена (*Степанова Валентина Ивановна*). Но и она не рассказала, о чём же беседовала с ними Вера Павловна.

**ШАЙМУРАТОВ
АЛЕКСЕЙ
ЗУФАРОВИЧ,**

муж *Шаймуратовой
Евгении Александровны,*
отец *Шаймуратовой
Карины Алексеевны,* мой
зять. Родился и вырос в
Волгодонске Ростовской
области, поступил в

Новосибирский педагогический институт, где и познакомился с моей дочерью. Дочь сразу же назначили старостой группы, поэтому она собирала фотографии на какие-то документы. Однажды, приехав на выходные домой, она прихватила с собой их. Мы посмотрели фотографии, мать прокомментировала некоторые из них.

А позже, оставшись с Женей один на один, спросил:

– А симпатии у тебя среди этих людей нет?

Шёпотом:

– Есть. Только ты маме не говори.

– Ну-ка, покажи.

Она отыскала фотографию.

– А почему маме нельзя говорить?

У неё на глазах навернулись слёзы:

– Потому что она назвала его уголовником, а он хороший. – И заплакала.

* * *

Лёша страдает, разболелся зуб. Я Жене:

– Отправь ты его в больницу.

– Никуда он не пойдёт. Он больше всего на свете боится уколов и зубного кабинета.

* * *

Лёшиным способностям учиться можно только позавидовать. Нет на земле специальности, которую он не сумел бы освоить за несколько дней. После института работал в школе, преподавал историю, хотя науку эту в институте не учил, да и дома не сидел за учебниками, а претензий ни от учеников, ни от родителей, ни от руководства не поступало. Ни одного дня не учился шоферскому делу, а опытных водителей затыкал за пояс. Захотел стал мастером отделочником. Несколько лет работ на коттеджах и тоже с большим успехом. Богатые и влиятельные люди

наперебой пытались получить его на свои новостройки. Проще сказать о нём избитой фразой: «Человек, у которого всё горит в руках, или Человек, у которого руки растут из правильного места». Когда это надоело ему, ушёл работать на атомную станцию мастером, а через полгода и инженером. Мы все только диву даёмся: как ему удаётся все знания и умения упаковывать в своей голове. Другому человеку подобный объём и за всю жизнь не накопить.

**ШАЙМУРАТОВА
ЕВГЕНИЯ
АЛЕКСАНДРОВНА**

– моя дочь в браке
со *Степановой*
Валентиной Ивановной,
жена *Шаймуратова*
Алексея Зуфаровича, мать
Шаймуратовой Карины
Алексеевны.

* * *

Женя училась в начальной школе, была совсем крохой. Мы с женой работали

в больнице, целыми днями мотались по деревням, выхаживали больных. Однажды возвращались домой усталые, голодные. Походим к дому, а Валя (*Степанова Валентина Ивановна*) говорит:

– Интересно, наше бельё на верёвке висит. Кто же его постирал?

Заходим домой:

– Женя, а кто наше бельё постирал?

– Я.

– Миленькая, да зачем ты это делала, его и взрослому человеку стирать тяжело?

Надо понять, что стирала она на руках, без каких-либо технических приспособлений.

– А я не устала. Я ещё и картошки наварила.

Тут уж мы вообще чуть в обморок не упали от радости, конечно.

* * *

Сидит с бабушкой Ниной (*Степанова Нина Павловна*), листает книжку «Волшебник Изумрудного города». Сама читать ещё не умеет, но цветные картинки привлекают, тем более бабушка уже читала её.

– Бабушка, а Эля Лева рубит, – говорит он бабушке тоном, не допускающим возражений, точь в точь как их воспитатель в детском саду.

– Да что ты, Женечка, – открещивается от этих слов бабушка, – зачем же она будет Льва рубить?

– Нет, бабушка, она его не рубит, а рубит, – видя, что бабушка не понимает её, уточняет, – ну, жалеет.

– Любит что ли?

– Рубит, бабушка, сильно рубит.

* * *

Говорит: «суночка», «ножмицы». Поправляем её:

– Правильно говорить «сумочка», «ножницы».

– Нет, я правильно говорю. «Суночка», потому что в неё всегда что-нибудь суют, а «ножмицы», потому что на них нажимают.

Однажды она раскашлялась. Я услышал и спрашиваю:

– Ты что так перхаешь, подавилась или простыла?

Она это запомнила и как-то слышу в

разговоре с девчонками на полном серьёзе заявляет:

– Я болела, у меня перхотка была.

Как-то прибегает домой в слезах.

– Ой, мама, у меня зануидка, – а сама ручкой трясёт, видно, что больно, тем более ещё и напугалась.

– Что такое, что случилось? – мать тоже напугалась, подскочила к ней. А у дочери и в самом деле трагедия, на пальчике образовался заусенец, который она упорно называла зануидкой.

А чёлку она называла пчёлкой, а пояс у неё был поездом.

Попрыгай и ешь пироги

Валя стряпала необыкновенно вкусные пироги. Когда Женя и Лёша учились в институте и приезжали домой в гости, Валя специально готовила пирожки и блины, чтобы они могли взять их с собой в город. Там, считала она, хоть несколько дней им не надо будет заботиться о пропитании. Перед отъездом Валя с Женей укладывали пироги в сумку, а Женя тут же командовала:

– Лёша, ешь пироги.

Тот уже давно наелся и всячески отговаривается:

– Женя, я уже не хочу, я уже объелся.

– Ешь, командует та, – а то не успеем в вагон сесть, начнёшь канючить: «Дай пирожка, да дай пирожка». Ешь, говорю тебе.

– Да не могу я.

– А ты через «не могу», встань, попрыгай да ещё съешь.

* * *

Наступила осень, пришла пора убирать урожай. В наших местах самым тяжёлым делом сталась копка картофеля. Не потому, что целыми днями надо работать согнувшись, а потому что огороды были безмерными, а часто и не по одному и не по два. Наш огород был в Кузьминке, бывшей деревушке, что находилась в двух километрах от Серебрянки. В один из выходных собрались и мы, сложили в мотоцикл вёдра, мешки, лопаты. Жене в то время было лет пять или шесть.

– Что, дочура, поедешь с нами?

– А зачем?

– Картошку копать.
– А я не умею.
– Да что там уметь. Будешь из земли её выбирать и в ведро складывать.

Тут в наш разговор и мать вмешалась:
– Поехали, мы тебе за каждое выкопанное ведро картошки будем давать по десять рублей.

Этот аргумент перевесил все остальные, которые приводил я. Такие как, например, картошка – это второй хлеб, человек должен трудиться, чтобы хорошо жить и прочие.

Приехали в Кузьминку, я принялся подкапывать кусты, Валя с Женей взяли вёдра. Работа пошла споро. Слышим:

– Мама, я уже ведро набрала.
– Умница, дочь, набирай ещё.
Прошло её несколько минут.
– Мама, я ещё ведро набрала. Это сколько денег будет.

– Двадцать рублей.
– Мам, а у меня что-то спина устала.
– Отдохни немного.
Через некоторое время:
– Мам, мне двадцать рублей хватит. Я пойду в мотоцикле посижу.

Так и закончилась эпопея по трудовому воспитанию дочери. Но, по-моему, в её детском сознании этот эпизод оставил свой след. Она уже тогда поняла, с каким трудом зарабатываются деньги.

* * *

Время было безотрадное. В магазинах ни сладостей, ни фруктов, даже несчастные яблоки продавали один раз в году. Осенью привозили какие-то заморыши, но и их в течение нескольких часов расхватывали страждущие люди.

Кто-то на работе угостил меня большим красивым яблоком. Такие можно было купить только на рынке в Новосибирске. Принёс я его домой, хотел отдать Жене, но она была ещё в садике. Я возьми и сунь его в стол. Вечером попросил её достать что-то из стола. Она полезла в него и увидела яблоко. Бежит радостная ко мне:

– Папа, смотри какое яблоко я нашла.

– Где же ты его нашла? – делаю изумлённые глаза.

– У тебя в столе.

– Надо же, – продолжаю удивляться я, – как оно попало туда? Мать, ты не клала яблоко в мой стол?

– Нет, – подыгрывает она.

Довольный ребёнок вмиг съел его. Я считал, что этот безобидный розыгрыш с исчезновением яблока быстро сотрётся из детской памяти. Ан нет, Через много лет Женя призналась, что чуть ли не каждый день заглядывала в мой стол:

– А вдруг там окажется ещё одно яблоко.

* * *

Мы жили в Серебрянке в благоустроенной квартире. Потом по случаю купили домик на земле в центре деревни. Там мы устроили свою «фазенду», то есть вели личное подсобное хозяйство. Ранней весной мы переехали в этот дом с тем, чтобы летом пожить на земле, а не маяться от жары в многоквартирном доме.

Однажды на улице резко похолодало, Валя собираясь провести ночь в комфорте, протопила печь. Прошло уже много времени, печь протопилась.

– Женя, – позвала Валя дочь, – прикрой поддувало.

Та послушно выбежала в кухню. Мы слышали, что она ходит по кухне, что-то бормочет себе под нос, взяла табуретку и куда-то потащила её.

– Ты что там делаешь?

– Ничего. Поддувало ищу.

Кто бы мог подумать, что девочка живущая в деревне, не знает что такое поддувало. Но так получилось, в процесс познания вмешалась цивилизация с её центральным отоплением.

* * *

Посадил я несколько кустов красной смородины и облепихи. А потом на это же место среди кустов поставил штук пять ульев. Получилось вроде бы здорово и мёд, и ягоды в одном месте. Одни растут, другие работают, жизнь не стоит на месте.

Надумала Валя сварить компот, позвала она Женю и вместе пошли собирать красную смородину, благо уродилась она на славу. У Вали ведро, у Жени кружка. Валино ведро стоит на земле ни кому не мешает, а Женина кружка на земле не стоит,

всё норовит на бок завалиться. Вот она и приспособилась ставить её на крышку улья. Вначале пчёлы ничего понять не могли, откуда раздаётся это постоянное «стук да стук», а потом сообразили, что кто-то снаружи посягает на их собственность. Они, конечно, обиделись, выскочили на улицу и увидели маленькую девочку в купальнике, которая мешала им жить спокойно. Понятно, что они тут же пошли на неё в атаку.

Такого крика не слышал никто со времён Великой Отечественной войны. Дочь сорвалась с места и рванула в поисках укромного уголка. Можно было бы скрыться в бане, которая находилась рядом, но в напуганном сознании дочери этот вариант не нашёл места, ведь там никого не было, кто мог бы защитить её. Поэтому она и рванула к бабушке, которая жила на другой стороне улицы. Она бежала, отмахивалась от преследующих её пчёл и истошно кричала. Голос её раздавался по всей округе.

Что интересно, несмотря на то, что пчёлы были озлоблены, ни одна из них Женю не ужалила. Назавтра одна из соседок, слышавшая этот крик, спросила у Вали:

- А что у вас такое случилось?
– Ничего, – ответила та, – почему вы решили, что у нас что-то произошло?
– Ну как почему, Женя так кричала.

* * *

Тётя Таня (*Лебедева Татьяна Петровна*) пригласила Женю к себе в гости в Новосибирск. Та обрадовалась, загорелась, да и как не обрадоваться, если тебе всего-навсего восемь лет. Мы долго отговаривали, даже упрашивали. Но в конце концов согласились:

– Ладно, поезжай, посмотри как люди в городе живут. – А тётё Тане наказали, в случае чего звонить.

Мы думали, что она позвонит дня через три-четыре, а на самом деле звонок раздался уже вечером.

– Саша, приезжай за ней, плачет, как будто мать родную потеряла.

Назавтра поехал привёз домой.

– Ну что ты там ревела?

– Ничего, просто подумаю, что с вами там что-нибудь случилось, так слёзы сами текут.

* * *

Как-то сидели, разговаривали. Валя возьми и скажи, мол, хорошо куда-нибудь съездить, в гости, например, к кому-нибудь.

– Можно, поддержал её я. – Вот, например, к Вовке Санину. Можно у него погостить, а потом в Одессу завернуть.

– А как туда добираться?

– Можно на поезде, но проще на самолёте до Кишинёва, а там рукой подать.

Женя внимательно слушала нас, а потом говорит:

– А я знаю, где этот Кишинёва.

Мы удивились:

– Интересно откуда ты знаешь?

– А мы с бабой Таней проезжали мимо.

Это конечно было весело. Действительно под Новосибирском есть станция Коченёво. Малышка, малышка, а надо же запомнила довольно-таки мудрёное татарское название.

**ШАЙМУРАТОВА
КАРИНА
АЛЕКСЕЕВНА,**

моя внучка, дочь
*Шаймуратовых Алексея
Зуфаровича и Евгении
Александровны*

* * *

Скоро Новый год, люди готовятся к этому празднику заранее. Купила и Женя баночку красной икры для бутербродиков. Кариночка тоже радуется, хоть ещё и маленькая, но уже всё понимает, тем более икру она любит.

Но на беду, за несколько дней до праздника она заболела, вернее, заболел живот, врач прописал лечение и в первую очередь диету: ничего жареного, солёного и копчёного. Женя ведёт её из больницы и говорит:

- Вот и встретили Новый год, ничего тебе есть нельзя, да я ничего и готовить не буду.

И вдруг Карина сморщила нос и уже

собралась заплакать.

– Ты чего? – удивилась мать.

– Ничего, – сопя носом ответила она.

– Только куда мы теперь икру денем?

* * *

Порезал палец, забинтовал его и хожу уже второй или третий день. Кариночка увидела:

– Деда. а что это?

– Ерунда, палец порезал, вот забинтовал его.

На следующий день собрался разбинтовать палец, но повязка сама соскочила. Поглядел, рана уже зажила, значит надевать повязку больше не надо. Как всякий нормальный мужик, пристроил её на подоконнике, мол, потом пойду и выкину в мусорное ведро. Как сказал, так и сделал. Ушёл, а повязку оставил на подоконнике. Кто-то другой, может быть, и не обратил бы на неё внимания, но Кариночка увидела. Увидела и перепугалось. Бежит к бабушке и во весь голос кричит что-то непонятное. Та тоже в панику, что там с ребёнком случилось.

– Что с тобой, Кариночка?

– Ой, баба, дед себе палец отрезал и на окно положил.

– Ох, ох, – заохала ничего не понявшая бабушка и побежала в комнату вслед за внучкой, – да где же он, палец этот?

– Да вон, – со страхом показала она на «палец».

– Кариночка, внученька, это же не палец, это повязка с дедова пальца.

Смех и горе, но из памяти ребёнка этот случай до сих пор не стёрся.

* * *

Бабушка поставила во фляге брагу. Чтобы не заморозить её, укрыла старой курткой, пустые рукава которой сложила крест накрест впереди. Кариночка была ещё совсем маленькой, никто и не подумал, что она обратит внимание на эту флягу.

Прибегает к бабушке, вытирашив глаза:

– Баба, а у нас бабайка есть.

– Какой-такой бабайка? Нет его у нас, и вообще бабаек не бывает.

– А у нас есть.

Не хотелось бабушке спускаться по

лесенке вниз, но пришлось.

– Где твой бабайка, веди, показывай?

Карина подвела её к ванной.

– Открывай дверь, он там стоит.

Открыла бабушка дверь и правда стоит фляга, как самый настоящий бабайка.

* * *

– Я в старый город не поеду.

– Почему?

– Там одни бабайки живут.

– Кто тебе сказал?

– Я сама знаю.

Прошло совсем немного времени и бабушка с дедушкой Шаймуратовы купили квартиру в старом городе.

Как-то бабушка Валя спросила её:

– Карина, а твои баба Таня и дед Зуфар – бабайки?

– Нет,— резко ответила она.

– Ну как же нет. Они ведь в старом городе живут, а там, ты сама говорила, одни бабайки.

– Это чужие – бабайки, а баба Таня и дед Зуфар – наши.

* * *

Баба Валя, когда что-то беспокоит её, нет-нет да вздохнёт тяжело и проговорит:

– Ох, боже мой.

Кариночке и двух нет, ходит по комнате и приговаривает:

– Бозя мой, бозя мой.

– Карина, что ты говоришь?

Молчит.

– Повтори, пожалуйста.

– А на хлена?

Это тоже баба Валя.

– Карина, так не надо говорить.

Лучше бы и не совал свой нос, куда не следует. Через каждую минуту, то «Бозе мой», то «А на хлена».

* * *

Женя рассказывает:

– Идём по улице всё нормально, разговариваем о том, о сём. И вдруг Карина замечает пробку от бутылки пива и сразу оживляется:

– Это папа наш пил.

– А мне стыдно, хоть глаза закрывай. Как будто это я пробки по улице раскидывала.

* * *

Женя идёт с Кариной мимо сбербанка.

– Ой, дочка, давай в банк зайдём, деньги на карточку положим.

– А зачем наши деньги на эту карту ложить. У них что ли своих денег не хватает?

* * *

Карина заняла призовое место в конкурсе рисунков и её направили в Москву для награждения и знакомства с Академией художеств и прочего. Поехали они с мамой, провели там несколько дней, побывали на всех официальных мероприятиях, посетили Третьяковку и вообще побродили по новогодней Москве. Кариночку так впечатлила столица, что она несмотря на усталость, твёрдо заявила:

– Вы как хотите, а я буду жить в Москве.

В жизни бывают всякие повороты. Кто знает, может, и её пожелание исполнится.

**ШАЛИН
АНАТОЛИЙ
БОРИСОВИЧ,**

новосибирский
писатель-фантаст,
руководитель
Новосибирского

отделения Союза

писателей России, главный редактор журнала «Новосибирск», член редколлегии журнала «Сибирские огни». Благодаря его поддержке я стал полноправным членом Новосибирской писательской организации. А познакомились мы в день, когда вышел первый номер городского общественно-художественного журнала «Новосибирск». Я зашёл к нему в кабинет. Он познакомил меня с Агнессой Лой – ответственным секретарём редакции, с Нелли Закусиной я был уже знаком. В редакции царило приподнятое настроение у всех сотрудников, шло обсуждение журнала. Случилось это 22 июня 2001 года. Я попросил их продать журнал. Тут же мою просьбу удовлетворили. Шалин

собственноручно подписал его: «Саше Степанову – будущему автору журнала и первому покупателю этого первого номера первого городского журнала Новосибирска». Слова Анатолия оказались пророческими. Уже во втором номере была опубликована моя подборка стихов.

С тех пор мы часто встречались с ним, а когда я переехал в Ростовскую область, постоянно переписывались. Он дарил мне свои книги, а также высылал все выпуски журнала, в которых печатались мои стихи.

ШИПИЦЫН
АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,
коллега, инструктор Чулымского
райкома партии

* * *

Саша Пастушенко пил практически ежедневно. Утром, как всегда, сидит мрачный, жалко на него смотреть, явно страдает с похмелья. Заходит Алексей Алексеевич, смотрит на него и вроде бы с удивлением спрашивает:

– Саша, ты почему такой мрачный, на

тебя даже смотреть страшно?

– Голова болит, – честно отвечает Саша.

– Брось ты, – смеётся Алексеевич, – не может голова болеть. Это ведь кость!

* * *

В партийной организации райкома партии существовало правило: один раз в месяц на партсобрании заслушивался отчёт о работе какого-нибудь деятеля из низшей иерархии.

Сегодня отчёт о работе инструктора РК КПСС Алексея Алексеевича. Безусловно, он подготовился к собранию, поэтому уверенно и бодро рапортует о своих трудовых успехах. В том числе о работе в первичных партийных организациях, о связях с агитаторами и пропагандистами на местах, о постоянной самоподготовке.

– Кстати, – сказал он вроде как бы мимолётом, – у меня дома, наверное, у единственного работника райкома партии имеется полное собрание сочинений Владимира Ильича Ленина, к наследию которого я обращаюсь практически ежедневно.

На другой день я поинтересовался у него:

– Алексеевич, сознайся честно, где ты взял это полное собрание сочинений?

Он засмеялся:

– Не поверишь, у меня есть друг, который живёт за линией (линия – это железнодорожный путь, который разделяет Чулым на две неравные части). Однажды мы с ним загуляли, а когда дошли до высшей точки опьянения, он показал мне это собрание сочинений и сказал:

– Ты, Лёха, человек продвинутый, если хочешь, забирай эти книги. Ты их, конечно, не дотащишь, так завтра приезжай на машине.

– Ерунда, – сказал я, – складывай их в мешок.

Он и сложил. Как я тащил их, знает только Бог. Помню, что через железнодорожные пути перетаскивал мешок, лёжа на животе. Но зато сейчас они стоят у меня в шкафу, я каждый день смотрю на них и думаю, а на шута они мне нужны. Нашёлся бы человек, который согласился их забрать, я бы сам отнёс их ему.

Я, конечно, люблю книги, но не до такой же степени.

* * *

Умер Брежнев. У райкомовцев много дел. Обзваниваем партийные комитеты и бюро предприятий, учреждений, организаций, объясняем, что надо вывесить траурные флаги, провести митинги, организовать партийные собрания и прочее и прочее.

К концу рабочего дня вроде бы всё сделали, в городских и сельских организациях подошли с пониманием к нашим рекомендациям. Расслабились и мы: инструктора собрались в одном кабинете, кто-то курит, кто-то рассказывает интересные байки.

И вдруг звонок. Какой-то неизвестный гражданин, он так и остался неизвестным, ехидным голосом сообщил, что на воротах Орс (была в Чулыме такая торговая организация) висит чёрный флаг. Алексей Алексеевич, старейший инструктор, решил самолично сходить на место и разобраться что к чему, благо Орс располагался неподалёку от райкома. Идти

одному ему не хотелось, и он позвал с собой меня.

Через две минуты мы уже подходили к орсовской конторе. Действительно, над воротами, что вели на территорию предприятия, развевался чёрный флаг с красными полосками, нашитыми по краям.

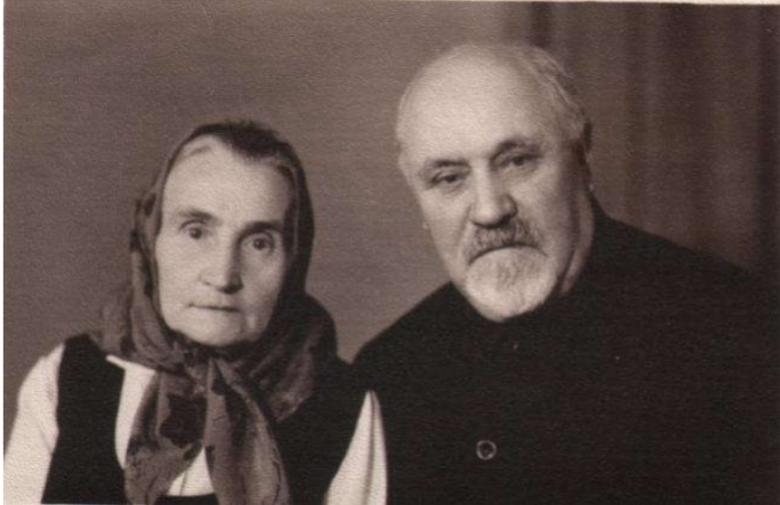
Мы ещё ничего не успели сказать или сделать, как из ворот вышел чумазый мужик, видимо механизатор, с ломом в руках. Со словами: «Чёртовы пираты» – он хватил ломом по древку, и флаг отлетел далеко в сторону. Не глядя на него, и не подняв, он смачно выругался и зашагал опять вглубь территории.

В ту же минуту из конторы выскочили два мужичка, которые начали приколачивать на освободившееся место правильный флаг. Мы с Алексеем Алексеевичем посмеялись и, не вмешиваясь в революционный процесс торгашей, отправились по домам.

ШИРОВЫ

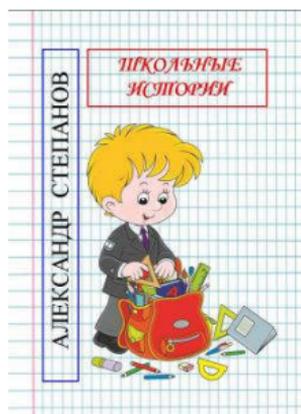
Дедушка Степан – родной брат матери бабушки Анисьи (*Бунеева Анисья*)

Сергеевна). Жили они с бабушкой Мариной в Алма-Ате у дочери. Как-то мы с женой решили совершить туристический вояж в Алма-Ату. Нам там ни чего не было надо,

просто хотелось побывать в новом месте, посмотреть город и просто отдохнуть. Остановиться мы решили у Широных. Дедушка Степан и бабушка Марина приняли нас радушно, а потом с работы пришла их дочь. Ей мы не понравились. Я слышал, как она выговаривала родителям претензии по поводу нашего приезда. Переночевали мы правда там, но на второй день нашли гостиницу, где счастливо провели остальные до отъезда домой дни.

Дедушка Степан после нашего отъезда написал маме (*Степанова Нина Павловна*) письмо, в котором просил прощения за поведение дочери. Жаль, что мне не удалось познакомиться с ними поближе, но тем не менее в моей памяти они остались светлым пятном.

«ШКОЛЬНЫЕ ИСТОРИИ»,

книга рассказов для детей, выросла из сборника «Рассказы из 3»а» класса. Та книжка была написана для внучки, которая в то время училась в третьем классе. Позже к этому сборнику присоединились рассказы из первого, второго и четвёртого классов. Была у меня задумка писать и дальше по мере взросления внучки, но не вышло. Для старшекласников надо было писать что-то более серьёзное, а размещать под одной обложкой рассказы для первоклашек и десятиклассников, на мой взгляд, было бы

не целесообразно. В книге 23 рассказа на 146 страницах, работа над ней завершена в 2015 году.

**ШУМАКОВА
ВАЛЕНТИНА
ФЁДОРОВНА,**

медицинская сестра
Серебрянской
участковой больницы,
проработала в ней не
один десяток лет,
завоевала уважение
сельчан не только
родного села, но и

всех окрестных деревень, неистребимой энергией, знанием своего дела. Моя первая учительница, которая поделилась со мной, в то время ещё учащимся второго курса медицинского училища, знаниями и умениями, которые она наработала на своём посту в течение многих лет. Благодаря ей я быстро освоил практически навыки сестринского дела и уже тогда смог работать в больнице самостоятельно.

* * *

Ребятишки прибежали домой с выпученными глазами.

– Саша, ты знаешь, какое мы чудо видели?

– Расскажите, буду знать.

– Тётя Валя Шумакова пришла к колонке за водой с двумя флягами. Мы думали, она нальёт воду, а дядя Гена (её муж) приедет на тележке. Но никто не приехал, а она взяла фляги в руки и потопала домой, как будто с вёдрами. Да ни один бы мужик их не утащил.

Чуть позже я узнал. Валентина Фёдоровна переболела туберкулёзом лёгких. Чтобы лечение было более успешным, ей посоветовали принимать рыбий жир. Начала она со столовой ложки, а завершала курс лечения, принимая по полстакана. Именно это и вернуло ей здоровье. Так это или нет не знаю, но легенда об этом долго жила в народе.

* * *

После второго курса я приехал в Серебрянскую больницу для прохождения практики. Меня поставили в процедурный

кабинет, чтобы я немного подучился у Валентины Фёдоровны сестринскому делу. Она управилась со мной быстро. Показала, где находятся шприцы, показала список больных, которые ходят на процедуры, сделала мне ручкой и на второй день ушла в отпуск.

Её метод обучения сестринскому делу мне сразу же напомнил метод обучения плаванию. Он заключается в том, что желающего научиться плавать увозят на лодке на середину реки, сталкивают за борт, а сами, учителя, быстренько уплывают поближе к берегу. Захочешь жить – выплывешь.

Утром, когда на процедуры стали подходить первые пациенты, я чувствовал себя дурак дураком. Но пути к отступлению были отрезаны. Признаться, инъекции и внутривенные вливания я на практике делал, но практика-то была мизерная: что-то два, что-то три раза. А тут по спискам человек двадцать. Помню первым на внутривенное вливание пришёл дядя Миша Богатырёв. Он заглянул в кабинет:

- А где Валентина Фёдоровна?
- В отпуске.

– А кто за неё?

– Я.

– А-а-а, – протянул он и закрыл дверь.

Моё самолюбие это его «А-а-а...» конечно задело, но в то же время и обрадовало, потому что я просто боялся этой манипуляции. Но слава богу не все земляки и землячки были такими привередливыми, почему-то остальные сразу же поверили мне и с лёгким сердцем подставляли руки, ягодицы. После первых же удачных инъекций мои руки перестали трястись, я почувствовал уверенность. Без сучка и задоринки пошли внутривенные вливания.

Наконец, очередь иссякла и я решил выйти на улицу, подышать свежим воздухом. Там в тенёчке, на больничном крыльце сидел дядя Миша с печальным выражением лица.

– А я думал, вы ушли. Может быть, попробуем уколоться.

– Попробовать можно, только толку от этого не будет. У меня вен нету. Валентина Фёдоровна и та не всегда попадает.

– И всё-таки давайте попробуем. Не

попаду, ковыряться не стану.

Дядя Миша вздохнул, но всё-таки пошёл за мной. Действительно вены у него не выделялись, однако при пальпации определялись, как хорошо напряжённые жгуты. Попал в вену я сразу, ввёл лекарство, придавил ранку ватным тампоном.

– Всё, дядя Миша, согни руку и свободен. Завтра жду первым.

И тут он мне признался:

– А я ведь не просто на крыльце сидел. Думал, может, Валентину увижу, попрошу её укол сделать. А оказывается, ты не хуже сделал.

На следующий день пришла Валентина Фёдоровна:

– Здравствуй. Как дела? Всё получается? Помощь не нужна?

– Спасибо. Всё нормально. Пока помощь не требуется, отдыхайте себе на здоровье.

– А Богатырёв ходит?

– Ходит.

– Ты и ему в вену попадаешь?

– Попадаю.

– Ну и молодец. Теперь я буду отдыхать, со спокойной совестью.

* * *

Отношения у нас с Валентиной Фёдоровной всё время были равными, доверительными, хотя один случай до сих пор не даёт мне покоя. Меня и сейчас мучают сомнения, а был ли я прав в том инциденте или нет.

После того, как я отработал за Валентину Фёдоровну в процедурном кабинете, меня уговорили подменить сестёр стационара на время их отпусков. Я вначале покочевряжился, но потом согласился, во-первых, чтобы набраться опыта, во-вторых, чтобы подзаработать денег, которые мне были позарез нужны.

Однажды вечером в больницу поступила девочка лет трёх-четырёх с высокой температурой, кашлем. Состояние её было тяжёлым. Фельдшер, которого я вызвал из дома, осмотрела ребёнка и назначила лечение, в том числе и сироп какого-то новомодного антибиотика. Сироп надо было давать через каждые четыре часа по одной мерной ложке. Я дал Наде (так звали девочку) уже вторую дозу, когда в больницу пришла Валентина Фёдоровна.

Оказалось, что у неё тоже заболела дочь, и ей тоже назначили тот же сироп с антибиотиком.

– У нас в шкафу, по-моему, есть такой сироп? – спросила Валентина Фёдоровна.

– Есть, только его уже принимает другая девочка.

– Какая?

– Костикова Надя.

– Ничего страшного. Ей можно поколоть уколы.

– Я сам не могу отменить лечение и назначить другое. Придёт фельдшер, скажет, я сделаю.

Валентина Фёдоровна ещё некоторое время пыталась убедить меня пусть и не открытым текстом, что её дочка важнее, чем эта девчонка – дочка скотника и школьной технички. Но я настоял на своём.

В итоге и тот и другой ребёнок выздоровели, выросли. Надя окончила медицинский институт, стала педиатром. А у меня с Валентиной Фёдоровной, к сожалению, отношения испортились. Нет, мы здоровались, разговаривали, но горький осадок на душе и у меня и у неё с той поры остался и до конца так и не растворился.

ШУМИЛИН ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

В 1975 или 1976-м году я познакомился с Валерием Шумилиным. В тот год из Москвы или Ленинграда, я этого уже не помню, в далёкую и дикую Сибирь отправился агитпоезд с лекторами, артистами, писателями и так далее и тому подобное. Был среди них и детский поэт Валерий Шумилин. В Чулыме этот агитпоезд почему-то задержался, не знаю почему. Знаю, что Валерий пришёл в редакцию поиздержавшимся. Ему были нужны деньги, взять их можно было только из своего кармана, а он, к несчастью, безнадёжно опустел. Правда у него в заначке была сырокопчёная ленинградская колбаса. Вот с её помощью он и попытался улучшить своё финансовое состояние. Типографские девчонки таскали её из угла в угол, но, тем не менее, купили. Всё дело в том, что такой колбасы в Чулыме никогда

не бывало, никто её не видал и не едал.

Как только он получил наличные, он сразу же захватил меня и побежал в книжный магазин. А уже там показал мне тоненькую книжонку в мягком блёклом переплёте, по-видимому он присмотрел её заранее. Издать что-нибудь хуже уже было нельзя.

– Ты только посмотри, что у вас есть. Это же Николоз Бараташвили. – Он открыл книжечку, – смотри это «Мерани», – и он начал читать это бессмертное стихотворение.

Спасибо тебе, Валерий, за то, что ты открыл для меня Бараташвили, а через него и вообще грузинских романтиков. Я, конечно, тоже купил эту книгу. Мне долгое время, когда я брал её в руки, было стыдно за то, что я видел эту книгу раньше, но не удостоился даже подержать её в руках.

Я думаю, что этот конкретный агитпоезд сыграл важную роль в деле образования меня. И это уже великое достижение отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС.

**ЩУКИН
МИХАИЛ
НИКОЛАЕВИЧ,**

русский писатель, член Союза писателей России, редактор журнала «Сибирская горница». С 2014 года – главный редактор журнала «Сибирские огни», лауреат премии Ленинского комсомола, автор большого числа книг, изданных в Москве в серии «Сибириада».

* * *

Встреча с Михаилом Щукиным для меня оказалась не совсем приятной. Я собрал свои стихи, написанные, как мне тогда казалось уже на профессиональном уровне, и поехал в Новосибирск и именно в «Сибирскую горницу». Не знаю, почему именно туда, скорее всего, просто так получилось.

В редакцию я приехал рано, ждать редактора пришлось долго. Наконец он явился и был явно не в духе. Диалог со

мною был кратким и для меня неожиданным.

– Что вы хотели?

– Я принёс стихи, хотел, чтобы вы посмотрели их, может быть, подойдут для вашего журнала.

– Нам сейчас стихи не нужны, поэтому для журнала они не подойдут.

Он позвал кого-то. Пришёл молодой человек лет этак двадцати или около этого.

– Егор, посмотри эти стихи.

Парень сел и добросовестно прочёл их.

– Хорошие стихи, мне понравились.

– Тогда направь его к Закусиной (*Закурина Нелли Михайловна*).

Егор дал мне телефон, рассказал немного о ней. Долгое время я не решался позвонить по этому номеру, памятуя холодный приём Михаила Щукина, но потом всё-таки позвонил, и мы договорились о встрече. От неё узнал, что Егор – это сын большого русского писателя, к тому времени, увы, уже покойного, Александра Плитченко.

С Александром Плитченко я соприкасался дважды. В первый раз, когда

он помогал делать первую книгу Владимиру Балачану (*Балачан Владимир Фёдорович*) и второй раз, когда я зашёл в Каргатский музей, где была представлена экспозиция, посвящённая Александру Плитченко, который учился и некоторое время жил в городе Каргате Новосибирской области. Даже оставил запись в книге для почётных гостей.

ЯКУБОВСКИЙ АЛЕКСЕЙ КИРИЛОВИЧ

во время моего пребывания в должности заведующего участковой больницей был моим заместителем по хозяйственной части.

* * *

Я работал в школе завхозом и по совместительству руководителем туристического и шахматного кружков, когда в местной больнице случилась беда.

Сгорела кочегарка и гараж, машину чудом удалось спасти. На работе больницы это сильно не сказалось, поскольку стояло лето, но осенью ситуация резко обострилась и к ноябрю стала невыносимой. Заведующая уволилась и встал вопрос о закрытии больницы. Сотрудникам терять работу, естественно, не хотелось, но решить проблему самостоятельно они не могли. Обратились к главному врачу, но и она (Сидорова Ирина Александровна) ничего утешительного сказать не могла. Средств на восстановление больницы не было, да и кадра, который мог бы совершить подвиг не находилось.

Однажды, когда я ковырялся на школьном дворе, ко мне подошли Галина Ивановна Фещенко, она временно возглавляла коллектив больницы и Людмила Яковлевна Боброва, заместитель главного врача района, и предложили мне должность заведующего Серебрянской участковой больницей. Я вначале отнекивался, а потом согласился. И вот тут-то я впервые столкнулся с Якубовцем (так его звал народ). Восстановить кочегарку и гараж мы могли только своими

силами. Лес нам дали, но его надо было заготовить и вывезти на пилораму. Якубовец категорически отказался ехать на лесозаготовку, ссылаясь на слабое здоровье.

– Хорошо, Кириллович, не хочешь, не надо, – это я ему, – но мне такие работники тоже не нужны. Больной, сиди дома, лечись, я найду здорового человека. И даже назвал фамилию того, кто с радостью бы занял эту должность.

Кириллович покряхтел, хоть и с неохотой, но ввязался в эту работу. Через несколько дней, когда стали видны положительные результаты, он уже был в числе первых: командовал, распоряжался рабочими сварщиками, которых нам пришлось всё-таки нанимать, ухитрился добыть в совхозе трубы, которые руководство совхоза всячески не давало.

Как бы там ни было, больницу мы восстановили и десять лет работали без взаимных претензий.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Казакова Любовь Степановна	5
Картавый Пётр Игнатьевич	7
Карасёв Александр Михайлович	8
<i>Карасёва Светлана Александровна</i>	9
«КОЛДУН»	9
Коньшев Борис Васильевич	10
«КОРОТКИЙ РАЗГОВОР»	12
Крещик Виктор Александрович	12
Куйбышевское медицинское училище	13
Лазарчук Евгений Александрович	14
Лапицкая Мария Никитична	17
Лебедев Иван Иванович	26
Лебедев Юрий Иванович	28
Лебедева Татьяна Петровна	30
«ЛЕКАРСТВА ВОКРУГ НАС»	31
Малахов Сергей Мстиславович	32
Мартынов Анатолий Александрович	40
Мейснер Александр Александрович	44
«МЕДВЕЖЬЯ НЕВЕСТА»	49
«МЕЛОДИИ ВЕТРА»	49
Мельников Сергей Павлович	50
Миёва Дарья Васильевна	52
<i>Миёва Лидия</i>	53
«Мировые ресурсы полезных растений»	53
Нагорный Виктор Иванович	54

Непша Галина Константиновна	56
Непша Пётр Павлович	57
Неумывакин Александр Леонтьевич	61
Овчаренко Александр Петрович	63
«ОДОЛЕНЬ-ТРАВА»	84
«ОТ ЗЕМЛИ К НЕБЕСАМ»	84
«ПАНОПТИКУМ»	84
Поляков Вячеслав Александрович	85
Полякова Нина Викторовна	87
Прашкевич Геннадий Мартович	89
«РАДОСТЬ В НЕПОГОДУ»	91
Редакция газеты «За коммунизм»	92
Редакция газеты «Трудовая жизнь»	97
Сазонов Николай Андреевич	99
Сазонова Мария Григорьевна	105
Салов Николай Данилович	107
Салова Наталья Геннадьевна	110
Санина Антонина Павловна	114
Санин Александр Иванович	117
Санин Анатолий Александрович	126
Санин Владимир Александрович	135
Санин Иван Иванович	139
Санина Юлия Дмитриевна	142
Савельева Александра Дмитриевна	142
Саратов Пётр Павлович	144
<i>Свирин Евгений Анатольевна</i>	146
Серебрянка	146

Серебрянская средняя школа	150
Серебрянская участковая больница	165
Сидоренко Игорь Григорьевич	171
Совхоз «Суминский»	175
Смольянинов Александр Петрович	180
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ	183
Степанова Нина Павловна	184
«СТИШАТА»	204
«СТРОГО МЕЖДУ НАМИ»	205
Осипов Владимир Петрович	205
Осипова Валентина Павловна	207
<i>Осипова Зинаида Александровна</i>	208
Степанов Владимир Александрович	208
Степанова Екатерина Павловна	217
Степанова Надежда Геннадьевна	218
Степанов Владимир Ильич	219
Степанов Геннадий Ильич	221
Степанов Игорь Геннадьевич	224
Степанов Илья Ефимович	225
Степанов Илья Павлович	228
Степанов Павел Владимирович	229
Степанова Анна Григорьевна	250
Степанова Валентина Ивановна	251
Степанова Зинаида Александровна	255
<i>Степанова Евгения Александровна</i>	256
Степанова Кристина Владимировна	256
Сычёва Евгения Анатольевна	258

Туденев Владимир Васильевич	261
Феденков Иван Семёнович	262
Феденкова Лидия Яковлевна	267
Феденков Пётр Иванович	275
Феденкова Татьяна Александровна	278
<i>Черенкова Лидия Яковлевна</i>	278
Чечёткина Вера Павловна	278
Шаймуратов Алексей Зуфарович	280
Шаймуратова Евгения Александровна	282
Шаймуратова Карина Алексеевна	294
Шалин Анатолий Борисович	300
Шипицын Алексей Алексеевич	301
Шировы	305
«ШКОЛЬНЫЕ ИСТОРИИ»	307
Шумакова Валентина Фёдоровна	308
Шумилин Валерий Александрович	315
Щукин Михаил Николаевич	317
Якубовский Алексей Кирилович	319